

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

А. Н. Поляков

Образование Киевской Руси

Монография

Рекомендовано учёным советом федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения высшего образования
«Оренбургский государственный университет»

Оренбург
2020

УДК 947
ББК 63.3(2)
П54

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор В. В. Амелин
доктор исторических наук, профессор С. В. Любичанковский

П54 Поляков, А. Н.
Образование Киевской Руси [Электронный ресурс] : монография / А.Н. Поляков; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования "Оренбург. гос. ун-т". - Оренбург : ОГУ. - 2020. - 275 с- Загл. с тит. экрана. ISBN 978-5-7410-2464-5

Основной задачей монографии является критическое осмысление сведений «Повести временных лет» и описание начальной истории Руси на основе фактов, которые подтверждаются независимыми источниками. Первая глава посвящена критике фактической стороны «Повести временных лет» с использованием других письменных и археологических источников. Вторая глава выстраивается на основе данных археологических раскопок, в необходимых случаях подкреплённых письменными источниками (без учёта «Повести временных лет»). В заключении описывается процесс развития Древней Руси на основе сопоставления выводов, сделанных в первой и второй главе.

Для научных работников, преподавателей и студентов гуманитарных специальностей, всех, кто интересуется русской историей.

УДК 947
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-7410-2464-5

© Поляков А. Н., 2020
© ОГУ, 2020

Содержание

Введение	4
1 Начало Руси в «Повести временных лет»	19
1.1 Обретение русского имени	19
1.2 Русь на пути к христианству	43
1.3 Крещение Руси	110
2 Становление Руси по данным материальной культуры	184
2.1 Развитие Восточной Европы в IX–X веках	184
2.2 Формирование элитарной культуры в Древней Руси	207
Заключение	226
Список использованных источников	234
Приложение А (Обязательное) Иллюстрации	256

Введение

Историческая наука нередко воспринимается как служанка политики. Идеологи вновь образовавшихся государств склонны описывать свою историю исключительно в героических тонах, не гнушаясь при этом передёргиванием фактов и даже прямыми фальсификациями. Это можно назвать «детской болезнью» формирующихся обществ. Не имея подлинной истории, они создают историю вымышленную. И чем эта история древнее, тем лучше (как им кажется). Не имея собственных заслуг перед человечеством, они приписывают их своим «великим» предкам. В XVIII веке, когда зарождалась современная историческая наука в России, можно было наблюдать такую же картину. Сейчас русское общество не нуждается в «вымышленной» истории. Россия имеет историю подлинную, историю больших побед и досадных поражений. Она насчитывает свыше тысячи лет. За это время мы сумели создать самую большую цивилизацию в мире. Ценой крови и пота наши предки освоили огромные пространства Евразии, сделав русской одну шестую часть света. За этот срок мы обогатили мировую культуру величайшими достижениями в науке, литературе, зодчестве, искусстве. Не раз останавливали завоевателей, мечтавших о мировом господстве. Проложили человечеству дорогу в космос: запустили первый в мире искусственный спутник Земли, первого космонавта, первую космическую станцию, первыми совершили выход в открытый космос и т.д.

Начало русской истории — одна из тем, значение которых для общества и науки не вызывает сомнений. Написано о происхождении древнерусского государства много. Мимо этой проблемы не прошёл ни один крупный историк. Среди них В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, М. П. Погодин, С. М. Соловьёв, Н. И. Костомаров, В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов, М. Н. Покровский, С. В. Юшков, Б. Д. Греков, Б. А. Рыбаков, И. Я. Фроянов и другие. Трудов менее известных историков — не счесть. Книги и статьи по этому вопросу и сейчас продолжают выходить с завидной регулярностью. Объясняется это как высокой актуальностью темы (она важна для формирования самосознания русского общества), так и скудостью и неоднозначностью источников, что приводит к нескончаемым спорам и различным трактовкам

одних и тех же сюжетов. В виду того, что этой проблеме посвящены не только конкретно-исторические и источниковедческие работы, но и немало историографических, ограничусь обзором только некоторых изданий, вышедших в конце XX-го и начале XXI столетий, на мой взгляд, отражающих основной набор взглядов, присущих современной русской историографии¹. Под «русской историографией» я подразумеваю все исторические труды, написанные на русском языке и имеющие хождение среди читателей не только России, но и Украины, Белоруссии и других стран русского мира. В обзор включены преимущественно крупные труды, специально посвященные проблеме образования древнерусского государства, а также работы с более широкой тематикой, в которых образование Руси является составной частью.

В 1998 году вышла книга Н. Ф. Котляра, в которой образованию восточнославянского государства посвящена первая глава². Описанный им процесс формирования государства, практически не выходит за рамки старой советской схемы. В основе Киевской Руси, по его мнению, лежит княжество Аскольда (Русская земля), которое он относит к середине IX века и называет первым политическим объединением восточных славян. Начало существования древнерусского государства Котляр традиционно видит в объединении Новгорода и Киева, и датирует 882 годом. Первоначальную форму государственности, сложившуюся на Руси, он называет дружинной. Данное понятие относительно Руси впервые применила Е. А. Мельникова в 90-е годы XX века, в свою очередь, позаимствовав его у американских «социоантропологов» (терминология Мельниковой). Оно означает тип государства, в котором главную роль выполняет военное «сословие», занимающееся не только своими прямыми обязанностями (сбор дани или налогов, охрана территории, завоевательные походы), но и выполняющее функцию управления обществом. Е. А. Мельникова, полагает, что у славян эту роль играла княжеская дружина³. Н. Ф. Котляр «дружинный» порядок на

¹ Пузанов В. В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007. С. 3–37; Шинаков Е. А. Образование древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. М., 2009. С. 24–65; Пузанов В. В. Образование древнерусского государства в восточнославянской историографии. Ижевск, 2012. 152 с.; Пузанов В. В. От праславян к Руси: становление Древнерусского государства (факторы и образы политогенеза). СПб., 2017. С. 85–120.

² Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998. С. 9–69.

³ Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в северной и северо-восточной Европе (Постановка проблемы) // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992 – 1993 гг. М., 1995. С.22.

Руси признаёт, но ограничивает временами Владимира Святославича. Русь XI столетия видится ему уже в привычном для советской науки свете, то есть как ранне-феодалная монархия¹.

В 2004 году вышел труд А. А. Горского «Русь от славянского Расселения до Московского царства», в котором образованию Руси была посвящена первая часть². По сравнению с советским временем общая схема становления древнерусского государства и здесь не претерпела существенных изменений. Основное внимание А. А. Горский уделяет спорным вопросам. Главным принципом изложения он выбирает «стремление по возможности представить историю Руси в терминах изучаемой эпохи»³. Сложение славянских территориальных союзов (по его терминологии «славиний») в Восточной Европе автор датирует серединой IX века. Примерно тогда же, полагает он, во главе ильменских словен оказался предводитель викингов Рюрик, которого А. А. Горский отождествляет с Рёриком Ютландским (считая эту версию наиболее вероятной). «Русский каганат» связывается им с именами Аскольда и Дира⁴. Причём первым каганом, по его мнению, мог быть родственник хазарского кагана, бежавший во время усобицы из Хазарии. Очень быстро, согласно Горскому, власть в русском каганате перешла к норманнам (то есть к Аскольду и Диру). Причину исследователь не называет. Отождествление руси с варягами он считает книжной конструкцией. При этом А. А. Горский не сомневается, что русская княжеская династия имеет скандинавское происхождение. Роль варягов в складывании государства он считает не очень значительной. Путь развития Руси, по его мнению, аналогичен великоморавскому и польскому. В заслугу норманнам он относит лишь объединение всех восточных славян в одно государство. Как и советские историки, он считает, что норманны, осев в Киеве, быстро ассимилировались. Скандинавская по происхождению «киевская династия и её окружение, — пишет он, — основу которого составляли потомки дружинников, пришедших в Киев с Олегом в конце IX

¹ Поляков А. Н. Киевская Русь как цивилизация. 2-е изд. Оренбург: Университет, 2016. С. 189–190.

² Горский А. А. Русь от славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 8–95.

³ Горский А. А. Указ. соч. С. 7.

⁴ Там же. С. 57.

в.» уже в середине X века (при Игоре), пользовалась славянским языком¹. Опираясь на данные византийских и восточных источников Русь этого времени он представляет в виде трёх анклавов с центрами в Киеве, Смоленске и Новгороде.

В 2005 году В. В. Фомин выпустил книгу, посвящённую варяжскому вопросу, в которой подвёл итог 200-летней дискуссии о роли скандинавов в образовании древнерусского государства с позиции антинорманизма². Он подробно рассмотрел процесс зарождения норманизма в западноевропейской историографии, сущность норманнской и антинорманнской теорий, дискуссию между М. В. Ломоносовым и Г. Ф. Миллером. В. В. Фомин пришёл к выводу, что сторонники норманнской теории топчутся на месте. «...Современные норманисты, — пишет он, — не зная предшествующей историографии, в том числе норманистской, ничего нового в современную науку не привнесли, т.к. их аргументы находятся на уровне XVIII — начала XIX века»³. В ответ в 2009 году свой труд на эту тему опубликовал С. Я. Клейн, в котором попытался подвести итоги дискуссии уже с позиции норманизма⁴. Рассмотрев основные аргументы сторон, он пришёл к противоположному выводу. «Антинорманизм как научная концепция давно мёртв»⁵ — пишет Л. С. Клейн.

Пример этих двух изданий, претендующих на подведение итогов давнего научного спора, показывает, что система аргументов и фактов с обеих сторон в основном сложилась, но ни одна из сторон не в состоянии доказать свою правоту. Проблема остаётся нерешённой. Попытки некоторых авторов, отстаивающих ту или иную концепцию, представить дело так, будто всё уже ясно и дело лишь в том, что оппоненты не хотят отказываться от привычных схем в силу своей косности и предвзятости, на мой взгляд, не допустимы. Такой подход как минимум не честен по отношению к массе неискущённых в споре читателей.

В 2007 году происхождению древнерусского государства посвятил раздел своей книги В. В. Пузанов⁶. Он затронул самые разные стороны проблемы: предпосыл-

¹ Горский А. А. Русь от славянского Расселения до Московского царства. С. 53.

² Фомин В. В. Варяги и варяжская Русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. 488 с.

³ Фомин В. В. Варяги и варяжская Русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. С.178.

⁴ Клейн Л. С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон. СПб., 2009. 400 с.

⁵ Клейн Л. С. Указ. соч. С.200.

⁶ Пузанов В. В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. Ижевск, 2007. С. 163–345.

ки, этапы, роль норманнов и хазар в образовании Древней Руси, типология ранней русской государственности. Особое внимание он уделяет внешним импульсам развития государства. Модная, начиная с 90-х годов, идея решающей роли международной торговли в образовании древнерусской государственности, хотя и признаётся им, но отводится на второй план. «Более важная, самостоятельная и универсальная роль, — пишет он, — в интеграционных процессах в Восточной Европе, впрочем, как, наверное, и везде, принадлежала войне»¹. По его мнению, объединение разрозненных племён в более крупные союзы и становление ранних государств не возможны без угрозы или применения военной силы. В. В. Пузанов выделяет три стадии и одновременно уровня объединения: первый — союз племён для отражения внешней опасности; второй — объединение союзов племён под главенством одного из них (остальные выплачивают дань и обязаны участвовать в военных действиях) и третий — высший тип суперсоюза (по терминологии автора), предполагающий прямое управление входящих в него территорий и племён². Решающую роль в образовании Руси он отводит норманнскому завоеванию. «...Наивно было бы полагать, — пишет он, — что норманны, ставшие в описываемое летописцем время «божьим бичом» Европы, доходившие до Испании и Сицилии (...), на севере Восточной Европы, у себя под боком, ограничивались мелкими наездами на туземные племена, торговой деятельностью и службой в качестве наёмников у восточнославянской и финской знати»³. В качестве доказательства им рассматриваются указания летописцев на дань, которую славянские и финно-угорские племена платили варягам («Повести временных лет»); данные Новгородской IV летописи (XV век), согласно которым после призвания (само призвание автор естественно не признаёт) Рюрик и его братья начали всюду воевать; свидетельства иностранных авторов (Фотия, Константина Багрянородного, Ибн Русте и др.) о подчинении славян русам; данные археологических раскопок о пожарах на тех или иных поселениях севера Восточной Европы. Русов он считает норманнами, но при этом никаких доказательств не приводит. Видимо, В. В. Пузанов считает это очевидным фактом, поскольку нередко позволяет

¹ Пузанов В. В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты. С. 196.

² Пузанов В. В. Указ. соч. С. 203.

³ Там же. С. 238.

себе менять в источниках одних на других. Везде, где речь идёт о русах (Фотий, Константин Багрянородный и др.), он, нисколько не смущаясь, говорит о норманнах. Признавая «фольклорный» характер летописного сказания о призвании варягов и отвергая само призвание, он старается извлечь из летописного текста максимум полезной информации, обращая пристальное внимание на всевозможные детали: города, которые подчинил Рюрик, перечисления племён, изгнавших варягов, указание «Повести временных лет» на взятие Олегом и Игорем Смоленска, датировку походов Олега на древлян, северян и радимичей и т.п. В необходимых автору моментах, он тщательно анализирует исторические источники, однако основные положения его версии становления древнерусского государства, не смотря на это, покоятся скорее на теоретической схеме и логических построениях, нежели источниках. В своей новой монографии, вышедшей в 2017 году, В. В. Пузанов отдаёт должное политической антропологии, считая её важнейшим элементом антропологической истории Древней Руси¹. «Современные исследования вопросов генезиса раннегосударственных образований, — пишет он, — невозможны без учета фундаментальных наработок представителей “американского неозволюционизма”»². Вместе с тем, это практически никак не повлияло на его концепцию, и он остался на прежних позициях.

В 2009 году вышло второе издание монографии Е. А. Шинакова, посвящённое проблеме образования древнерусского государства (первое издание было в 2002 году)³. По словам автора, исследование строится на основе теории «*этапности* и *обратимости* политогенеза, большой роли и самостоятельного (этапообразующего) значения переходных периодов с присущими им особыми *формами государственности*»⁴. Большое внимание Е. А. Шинаков уделяет теоретическим вопросам, отдавая дань различным концепциям образования государства, особенно политической антропологии, этнологии и политологии. Он стремится использовать методы, присущие этим направлениям в науке, много времени уделяет обзору (контент-анализу) источников.

¹ Пузанов В. В. От праславян к Руси: становление Древнерусского государства (факторы и образы политогенеза). С. 9.

² Там же. С. 7.

³ Шинаков Е. А. Образование древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. М., 2009. 477 с.

⁴ Шинаков Е. А. Указ. соч. С. 25.

Киевская Русь относится им к так называемым «вторичным» государствам. Ей предшествовали, считает он, всевозможные вождества, находившиеся под влиянием Хазарского каганата (Юго-Восток будущей Руси до середины 80-х гг. IX века), Великой Моравии (Юго-Запад вплоть до падения Великой Моравии в начале X века). Скандинавы, по его мнению, приняли непосредственное участие в образовании древнерусского государства. Варяги (под которыми он подразумевает шведских викингов) в 60-х годах IX века, занимаясь восточной торговлей, попутно собирали дань с расположенных вдоль торгового пути славяно-финских племён и вождеств. Соппротивление норманнскому давлению привело, по его мнению, к образованию конфедерации славян и финнов. Дружина русов, под которыми он подразумевает тех же норманнов, была включена в складывающуюся структуру и заняла там свою нишу. Норманнами он называет русов на основании того, что север и северо-запад Европы — линия Ладога–Ингельгейм–Севилья — не был регионом, в котором (как ему кажется) русы выступали бы в качестве послов, купцов или грабителей. Опираясь на гипотезу о датско-фризском происхождении Рюрика, первоначальное место обитания Руси он видит в районе Дорестада, Рюстрингии, Розенгау и Бирки в центральной Швеции¹. До 40-х годов X века Киевская Русь рассматривается им как сложное вождество во главе с «русами» и другими скандинавами в качестве «иностранный» компонента «государственной дружины». При Ольге Русь испытала положительное, но очень ограниченное воздействие Византии, а при Ярополке одновременно с Данией и Польшей перешла к фазе «раннего государства». По его мнению, оно носило корпоративно-дружинный характер с тенденцией развития к городам-государствам.

Концепция Шинакова переполнена теоретическими схемами, которые служат ему главным основанием для выводов. Источники используются им в качестве своеобразного склада, из которого берётся фактический материал для заполнения заранее выстроенных и сгруппированных схем. При этом данные письменных источников практически не подвергаются научной критике (за исключением всё того же контент-анализа, то есть статистической обработки текста). Автор часто исходит из

¹ Там же. С. 84.

реальности фактов, которые, как минимум подвергаются сомнению при источниковедческой критике, например, применение русью хазарской системы сбора дани «от дыма или рала»¹.

В 2012 году, в связи с празднованием 1150-летия русской государственности на свет появилось множество монографий и сборников статей. Многие из них в дальнейшем цитируются в настоящем труде. Особого внимания заслуживают работы А. А. Горского «Первое столетие Руси» (в рамках издания «Средневековая Русь») и В. Я. Петрухина «Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры»². А. А. Горский в основном остался на тех же позициях, что и ранее. Новым для него стало обращение к терминологии «политической антропологии». Рассуждая о стадии развития восточных славян накануне образования Киевской Руси, он употребляет характерное для данного направления понятие «вождество» — промежуточная форма организации общества между племенем и государством. Главным отличием вождества от племени он называет появление наследственной знати, а от государства — отсутствие прямого управления на местах со стороны верховного правителя³. Несмотря на признание того, что восточные славяне могли отставать в развитии от своих южных и западных собратьев (южные славяне, по его оценке, перешли на стадию вождеств в VI веке, западные в VII–VIII веках), А. А. Горский не сомневается, что ко времени проникновения варягов славяне Восточной Европы находились на стадии сложных вождеств, непосредственно предшествующих возникновению государства⁴. При варягах происходит переход к сверхсложному вождеству и одновременно к единому для восточных славян государству⁵.

В 2014 году вышло второе издание упомянутой выше книги В. Я. Петрухина⁶. Она освящает процесс образования древнерусского государства в контексте политических и этнокультурных взаимодействий. Книга содержит множество конкретных сюжетов, объединённых хронологически (начиная с расселения славян до правления

¹ Шинаков Е. А. Указ. соч. С. 150.

² Горский А. А. Первое столетие Руси // Средневековая Русь. Вып. 10. М., 2012. С. 7–112.

³ Горский А. А. Указ. соч. С. 36.

⁴ Там же. С. 41.

⁵ Там же. С. 48.

⁶ Петрухин В. Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. М., 2014. 464 с.

князя Владимира) и одновременно тематически (процесс образования древнерусского государства и культуры). В частности затронуты такие темы, как «венеды и этногенез славян», «призвание варягов», «феномен пражской культуры», «варяжская и хазарская дань», «викинги на западе и на востоке», «начало славянской письменности», «древнерусский языческий пантеон», «выбор веры» и другие. В. Я. Петрухин отстаивает позиции норманнизма практически в его классической форме: легенда о призвании варягов в основе своей исторична и не может быть подвергнута сомнению, русы были скандинавами, события развивались так, как это описано в «Повести временных лет». Текст книги отличается дидактическим тоном и безапелляционностью.

В 2015 году была издана книга А. П. Толочко, который поставил себе целью освятить начальную историю Руси без опоры на «Повесть временных лет»¹. Сведения летописи о происхождении древнерусского государства он считает по большей части легендарными или вовсе вымышленными². Основанием для этого служит вполне очевидный факт — от событий, которые описывает «Повесть», её отделяют два с половиной века. Автор отмечает, и тоже вполне справедливо, что «ни в какой другой области наука не оказалась так зависима от летописной повести, как в суждениях о возникновении Киевского государства»³. Исторические труды на эту тему представляются ему произведениями, в которых летописная легенда всего лишь описывается «научным языком».

Ведущую роль в экономической жизни Восточной Европы IX–X веков А. П. Толочко отводит работорговле. Древнерусское государство зарождается, по его мнению, не путём эволюции традиционных институтов в публичную власть, а в результате преобразования торгового сообщества (занятого работорговлей) в политическую структуру. Таким сообществом он считает компанию скандинавских купцов, которая воссоздаётся им на страницах своей книги по аналогии с известными торговыми компаниями Нового времени — Ост- и Вест-Индской и компанией Гудзонова залива. А. П. Толочко признаёт, что о существовании таких компаний в IX–X веках

¹ Толочко А. П. Очерки начальной руси. Киев; СПб., 2015. 336 с.

² Толочко А. П. Указ. соч. С. 10.

³ Толочко А. П. Очерки начальной руси. С. 9.

нет никаких сведений (от слова «вообще») и ссылается лишь на многочисленные материальные следы их деятельности в виде «скандинавских древностей», которые, как известно, трактовать можно по-разному¹.

Русь он считает по происхождению норманнской, хотя и отмечает, что во времена летописца была известна только славяноязычная «Русская земля» с тремя главными городами: Киев, Чернигов, Переяславль². Основанием ему служат в первую очередь летописная легенда о призвании варягов (у которой в данном случае признаётся историческое ядро, как бы по умолчанию) и перечень иноязычных имён в договорах Руси с греками, по его убеждению, сплошь скандинавских³. При этом, рассказ летописца о призвании Рюрика он называет «бродячим сюжетом» средневековой историографии и в достоверности ему отказывает. Естественно, он опирается и на данные раскопок, особо не вникая в тонкости археологических интерпретаций. Говоря о так называемом «Русском каганате», А. П. Толочко высказывает сомнения по поводу реальной принадлежности послов, прибывших в 839 году к Людовику Благочестивому, к шведскому народу, и указывает на неясность их отношений с русью. Тем не менее, ему кажется, что переключка формул из сообщения «Бертинских анналов» о посольстве и договора Руси с греками, приписываемого летописцем Олегу («gente Rhos» и «от рода рускаго»), позволяет преодолеть все сомнения и считать указанных анналами лиц, принадлежащих к сообществу, которое именовало себя русью, а правителя своего называло «Chacanus». Вопрос, почему вдруг норманнский конунг стал прозываться титулом степного императора, он решает довольно изящно — упомянутый послами каган, полагает А. П. Толочко, правитель не русов, а хазар. Перебирая сведения о титуле кагана и конкретно кагана русов из различных источников, исследователь приходит к заключению, что все они либо сомнительны, либо легендарны⁴. Анализируя сведения других письменных источников о русах, он непременно склоняется к норманнскому их происхождению (или просто исходит из этой посылки), а разночтения в локализации и характеристиках в западных, визан-

¹ Там же. С. 110.

² Там же. С. 93.

³ Там же. С. 93.

⁴ Толочко А. П. Очерки начальной руси. С. 133.

тийских и восточных источниках оправдывает остроумной догадкой — на просторах Восточной Европы действовали разрозненные группы русов, не связанные друг с другом.

А. П. Толочко отвергает скандинавское происхождение названия «Русь» и пишет, что оно «было самоназванием скандинавов именно и только в славянизированной форме»¹. Везде, куда приходили русы — Константинополь, Ингельгейм, Булгар или Итиль — они представлялись славянским названием, отмечает исследователь, причём происходило это даже в то время, когда скандинавы ещё не осели среди славян. Ему этот факт кажется неразрешимой загадкой.

Многое, после прочтения книги, остаётся неясным. Например, почему на её страницах многочисленные отряды скандинавской руси, занимавшиеся работоторговлей и оставившие после себя значительный пласт материальных ценностей, оказываются одновременно малочисленной группой (или группами), не способной (не способными) сохранить свой родной язык? Они не навязывают местному населению свои названия городов, рек и урочищ (как это они делали в других местах), а предпочитают в общении с народами изъясняться на славянском языке? Как получается, что злые разбойники, имевшие «гендерно полное население», не образовали замкнутое сообщество и, как минимум, не сохранили свою культуру?

Книга написана довольно увлекательно, её текст в значительной степени сохранил живую речь профессора перед студентами Киево-Могилянской академии. Однако смелые догадки и тонкие наблюдения, среди которых немало интересных, порой противоречат друг другу. А самая главная идея — перерастание скандинавской торговой компании в славянское государство «Русь» — опирается исключительно на аналогии и косвенные данные.

В 2019 году вышла книга Д. М. Котышева, посвящённая исключительно становлению древнерусской государственности². По его мнению, «Русь», «Русская земля» складывается в IX–X веках благодаря завоеванию Среднего Поднепровья «общностью, имевшей ярко выраженные скандинавские черты». Русы-скандинавы

¹ Там же. С. 154.

² Котышев Д. М. От Русской земли к земле Киевской. Становление государственности в Среднем Поднепровье. IX–XII вв. М., 2019. 254 с.

осуществляли данническую эксплуатацию славян-пактиотов (выражение Константина Багрянородного) посредством системы полюдья. В середине X века Русь — территориальная общность, консолидированная вокруг транзитных торговых путей (вождество). В это время формируется княжеская корпорация из ближайших родственников Игоря и Святослава, складывается представление о нераздельном владении «Русской землёй». В эпоху Владимира Святославича Русь из территориальной общности вождестского типа превращается в раннегосударственную структуру, основанную на совместном владении Русью княжеского рода¹. В XI веке модель «родового сюзеренитета» эволюционирует от сеньората к триумvirату.

Автор отрицает историчность понятия «Киевская Русь», считая его кабинетным изобретением. Если не иметь в виду школьное образование и стереотипы общественного сознания, против этого никто и не спорит. Ни в одном историческом исследовании нет утверждения, что это понятие почерпнуто из летописей. Оно используется ради удобства, определяя тот этап в развитии русского государства, в котором столицей был Киев. Не более того. Основной метод исследования — подбор известий из различных исторических источников под заранее заданную теоретическую схему, определяемую понятиями: потестарные структуры, вождество, раннее государство. В своих построениях Д. М. Котышев исходит из ряда постулатов, среди которых отождествление руси и скандинавов (как будто это не одна из научных гипотез, а реальный факт) — везде, где в источниках речь идёт о руси IX–X веков он смело заменяет русов на скандинавов. Например, поход 860 года на Царьград однозначно объявляется им свидетельством проникновения в Поднепровье норманнов. Без всяких оговорок он пишет: «Первым хронологическим маркером, говорящим о появлении скандинавов на Днепровском пути, стало нашествие росов на Константинополь 18 июня 860 г.»². Ещё одним постулатом является отношение к летописным свидетельствам, как заведомо достоверным. Совершенно не берётся в расчёт, что перед нами текст, написанный в конце XIV века (если речь идёт о статьях «Повести временных лет» по списку Лаврентьевской летописи), восходящий к XII-му («По-

¹ Котышев Д. М. От Русской земли к земле Киевской. Становление государственности в Среднем Поднепровье. IX–XII вв. С. 185–187.

² Котышев Д. М. Указ. соч. С. 42.

весть временных лет») или концу XI века в лучшем случае («Начальный свод»). Иначе говоря, автора летописи и событие разделяет как минимум 100, а то и 200 лет. Исследователь напротив рассуждает так, будто имеет дело с сообщениями беспристрастного очевидца. Вместе с тем, в нужных для него местах он вспоминает и об условности летописной хронологии IX–X веков (говоря, что достоверными являются только две даты — договоры 911 и 944 гг.¹) и о ненадёжности летописных сведений (он легко отказывается в достоверности летописному свидетельству о нашествии печенегов на Русь в 915 году, ссылаясь на сведения Константина Багрянородного о союзе русов и печенегов²). В целом исследование Д. М. Котышева оставляет впечатление мозаичного полотна, сочетающего в себе идеи американских неоэволюционистов, родовую теорию С. М. Соловьёва и концепцию И. Я. Фроянова.

Как видно, русская историография в первые десятилетия XXI века развивалась от робких попыток внедрения в старую марксистско-ленинскую методологию элементов других методологических систем (политической антропологии в частности) к постепенному отрешению от марксизма в пользу этих систем. Были попытки отказаться от политических и социологических обобщений вообще, заменив их понятиями, основанными на терминологии источников. Заметно стремление многих авторов вписать в рамки новых методологических конструкций давно известные сведения источников. Не очень понятно при этом, чем же эти новые схемы лучше. Неужели теория, построенная на основе наблюдения за африканскими племенами (политическая антропология), имеет более универсальный характер и объективней отражает исторический процесс, чем теория общественно-экономических формаций, выстроенная главным образом на европейском материале?

Подобного рода изменения в исторической науке не привели, однако, к пересмотру воззрений на общий ход зарождения и развития древнерусского государства. Несмотря на то, что практически во всех трудах встречаются оценки «Повести временных лет» или входящих в неё сюжетов как сомнительных или недостоверных, историки продолжают опираться на её данные, применяя критический анализ текста

¹ Там же. С. 55.

² Там же. С. 62.

только в избранных (как правило, выгодных для авторов) случаях. Мне известен только один труд (зарубежную историографию я не считаю), в котором была осуществлена попытка (на мой взгляд, не очень удачная) написать историю образования Древней Руси, не используя «Повесть временных лет» — это книга А. П. Толочко «Очерки начальной руси».

Я не призываю полностью игнорировать летопись. Это и не получится. Основной задачей данного труда является критическое осмысление сведений «Повести временных лет» и описание начальной истории Руси на основе фактов, которые получили подтверждение независимыми источниками. Первая глава настоящего исследования построена на критике фактической стороны «Повести временных лет» с использованием других письменных и археологических источников. Вторая глава выстраивается на основе данных археологических раскопок, в необходимых случаях подкреплённых письменными источниками (без учёта «Повести временных лет»). В заключении описывается процесс развития Древней Руси на основе сопоставления выводов, сделанных в первой и второй главах. Такой подход позволил, на мой взгляд, получить наиболее объективную картину зарождения и становления русской цивилизации и государства. Проблема формирования предпосылок и причин образования Киевской Руси, складывание основной территории, возникновение городов и другие, связанные с темой вопросы в исследовании не рассматриваются. Практически все они освещены в другом моём труде «Киевская Русь как цивилизация», выдержавшем к настоящему времени два издания¹. Там же можно найти и описание теоретических и методологических предпочтений автора.

Понятия «Киевская Русь» и «Древняя Русь» используются в труде как синонимы и подразумевают первый этап развития русской цивилизации, охватывающий период с X по XIII век. Русы, славяне и норманны характеризуются в исследовании как самостоятельные (отличные друг от друга) народы, поскольку именно так они фигурируют в источниках. Речь идёт, конечно, о IX–X столетиях, времени становления Киевской Руси. С XI века древнерусское государство можно считать, без вся-

¹ Поляков А. Н. Киевская Русь как цивилизация. Оренбург: ОГУ, 2010; Поляков А. Н. Киевская Русь как цивилизация. 2-е изд. испр. и доп. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2016.

кого сомнения, славянским. Кем были русы по своему происхождению, понять сложно, их этническая физиономия в эпоху формирования Древней Руси не ясна. Источники не дают для этого однозначного ответа и позволяют по-разному их воспринимать. Кому-то может показаться, что русы в то время — одно из скандинавских племён (или даже конкретно шведских или датских), кому-то кажется, что есть основания считать их славянами, кому-то они представляются иранским или кельтским племенем. Исходя из своих представлений, исследователи довольно часто без всяких обоснований вносят кажущийся им смысл в исторические источники, тем самым создаётся впечатление, что проблема уже решена окончательно. Между тем, она решена только для самих исследователей, которые позволяют себе придавать источникам нужный им смысл. Честнее, на мой взгляд, использовать в этом случае терминологию самих источников, то есть называть русов русами, а не норманнами или славянами. В ходе исследования я высказываю своё мнение на этот счёт, но оно в таком виде и преподносится (как мнение), а не выставляется как истина в последней инстанции. Древнерусская культура, вне сомнения, формировалась под влиянием многих стран и народов, в том числе скандинавов, западных и южных славян, Византии, кочевников-тюрок. Однако в развитом виде, мы её знаем определённо как славянскую, и своего могущества она достигла именно как одна из славянских культур.

1 Начало Руси в «Повести временных лет»

1.1 Обретение русского имени

Наши представления о начале древнерусского государства покоятся в основном на «Повести временных лет». Летопись, благодаря этому, много и тщательно изучалась. Свои труды ей посвятили А.-Л. Шлёцер, К. Н. Бестужев-Рюмин, А. А. Шахматов, крупные советские исследователи (М. Д. Присёлков, А. Н. Насонов, Д. С. Лихачёв, Я. С. Лурье, А. Г. Кузьмин), современные авторы — И. Н. Данилевский, Г. М. Прохоров, П. П. и А. П. Толочко, А. А. Гиппиус и многие другие. Историография памятника обширна, она полна и крупных изданий, и мелких статей, касающихся отдельных вопросов и сюжетов.

Отношение к «Повести временных лет» — сложное. Состав летописного сочинения, его источники более или менее ясны (за исключением гипотетических летописных сводов). Цель ведения летописи, способы отбора и обработки материала, степень достоверности содержащихся в «Повести» фактов в целом и особенно в её древнейшей части (от начала летописи до XI века) вызывают разногласия.

Первоначально исследователи исходили из того, что «Повесть временных лет» не имела предшественников (В. Н. Татищев, А.-Л. Шлёцер). Считалось, что созданная Нестором в начале XII века, она стала основой для последующего летописания. Летописцы, переписывая «Повесть», вольно или невольно портили её. Поэтому от историков требовалось «очищать» первоначальный текст, исправлять от привнесённых ошибок. Затем «Повесть временных лет» и все летописи, написанные на её основе, стали считать сводами со сложным и разнородным составом (П. М. Строев, К. Н. Бестужев-Рюмин, А. А. Шахматов и все советские исследователи).

Взгляды историков на методы и цель работы летописца развивались от представлений о нём как беспристрастном фиксаторе известных ему событий, через придание ему качеств беспринципного политика, играющего фактами в угоду своему заказчику, к образу монаха, ожидающего конца света и думающего только (или в основном) о спасении души. М. И. Сухомлинов писал, что летописцы записывали «всё, что случилось при них, доброе и не доброе, с совершенною истиною и без вся-

ких украшений»¹. А. А. Шахматов разглядел в авторе «Повести» (и его редакторах) «секретаря» княжеской канцелярии, рукой которого (которых) водили «политические страсти и мирские интересы»². М. Д. Присёлков и другие советские исследователи приняли и развили эту мысль. Летописи в их представлении были политическими документами, авторы которых описывали своих князей-заказчиков в наиболее выгодном свете, не заботясь о правдивости своих текстов³. Эсхатологические мотивы в составлении «Повести временных лет» не так давно увидел И. Н. Данилевский. Для него «Повесть» — своеобразный отчёт от начала Русской земли до конца времён, представленный на суд Господу⁴.

Автор «Повести временных лет» (как и его преемники) во время своей работы над летописью использовал различные приёмы: переписывал «слово в слово» свой источник, сокращал его, изменял, дополнял своими соображениями или вставками из других произведений. Характерной чертой работы автора «Повести» (и всех последующих летописцев) является использование центонно-парафразного способа построения текста. Описывая какое-либо новое событие, летописец использует выражения, фразы и предложения более ранних произведений⁵. Это означает, что детали и образы открывающейся исторической картины могут оказаться не тонкими наблюдениями очевидца, а «крылатыми выражениями» — точными (или вольными) цитатами, парафразами и тому подобными переделками произведений, хорошо знакомых автору и его читателям. Например, из готовых текстовых кусочков соткан рассказ Лаврентьевской летописи о нашествии Батыя на Русь⁶. Для описания ужасов разгрома Рязани используется текст «Повести временных лет» о бесчинствах князя Игоря в 941 году в Византии; владимирские княжичи Всеволод и Мстислав говорят фразами, взятыми из статей 1185, 1186 и 1093 годов; описание взятия монголами

¹ Сухомлинов М. И. О древней русской летописи как памятнике литературном. СПб., 1856. С.3.

² Шахматов А. А. Повесть временных лет. Петроград, 1916. Т.1. С.XVI.

³ Присёлков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С.37.

⁴ Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004. С.258.

⁵ Там же. С.55–75.

⁶ Прохоров Г. М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1974. Т. 28. С.78.

Владимира повторяет рассказ о взятии Киева в 1203 году; горе жителей Владимира выражается с помощью цитирования статьи 1093 года и так далее¹.

Повествование о начале Руси охватывает в летописи всю недатированную (вводную) часть и почти весь IX век – от первой даты (852 год) до 882 года. Вводная часть «Повести временны лет» содержит сведения о происхождении и расселении славян, легенды о пророчестве апостола Андрея Первозванного и основании Киева, рассказы о славянских княжениях и притеснениях славян со стороны угров и обров, обычаях славян (особенно полян) и других народов (по Георгию Амартолу), и заканчивается легендой о хазарской дани. Датированная часть повествования начинается со времени первого упоминания Руси в греческих хрониках — в летописи стоит 6360 год (852) — начало царствования Михаила (на самом деле должен быть 842 г.), но речь идёт о первом походе русов на Константинополь — 860 год (в летописи — 866 год).

Славяне в представлении автора «Повести» — потомки одного из сыновей Ноя — Афета (Иафета). Идея происхождения славянских племён от этого библейского персонажа — традиционна для эпохи. Так писали даже мусульманские авторы². Понятно, что к реальности она не имеет никакого отношения.

Расселение славян по территории будущей Русской земли летописец описывает со знанием дела. Вероятно, его осведомлённость в этом вопросе восходит к окружающей действительности, то есть началу XII века, временам, когда жил автор «Повести». «Летописец только потому и знал их многочисленные названия и с лёгкостью указывал их место на «карте», что то была повседневная реальность» — отмечает А. П. Толочко³. Многие исследователи думают, что славянские региональные группы, часто воспринимаемые как племена или народности, исчезают уже в XI веке. Но это не так. Они встречаются в летописях и в XII столетии. Например, под 1128 годом в Ипатьевской летописи рассказывается о походе русских князей на кри-

¹ Там же. С.78–79.

² Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т.3: Восточные источники. М., 2009. С.90.

³ Толочко А. П. Очерки начальной руси. С. 78–79.

вичей¹. Вятичи живут особняком дольше всех и упоминаются в летописях чаще остальных. О них пишет Владимир Мономах в своём «Поучении». По его словам, на рубеже 70-х – 80-х годов XI века он дважды ходил на князя вятичей Ходоту. Своё путешествие «сквозь Вятичи», которое Владимир совершил в начале своих славных трудов, он описывает как подвиг. В начале XII века вятичи убили миссионера Кукшу. В 1147 году у них скрывался новгород-северский князь Святослав Олегович. По всей видимости, в состав Руси вятичи вошли только в середине XII века². Кроме того, археологические материалы о расселении славянских «племён» опираются во многом на данные XII столетия³. В предшествующее время славянские археологические культуры мало чем отличаются. Древляне, дреговичи, волыняне, белые хорваты принадлежат к одной археологической общности (лука-райковецкой). Культуры северян (роменская) и вятичей (боршевская) практически неразличимы и многими археологами объединяются в одну.

Славянская тема в начале повествования о том, «откуда пошла Русская земля», объяснима. Русью во времена летописца называется одно из славянских объединений — поляне. «*Поляне, яже ныне зовомая Русь*» — пишет древнерусский книжник⁴. Иначе говоря, в XI–XII веках, существовали (и были известны летописцу) самые разные восточнославянские региональные группы (кривичи, древляне, дреговичи, северяне, вятичи и др.). Кроме полян. Полян в его время не существовало. Была только русь.

Рассказ о происхождении Руси предваряет «пророчество» апостола Андрея о «матери городов русских»⁵. Его текст наглядно показывает, как летописец описывал события, о которых ничего не знал, и знать не мог. Легенде предшествует текст, рассказывающий о пути «из грек в варяги» — вверх по Днепру, затем волоком до Ловати, оттуда в озеро Ильмень, Волховом в Нево (Ладожское озеро), далее по Неве в Варяжское (Балтийское) море — а затем вокруг Европы «из варяг в греки». Ан-

¹ ПСРЛ. М., 1998. Т.2. Стб.292.

² Поляков А. Н. Киевская Русь как цивилизация. 2-е изд. С.135–136.

³ Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С.270.

⁴ ПСРЛ. М., 1997. Т.1. Стб.25–26.

⁵ Историографию вопроса см.: Бурева В. В. Летописное сказание о святом апостоле Андрее в историографии // Мгарский колокол. 2010. № 95 // По ком звонит колокол: сетевой миссионерско-просветительский журнал. Режим доступа: <http://www.mgarsky-monastery.org/kolokol/1896>

дрей, согласно легенде, учил сначала в Синопе, а потом прибыл в Корсунь (Херсонес). Там он узнал, что недалеко находится устье Днепра и захотел отправиться в Рим тем самым путём, который был описан летописцем перед данным рассказом. Оказавшись на месте будущего Киева, Андрей сказал своим ученикам: *«Видите ли горы сия? Яко на сихъ горахъ восияеть благодать Божья имать градъ великъ [быти] и церкви многи Богъ въздвигнути имать»*¹. Затем он благословил киевские горы, поставил крест и отправился дальше по Днепру. Когда он добрался до ильменских словен, то обратил внимание на обычай мыться в бане — как славяне хлещутся и обливаются квасом кожевненным, парятся и чуть живые остужаются холодной водой. Удивившись этому, он обогнул Европу, прибыл в Рим, где рассказал о славянских банях, а затем вернулся в Синоп.

Поездка к восточным славянам никакими источниками не подтверждается, а детали рассказа выдают в нём выдумку летописца. В Новом Завете о путешествии апостола ничего не сказано. Не существует подобной информации и в других ранних документах². Греческие авторы более позднего времени сообщают лишь о проповедях Андрея в Скифии³ или что-то неопределённое («обойдя северный край»⁴). Близкий нашей летописи рассказ византийского писателя IX века Никиты Давида Пафлагона говорит о посещении Андреем Боспора (Керчи), Феодосии и Херсонеса, после которого апостол снова едет в Боспор, а потом в Синоп и далее по городам Римской империи, а не пробирается к горам киевским через устье днепровское. Ехать в Рим, сначала через дикие степи, непроходимый лес и болота, а потом вокруг Европы, Андрею не было никакой необходимости. Ему ничего не мешало выбрать более короткий и лёгкий путь, через проливы Босфор и Дарданеллы, путь, которым он прибыл в Синоп, а потом и Крым. Им же он вернулся обратно. В I веке нашей эры, когда жил Андрей, торгового пути, описанного летописцем, не существовало. Есть основания полагать, что и позже — в IX веке — его тоже не было. «Совершен-

¹ ПСРЛ. Т.1. Стб.8.

² Виноградов А. Ю. Предания об апостольской проповеди на восточном берегу Чёрного моря // Богословские труды. 2007. №1. С.261.

³ Евсевий Кесарийский. Церковная история // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т.2: Византийские источники. М., 2010. С.16.

⁴ Никита Давид Пафлагон. Слово четвёртое [похвала] святому и всеславному апостолу Андрею // Там же. С.135.

но отчетливо по карте кладов IX в., — отмечают А. С. Щавелев и А. А. Фетисов, — читается полное отсутствие признаков функционирования пути «из варяг в греки» как единой транзитной торговой магистрали от Балтики до Причерноморья»¹. По их данным, в IX – первой половине X в. этот путь существовал лишь в виде нескольких самостоятельных и не связанных отрезков². Судя по найденнымкладам, значительный участок по реке Ловати практически не действовал³. В верхней части река несудоходна, а в нижней изобилует порогами⁴. Совершать крюк через Финский залив, Ладогу, Волхов и Ильмень (вместо того, чтобы плыть по Западной Двине) ради экстремального путешествия по Ловати, вряд ли было разумно. Попытки повторить этот путь современными исследователями успехом не увенчались⁵. Начало освоения славянами территории новгородской земли приходится по разным оценкам на V–VI или даже VIII–X века⁶. Об этом также говорят археологические раскопки. Следовательно, даже если бы Андрей каким-то чудом оказался там, ни славян, ни бань он бы не увидел. Здесь обитали тогда финно-угорские племена.

Основной смысл рассказа убедить читателя в том, что Киев стал богоспасаемым местом не случайно. Его величие будто бы предсказал сам апостол Андрей, первый ученик Христа. Рассказ о банях служит здесь *доказательством* этой поездки и, естественно, пророчества (а не попыткой возвысить Киев над Новгородом или насмешкой над новгородским летописцем⁷). О том, что славяне моются в банях, хорошо было известно современникам летописца — именно они и проделывали все эти действия, описанные Андреем, — хлестались, парились и обливались. И коль уж апостол рассказывал об этом в Риме, значит он действительно был на киевских горах и на самом деле предрекал величие и святость Киева. Путь «из грек в варяги» или как его принято называть «из варяг в греки» также, видимо, существовал только

¹ Щавелев А. С., Фетисов А. А. К исторической географии Восточной Европы IX – начала X века // Историческая география / отв. ред. И. Г. Коновалова. М., 2014. Т. 2. С. 14.

² Щавелев А. С., Фетисов А. А. К исторической географии Восточной Европы IX – начала X века. С. 17.

³ Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С.228.; Никитин А. Л. Основания русской истории: Мифология и факты. М., 2001. С.124.

⁴ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. СПб., 1896. Т.17а. С.889.

⁵ Никитин А. Л. Основания русской истории. С.129.

⁶ Кучин Ю. С. Словене ильменские (новгородские) в освещении отечественной историографии сер. XX в. – нач. XXI в. // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2015. №2. С.104, 105 и др.

⁷ См.: Бургеа В. В. Летописное сказание о святом апостоле Андрее в историографии...

в воображении летописца, который его придумал для того, чтобы отправить им апостола Андрея.

Образцом и примером для подражания русскому летописцу послужило, по всей видимости, греческое предание о создании Андреем Первозванным Константинопольской Церкви, которое давало основания грекам претендовать на первенство в борьбе с Римом¹. Греческое житие указывает на то, что Андрей побывал в городе Византии (будущем Константинополе), построил там церковь и назначил первого епископа города Стахия. Кроме того, в нём говорится о случаях водружения Андреем крестов на местах его побед над язычниками². Рассказу нашего летописца близок сюжет о воздвижении апостолом Андреем креста в Хараксе у Амастриды, где позже был построен храм³. Автор летописи к уже известному эпизоду из биографии апостола добавил свой, изящно вставив новое путешествие первого ученика Христа в его «греческий» маршрут. Современникам летописца рассказ мог казаться правдивым, поскольку содержал знакомые детали: посещение Андреем Синопа и Херсонеса, славянские бани, водружение крестов на местах будущих церквей. По этой же причине таковым он казался и многим исследователям.

Следом за пророчеством о Киеве в летописи идёт сообщение о его основании полянами. Рассказ содержит явные следы народной этимологии. Имя героя – Кий – вырастает из названия города, его братьев Щека и Хорива — из наименований местных гор, а сестры Лыбеди — реки. Легенда ничего не содержит, кроме объяснения названий местных топонимов: были три брата и сестра, сидели каждый на своей горе (сестре, видимо, в реке), построили город, назвали его в честь старшего брата, потом все умерли. Легендарность Кия (и его братьев) подчёркивается тем, что у него не оказалось потомков. Когда Аскольд и Дир, согласно летописи, прибыли в Киев, никаких «Киевичей» — продолжателей династии, они не застали. Потомками Кия и его родственников здесь выступают сразу все поляне. На вопрос «Чей городок?» они

¹ Культура Византии. Вторая половина VII–XII в. / Отв. ред. З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин. М., 1989. С.142.

² Введенский А. М. Время внесения в летопись легенды об Андрее Первозванном и её состав // *Rossica Antiqua*. 2012. №2 (6). С.16.

³ Введенский А. М. Указ. соч. С.16.

отвечают уже знакомой нам легендой¹. Автор «Повести», продолжая рассказ, говорит о двух версиях того, кем был основатель Киева — перевозчиком (с этим он не согласен) или князем. Доказывая княжеский статус героя, автор «Повести временных лет» ссылается на факт похода Кия на Царьград: *«аще бо бы перевозникъ Кию то не бы ходилъ Царюгороду...»*². Там он якобы удостоился чести от царя (*«якоже скажутъ яко велику честь приялъ от царя»*³), а на обратном пути основал ещё один город на Дунае — Киевец⁴. Источником убеждённости летописца в своей правоте было, по всей видимости, неверно понятое сообщение его предшественника, отразившееся в Новгородской Первой летописи (с которым он и спорил о происхождении Кия и называл «несведущим»). В новгородской летописи сразу после рассказа об основании Киева говорится о походе на Царьград: *«При семь [царе Михаилен] приидоша Русь на Царьград...»*⁵. В виду того, что здесь не указывается, кто именно направился на столицу Империи, автор «Повести» мог подумать, что это относится к Кию. Что касается «почестей», скорее всего, это просто домыслы летописца, призванные усилить его аргументацию.

Несмотря на прозрачную славянскую этимологию Киева (от «кий» – палка, дубинка, булава), высказываются и другие версии, которые вряд ли могут быть приняты⁶. Названия «Киев», «Киево» и близкие к нему встречаются во многих славянских странах — Польше (недалеко от белорусского Бреста), Чехии (к юго-востоку от Брно), Словакии (в Прешовском крае), Хорватии (Шибенско-Книнская жупания), Болгарии (к северо-западу от Габрово). Вместе с тем, существование князя (или перевозчика) Кия нельзя принимать всерьёз. Это не более чем топонимическая легенда. Мне кажется, название города могло произойти от иносказательной формы имени Перуна. Кий — палица, палка — один из атрибутов славянского громовержца⁷.

¹ ПСРЛ. Т.1. Стб.20–21.

² Там же. Стб.10.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ ПСРЛ. М., 2000. Т.3. С.105.

⁶ Трубачёв О. Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 2005. С.4048.; см. так же: Иванов В. В., Топоров В. Н. Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976. С.119–121.

⁷ Афанасьев А. Н. Древо жизни. М., 1983. С.80.; Татищев В. Н. История Российская. М., 2005. Т.1. С.69.

На Старокиевской горе, согласно летописи, стоял почитаемый в округе идол Перуна. Рядом с его святилищем находилось кладбище. Славяне (носители лука-райковецкой, роменской, волынцевской культур) селились на соседних горах или на склоне этой горы. Положение изменилось только в середине или конце X века¹.

Далее в «Повести» говорится о княжениях славян, гнёте со стороны обров и нашествии угров, а также обычаях славян. Рассказ о них передан текстом, близким (и, видимо, к нему восходящим) к так называемой «речи философа», которая помещена в «Повести временных лет» под 986 годом: «... и кождо своя норовы прияша ... ови рощениемъ, кладеземъ и рекамъ жряху»². О славянах: «Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своих и преданя, кождо свой нравъ»³. Описание славянских традиций подтверждается самыми разными данными. Умыкание девиц у воды, игрища между сёлами, пляски и «бесовские» песни, многожёнство, срамословие при отцах и снохах, сжигание покойников и тризна — явления, о которых сообщают (с некоторыми разночтениями) иностранные наблюдатели и писатели, свидетельствуют древнерусские акты (Церковный устав Ярослава Владимировича), славянский фольклор и другие источники. Исключение составляют только поляне, которые в летописи резко отличаются от остальных славянских региональных групп. Они кроткие и тихие, не сквернословят, за жёнами на игрища не ходят, приводят невесту в дом жениха накануне свадьбы и получают на следующий день приданое (то, что дают родственники), предпочитая, ко всему этому, моногамию. Следы такого «ангельского чина» полян полностью отсутствуют в других источниках. Подобной святости отношений Киевская Русь не знала даже столетия после крещения. Благостное отношение к полянам, как станет ясно позже, вызвано не только патристическими чувствами. Замысел летописца со всей очевидностью раскроется, когда поляне станут у летописца русью.

¹ Ёлшин Д. Д. Комплекс монументальных сооружений конца X века на Старокиевской горе: археологический, историко-архитектурный и градостроительный аспекты: автореф. дис. к.и.н. СПб., 2008. С.19–20; Поляков А. Н. Киевская Русь как цивилизация. 2-е изд. С.112–113.

² Повесть временных лет / подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачёва / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1996. С. 42.

³ Повесть временных лет. С. 10.

Ключевое значение в понимании представлений автора о начале Руси имеет рассказ о призвании варягов, который помещён в «Повести временных лет» под 859 и 862 годами. Содержание рассказа общеизвестно. Вначале, под 859 годом, автор «Повести» сообщает, что варяги принимали дань со славян (ильменских словен и кривичей) и других племён, живших по соседству (здесь же говорится, что хазары брали дань с полян, северян и вятичей). После двух пропущенных лет (860 и 861) летописец приступает к сути рассказа. В 862 году славяне и все остальные данники изгнали варягов за море и стали владеть собой сами. Это привело к большим несчастьям: началась усобица, пошёл род на род, и не стало между ними правды. Тогда они решили поискать себе правителя, который бы владел ими и судил по праву (то есть по правде). Для этого было отправлено посольство за море к варягам, которые, как утверждает летописец, назывались русью: *«сице бо ся звахуть и. варязи суть. яко се друзии зъвуться Свое [свеи]. друзии же Оурмане. Анъглыне друзии Гъте. тако и си реша. Русь»*¹. Послы заявили варягам: *«вся земля наша велика и обилна. а наряда в ней нетъ. да поидете княжить и володети нами»*². На просьбу откликнулись три брата — Рюрик, Синеус и Трувор, которые прибыли к просителям со своими родами и стали править — Рюрик в Новгороде, Синеус на Белоозере, а Трувор в Изборске. От них, заявляет летописец и прозвалась Русская земля. Далее помещён смущающий многих исследователей текст: *«Нооугородьци от рода Варяжьска. прежде бо беша Словени»*³. Через два года братья Рюрика умерли, и он, взяв всю власть в свои руки, стал раздавать своим мужам города: кому Полоцк, кому Ростов, кому Белоозеро. В этом месте автор ещё раз уточнил, что во всех этих городах варяги были находниками, а коренными жителями — словене, кривичи, весь, меря и мурома. Завершается статья 862 года рассказом об Аскольде и Дире, которые отпросившись у Рюрика, отправились в Царьград, но остановились в Киеве и стали там править со своими варягами.

Логическим продолжением легенды о призвании Рюрика с братьями является сообщение о походе Олега на Киев в 882 году. После смерти Рюрика, о которой го-

¹ ПСРЛ. Т.1. Стб.19.

² Там же. Стб.20.

³ ПСРЛ. Т.1. Стб. 20.

ворится под 879 годом, собрав большое войско — варягов, чудь, словен, мерю, весь и кривичей, Олег отправился на юг, взял Смоленск и Любеч, посадил там своих мужей, и, добравшись до Киева, спрятал своих воинов в ладьях. Притворившись купцом, он вызвал Аскольда и Дира на переговоры, объявил их самозванцами и убил. Далее идёт самое главное. Олег сказал: *«се буди м[а]ти градомъ рускими. [и] беша оу него Варязи и Словени и прочи прозвашася Русью»*¹. На этом история обретения восточными славянами имени «Русь» заканчивается. Следующий дальше текст подводит читателя к мысли о неизбежности приобщения Руси к христианству и исполнению пророчества Андрея Первозванного.

Оба рассказа (и о Рюрике, и об Олеге) вызывают большие сомнения. Начнём с того, что датировка событий (862 и 882 годы) не соответствует действительности и это общеизвестно. В столице империи ромеев послы кагана русов появились ещё в 838 году (или начале 839-го). Военный поход на Царьград они совершили в 860 году, за два года до легендарного призвания Рюрика. Никакой другой источник, современный «Повести» или более древний, близкий самим событиям, не сообщает ни о призвании Рюрика славянами, ни об Олеге. Отождествление Рюрика с Рериком (Рориком) Ютландским, мягко говоря, является натяжкой. Деятельность Рерика проходила на северо-западе бывшей Франкской империи в середине – второй половине IX века. Пик его активности приходится на 850–873 годы. Вместе с братом Харальдом он держал в качестве бенефиция город Дорестада². Владел Фризией. Был вассалом Людовика Немецкого. После 873 года из вида хронистов он пропадает³. С нашим Рюриком его роднит только созвучие имён и пробел в его биографии, что явно недостаточно. Строить на этом теории и гипотезы — всё равно, что гадать на кофейной гуще. В так называемом «Кембриджском документе» упоминается царь Руси Хельг — современник византийского императора Романа Лакопина, но его судьба и время жизни с Вещим Олегом русской летописи не совпадают⁴. Что касается договора с греками 911 года — он дошёл до нас только в передаче летописца, кото-

¹ Там же. Стб.23.

² Пчелов Е. В. Рюрик. М., 2010. С.144.

³ Там же. С.146–147.

⁴ Кембриджский документ // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т.3: Восточные источники. М., 2009. С.181–183.

рый мог просто вписать туда имя Олега (подробнее об этом ниже). То, что он был способен на это, сомневаться не приходится. Он уже менял имя Игоря на Олега, описывая поход 882 года. Греческие хроники, которыми летописец активно пользовался, хорошо знают Игоря, Ольгу, Святослава, Владимира, но молчат и о Рюрике с братьями, и об Олеге. Не имея никаких других источников о событиях 200-летней давности, наш летописец был в крайне затруднительном положении. Судя по всему, в то время были известны только имена и могилы описываемых персонажей (Рюрика, Синеуса, Трувора, Аскольда, Ди́ра и Олега) — на могилы Олега, Аскольда и Ди́ра прямо указывается в «Повести». «Олегова могила» в Киеве как действительно существовавший ориентир упоминается в Ипатьевской летописи под 1151 годом. Первые три имени, по всей видимости, также были взяты из местных топонимов подобного рода («Рюриково» и «Труворово» городища — названия поздние, возникшие уже на основе летописной легенды).

Содержание рассказов воспроизводит реалии не IX-го, а XI–XII веков. Призвание князя — практика XII столетия. Племена словен и кривичей, а, равно как и финно-угорской чуди, в IX веке не являлись единым политическим организмом. Последствия изгнания варягов, однако, описываются так, будто славяне и чужд потеряли правителя (а не угнетателей, грабивших их), то есть неожиданно в ходе рассказа происходит подмена понятий. «Самостоятельность» (фактически имеется в виду отсутствие князя) порождает безвластие с присущим ему хаосом — род идёт на род, а град на град и судить по праву некому. События развиваются исходя из мысли, что славяне Приильменя и их соседи имеют единую государственность. Они принимают совместные решения и снаряжают общее посольство, целью которого и является необходимый им правитель. И Рюрик, и затем Олег ведут себя как типичные князья XII века. «Устанавливать дани», «судить по правде», «строить и раздавать в управление города» — обычные занятия князей в эпоху летописца. Иначе говоря, все действия Рюрика стандартизированы. Он делает только то, что по представлению автора «Повести» должен был делать. Никакой конкретики в его действиях нет. Как и в случае с Кием, это заставляет думать, что Рюрик (и тем более его братья, которые сделали только то, что умерли) — фигура выдуманная и выдумана она для каких-то

определённых целей. На самом деле, ни Новгорода (где вокняжился Рюрик), ни Ростова, Полоцка, и Белоозера (где Рюрик рассаживал своих мужей), ни Смоленска и Любеча (где Олег оставил своих посадников) в IX веке не существовало. Восточными славянами (или кем-либо ещё на территории будущей Руси) не было построено ни одного поселения городского типа. Даже предполагаемая резиденция Рюрика на Городище, близ Новгорода, не была городом в древнерусском смысле этого слова. Это был посёлок, принимавший участие в международной торговле, которая активно велась тогда по Волжскому пути. Первые города, судя по археологическим данным, на территории Руси появляются в X веке¹. В «эпоху Рюрика» славяне жили в небольших посёлках в хаотично расположенных подквартных жилищах, где, как показывают раскопки, нет следов имущественного или классового неравенства и тем более государственности².

Некоторые детали рассказов вызывают недоумение. В частности, заявление послов: «...вся земля наша велика и обильна. а наряда в ней неть»³. Смущает здесь утверждение, что земля славян Приильменя «обильна». Имеется в виду, что она благоприятна для земледелия и богата всевозможными природными дарами. Однако всё было как раз наоборот. Новгородская земля в силу особенностей местного климата всегда страдала от недостатка хлеба. Здесь распространены дёрново-подзолистые (часто переувлажнённые, засорённые камнями) и заболоченные почвы, малопригодные или вовсе не пригодные для земледелия. Месторождений драгоценных металлов нет — ни золота, ни серебра. Климат (в IX веке он мало отличался от современного) — затяжная прохладная весна, тёплое, но короткое лето, продолжительная осень и снежная зима — также не способствует «обильности» земли словен и их соседей.

Очевидно, это и другие подобные странности возникли благодаря привычке летописца использовать для построения текста уже готовые фразы различного происхождения. Основным источником его «вдохновения» в данном случае (в условиях отсутствия сведений из хроник) оказалась Библия. Земля «обильная» — это земля

¹ См.: Поляков А. Н. Киевская Русь как цивилизация. 2-е изд. С.110–121.

² Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. С.65.

³ ПСРЛ. Т.1. Стб.20.

обетованная, обещанная Богом избранному народу. Она неоднократно упоминается в Ветхом Завете. Впервые в этом качестве, кажется, во второй книге Моисея “Исход”: «...Я знаю скорби его и иду избавить его от руки Египтян и вывести его из земли сей [и ввести его] в **землю хорошую и просторную, где течёт молоко и мёд...**» (Исх. 3:8). Конкретно, указанный текст восходит, скорее всего, к пророчеству Исаии, сына Амосова о последних днях Иудеи и Иерусалима. Здесь есть сведения о земле с бесчисленными сокровищами, золотом и серебром¹ и предсказание о появлении царя, который будет царствовать по правде: «*Се бо царь правдивъ царствуетъ и князи со судомъ владеши начнутъ*»². Текст самого послания напоминает слова из книги Судей: «*...и егда приидете, увидите в люди живущая съ упованиемъ, а земля **просторна** [«велика» – в летописи]... яко предасть ю Господь Богъ в руки ваша, **место на нем же несть скудость во всем иже на земли** [это и значит – «обильна»]*»³. В синодальном переводе этот текст выглядит так: «...когда пойдёте вы, придёте к народу беспечному, и земля та обширна; Бог предаёт её в руки ваши; это такое место, где нет ни в чём недостатка, что [получается] от земли» (Суд. 18:10).

В тексте легенды есть и другие библейские заимствования. Используя их, можно повторить «подвиг» древнерусского книжника. Мотив призвания правителя помимо пророчества Исаии присутствует в Книге Судей: «*И вегда воеваша сынове Аммони на Израиля, идоша старцы Галаадови пояти Ефая от земля Тововы, и рекоша къ Ефаеви: прииди даны будеши стареишина, да ся вополчимъ на сыны Аммония*». В синодальном переводе: «Во время войны Аммонитян с Израильтянами пришли старейшины Галаадские взять Иеффая из земли Тов. И сказали Иеффаю: приди, будь у нас вождём, и сразимся с Аммонитянами» (Суд. 11:5–6.). Описание усобиц после изгнания варягов («*...и не бе в нихъ правды и въста родъ на родъ и быша в них*

¹ «И наполнилась земля его серебром и золотом, и нет числа сокровищам его» (Ис. 2:7).

² В синодальном переводе текст звучит так: «Вот Царь будет царствовать по правде, и князья будут править по закону; и каждый из них будет как защита от ветра и покров от непогоды, как источник вод в степи, как тень от высокой скалы в земле жаждущей» (Ис. 32:1-3.)

³ Старославянский текст библии цитируется по Острожской библии 1581 г. издания Московской старообрядческой книгопечатни 1914 г. (Библия сиречь книги ветхаго и новаго завета. М.: Московская старообрядческая книгопечатня, 1914. 726 л.); Синодальный перевод библии цит. по изданию: Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового завета. М.: Российское библейское общество, 1993. 1376 с.

усобице»¹) повторяет текст Первой книги Маккавейской и Третьей книги Ездры. В первой говорится: «И напал от них страх и ужас на весь народ, и говорили: **нет в них истины и правды**, ибо они нарушили постановление и клятву...» (1 Мак. 7:18.). Вторая гласит: «И будут предпринимать войны одни против других, **город против города**, одно место против другого, **народ против народа**, царство против царства» (3 Езд. 13:31.). Старославянский вариант текста звучит так: «*и иные инымъ помышляютъ възбранити, град града и место места, и языцы на языцехъ, и царство на царство*». И то, и другое можно найти в «Хронике Георгия Амартола». Здесь «не-правда» и «усобицы» объединены в одном тексте и ближе к летописному: «... и **[не] въ правдоу вънадъше и въ безаконію все превъшедъшемъ, несыти быша грехы творяще. градъ бо на градъ крамолоу имяше, и языкъ на языкъ сташе** (во всех случаях выделено мною. — А.П.), и разделяшесе вся земля в крамолоу...»².

Смысл всей этой истории достаточно очевиден — убедить читателя в том, что имя «Русь» северного варяжского происхождения. Сделать это оказалось непросто. Современные летописцу русины, в числе которых был и он сам, говорили на славянском языке. Русов-варягов они не знали. В источниках XI века (например, Русской Правде) варяги и русины всегда противопоставляются. В доказательство северного происхождения Руси, автор «Повести» привёл только перечень варяжских народов, хорошо известных его современникам, намеренно (чтобы ему поверили) включив туда и русов. Где-то на севере, рядом с чудью, он упоминал русь и в самом начале «Повести». При этом летописец упорно старается убедить читателя в том, что киевские русы раньше назывались полянами. Рассказ о них в недатированной части сродни описанию «избранного» народа в Библии. Это отождествление — руси и полян, по всей видимости, говорит о том, что, кроме первых летописцев, о полянах (в отличие от остальных «племён») не помнил никто уже в XI веке.

На самом деле ни о какой Руси на побережье Балтийского моря неизвестно. Все её поиски в этом месте оказались тщетными. Источники чаще всего связывают

¹ ПСРЛ. Т.1. Стб.19. В Новгородской Первой летописи текст ближе к библейскому: «*И въсташа сами на ся воевать, и бысть межи ими рать велика и усобица, и въсташа град на град и не беше в нихъ правды*» (ПСРЛ. Т.3. С.106.)

² Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе. Т. 1. Текст, исследование и словарь. Пг., 1920. С. 67.

Русь с киевским Поднепровьем и Причерноморьем. Здесь её размещают не только русские летописцы XII века (так называемая Русь в узком значении), но и арабо-персидские, византийские и западноевропейские авторы IX–X столетий. Указания восточных писателей X и последующих веков на размещение русов между славянами и хазарами (позже булгарами и печенегами) никого не удивляют. Эти сведения совпадают с данными «Повести временных лет» о княжении в Киеве русских князей Игоря, Святослава и Владимира. Подтверждают это и византийские авторы — Лев Диакон¹, Псевдо-Симеон², Продолжатель Феофана³ и другие. Император ромеев Константин Багрянородный рассказывает о росах, которые ежегодно отправляют свои моноksилы из Киева в Константинополь, минуя днепровские пороги (которым он даёт двойные названия — росские и славянские)⁴. Он же описывает приём в Константинополе киевской княгини Ольги⁵. Однако, о русах, живущих между славянами и хазарами, то есть где-то в районе Поднепровья и Причерноморья, пишут восточные авторы рубежа IX–X веков и первых десятилетий X столетия (Ал-Истахри)⁶, и западноевропейские книжники второй половины IX столетия — «Баварский географ»⁷. Иначе говоря, с тех пор, как русы появляются на исторической сцене, они находятся в одном и том же месте — на юге восточной Европы, рядом с хазарами и славянами.

Зачем же понадобилось летописцу помещать первоначальную Русь на севере? Дело в том, что существовала другая версия происхождения названия русского народа, которая была в широком ходу и тогда, и позже. Речь идёт о легенде, согласно которой, **Русь получила имя от своего прародителя, князя Руса**. Мы её знаем в различных вариантах из восточных источников, греческих и славянских исторических сочинений. Хорошо известно так называемое «Сказание о Словене и Русе и го-

¹ Лев Диакон. История. М., 1988. С.36, 44, 57 и др.

² Псевдо-Симеон. Малые хроники // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т.2: Византийские источники. М., 2010. С.184–185.

³ Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. СПб., 1992. С.175–176.

⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С.45–46.

⁵ Константин Багрянородный. О церемониях византийского двора // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т.2: Византийские источники. С.143–146.

⁶ Ал-Истахри. Книга путей и стран // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т.3: Восточные источники. С.82.

⁷ «Баварский географ» // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т.4: Западноевропейские источники. М., 2010. С.29.

роде Словенске», размещённое в поздних русских летописях (например, Мазуринском летописце конца XVII века¹). Другой вариант — о братьях Лехе, Русе и Чехе — содержит более ранняя «Великопольская хроника»². Арабо-персидская версия — о Словене, Русе и Хазаре практически современна «Повести временных лет»³. Однако самое раннее упоминание о Русе, от которого пошло имя народа, древнее нашей летописи. Оно находится в хронике X века Псевдо-Симеона (вариант «Продолжателя Феофана»): *«Росы, или ещё дромиты, получили своё имя от некоего могущественного Роса после того, как им удалось избежать последствий того, что предсказывали о них оракулы...»*⁴. По всей видимости, предлагаемая летописцем история обретения славянами «русского» имени противостоит именно этой версии. Чем же она не угодила летописцу?

Ключ к разгадке кроется в эсхатологических ожиданиях автора «Повести», на существовании которых настаивает И. Н. Данилевский. Как и все христиане, наблюдаемую им историю летописец воспринимает как реализацию библейских пророчеств. Часть заголовка, предваряющего описание временных лет в Новгородской Первой летописи (*«как избра богъ страну нашу на последнее время»*⁵) свидетельствует о том, что русские христиане (или их часть, к которой принадлежал летописец) воспринимали свою страну как землю, на которой произойдёт спасение человечества. Это убеждение вступало в противоречие с представлениями греков о народе «рос», появление которого у границ империи в IX веке было прочно связано с пророчеством Иезекииля о князе Гоге из земли Магог. Согласно пророчеству, в последние годы человечества на землю Израиля, избавленную от меча и живущую безопасно, Бог приведёт полчища некоего Гога, князя Роша, Мешеха и Фувала (старославянский вариант: *«се азъ на тя Гогъ и Магогъ, князя росска, мосохъ и фовель»*).

¹ ПСРЛ. Т.31. М., 1968. С.11–12.

² «Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / Под. ред. В. Л. Янина. М., 1987. С.52.

³ «...Рус и Хазар были от одной матери и отца. Затем Рус вырос и, так как не имел места, которое ему пришлось бы по душе, написал письмо Хазару и попросил у того часть его страны, чтобы там обосноваться. Рус искал и нашел место себе. Остров не большой и не маленький, с болотистой почвой и гнилым воздухом; там он и обосновался». Анонимное сочинение "Моджмал ат-таварих" (1126 г.) (Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С.401.).

⁴ Псевдо-Симеон. Хроника // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т.2: Византийские источники. С.182.

⁵ ПСРЛ.Т.3. С.103.

Придут «росы» от пределов севера и приведут с собой многие народы в полном вооружении, в бронях, со щитами и мечами, чтобы произвести грабёж, набрать добычи, взять серебро и золото, отнять скот и имущество. Но потом, чтобы показать себя избранному народу, Бог уничтожит «росов», и похоронят Гога и всё его войско в долине на восток от моря и будут называть эту долину «Гогова» (Иез. 38:2-23; 39:5-16.).

Нашему летописцу, который считал именно Русь «избранной на последнее время», не могло понравиться это пророчество. Чтобы превратить русов из предвестников апокалипсиса, обречённых на уничтожение, в народ спасаемый Богом, ему пришлось отречься от мифического прародителя Руса, заменив народную легенду искусственной конструкцией, составленной из переименованных библейских текстов.

В связи с этим, неожиданное звучание приобретает сказание о хазарской дани, стоящее в летописи перед «хронологической» частью. Согласно сказанию, поляне заплатили хазарам дань мечами, что было воспринято хазарскими старейшинами, как дурной знак: *«Не добра дань, княже. Мы ся доискахомъ оружьемъ одиною стороною, рекоша саблями, а сихъ оружье обоиду остро, рекше мечь. Си имуть имати дань на насъ и на инехъ странах»* — заявили они¹. Так и случилось, отмечает далее летописец, владеют русские князья хазарами и по сей день. Смысл рассказа автор раскрывает сам, указывая на библейский прототип — повествование о пророке Моисее: *«Яко и при Фаравоне, цари Еюпетьстемь, е[г]да приведоша Моисея предъ Фаравона, и реша старейшина фараоня: се хочеть смирити область Еюпетьскую, якоже и бысть: погибоша Еюптяне от Моисея, а первое быша работающе имъ»*². В каноническом тексте Библии этот сюжет отсутствует. Близкий к отсылке текст содержится в апокрифическом житии пророка, которое, как полагают А. И. Соболевский, Н. А. Мещерский и А. А. Алексеев, было известно в домонгольское время. Есть этот текст и в самой «Повести временных лет», в так называемой «Речи философа». Правда, в житии, и в «речи» эти слова вкладываются в уста не старейшин, а

¹ ПСРЛ. Т.1. Стб.17.

² Там же.

жреца Валаома (волхва в «речи»). И слова эти, как ни странно, ближе к тому смыслу, который вкладывал в свой рассказ автор «Повести временных лет». Фараону, согласно апокрифу, приснился сон, в котором некий старец держал на одной чаше весов всех египетских старейшин, а на другой всех агнцев. Проснувшись, он потребовал объяснений от жрецов. Тогда Валаом сказал: *“Се въстанеть зло въ Егупте в последня дни”*. И рече цьсарь: *“Что будеть, скажи намь”*. И рче Валаомь к цьсарю: *“Отроча родится во Израили и растворит все царство Егупетьско, ведая буди цьсарю, да напиши въ законехъ егупетьских, да истоять всяко отроча, иже родится в жидехъ, да убиваютъ и”*¹. Однако случилось так, что Моисей не просто выжил, но рос прямо в царском дворце. Однажды, когда ему было около трёх лет, он внезапно снял венец с головы фараона и возложил его на свою. Фараон и его вельможи испугались. И вот тогда волхв Валаом сказал: *«Помяни, господине цьсарю, сонъ, еже еси видель и како протолкова рабъ твой к тебе. Се есть деля еврейско яко духъ Божий есть в немъ, и премудростью створиль есть се, и хоцеть прияти цьсарьство Егупетьское собе»*². То есть смысл и летописного, и житийного рассказов примерно один: и последние станут первыми, «ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк. 18:14).

Рассказ летописца о хазарской дани может иметь и второй, неявный, но вполне угадываемый смысл. В пророчестве Иезекииля говорится, что «избранный народ», который подвергнется нашествию в конце времён, будет избавлен от мечей. Выдача хазарам дани именно мечами может намекать на этот факт, ещё раз указывая на «особый статус» полян. Поляне, выплатив дань, остаются как бы вовсе без мечей. Здесь же, кстати, они ещё раз отождествляются с русами. Дань мечами платят поляне, но господствуют над хазарами русские князья, то есть, автор полян и русов не различает.

Библейский мотив господства над бывшими угнетателями, совпадающий с летописной легендой о хазарской дани, есть и в пророчестве Исаии. «Близко время его, — говорит он, — и не замедлят дни его...и дом Израиля усвоит их себе на земле

¹ Житие пророка Моисея // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2004. Т. 3. С. 120.

² Там же. С. 122.

Господней рабами и рабынями, и возьмёт в плен пленивших его, и будет господствовать над угнетателями своими» (Ис. 14:1-2).

Сочиняя свою историю про Рюрика, наш летописец не был оригинален. В X веке подобную легенду о призвании изложил монах монастыря Новая Корвея Видукинд. Он писал о приглашении «измученными» вторжениями врагов бриттами «благородных» саксов: «И вот, когда распространилась молва о победоносных деяниях саксов, [жители Британии] послали к ним смиренное посольство с просьбой о помощи. И послы [из Британии], прибывшие [к саксам], заявили: “Благородные саксы, несчастные бритты, *изнуренные постоянными вторжениями врагов* (здесь и далее курсив мой. — А. П.) и поэтому очень стеснённые, прослышав о славных победах, которые одержаны вами, послали нас к вам с просьбой не оставить [бриттов] без помощи. *Обширную, бескрайнюю свою страну, изобилующую разными благами, [бритты] готовы вручить вашей власти... ”*»¹. Известно, что Видукинд черпал информацию у автора VIII века Беда Достопочтенного. В своей «Церковной истории народа англосаксов» Беда сообщал: «В год от воплощения Господа 449-й Маркиан, сорок шестой от Августа, стал императором после Валентиниана и правил семь лет. В это время народ англосаксов, приглашённый Вортигерном, приплыл в Британию на трёх кораблях и получил место для поселения в восточной части острова, будто бы собираясь защищать страну, хотя их истинным намерением было завоевать её. Сначала саксы сразились с врагами, нападавшими с севера, и одержали победу. Известия об этом вместе со слухами о плодородии острова и о слабости бриттов достигли их родины, и вскоре оттуда отплыл много больший флот со множеством воинов, которые соединились с теми, кто уже был на острове, в непобедимую армию. Новоприбывшие получили от бриттов земли по соседству с ними на условиях, что они будут сражаться против врагов страны ради её мира и спокойствия и получать за это плату»². Беда не был современником приглашения англосаксов. В его «истории» речь идёт о событиях 300-летней давности. Видукинд — это хорошо видно — переиначил текст предшественника, сделав его ближе по стилю русской летописи

¹ Видукинд Корвейский. Деяния Саксов. М., 1975. С.128.

² Беда Достопочтенный. Церковная история народа англосаксов. СПб: Алетейя, 2003. Гл. XV.

(слухи о богатстве земли бриттов превратились в его произведении в прямую речь послов). На близость этой — совместной Беда и Видукинда — истории рассказу нашей летописи о призвании варягов исследователи обратили давно. Первым на это указал А. А. Куник в статье «Несторово сказание о призвании Варягов-Руссов, объясняемое сказанием о призвании Англо-Саксов». По его мнению, в основе и англосаксонской, и русской легенды лежит некая северо-западная сага. Е. А. Мельникова и В. Я. Петрухин, обобщая историографическую ситуацию вокруг этой темы в середине 90-х годов XX века и отмечая ряд близких произведений (в которых есть мотив призвания), пришли к выводу, что в основе летописной легенды лежит некий договор («ряд»), заключённый «между приглашённым князем и местным нобилитетом»¹. Д. С. Николаев указывает на неточность параллелей, приводимых Мельниковой и Петрухиным. И римская традиция (история Ромула и Рема у Тита Ливия), и чешская (призвание Пшемисла в Хронике Козьмы Пражского), и отмеченная выше англосаксонская, по его словам, «не является параллельной в сколько-нибудь точном смысле слова»². В первой нет призвания и договора с местной знатью, во второй сюжет ближе к библейской истории о переходе от правления судей к правлению царя, в третьей или вообще нет ничего общего (Беда Достопочтенный), или не говорится о призвании правителя (Видукинд Корвейский)³. Называть все эти совпадения «разительными параллелями» легенде о призвании варягов, он считает, нельзя и предлагает свой вариант — «Поучение Морана» в стихотворной редакции X века и более поздней прозаической. Здесь он обнаруживает гораздо больше совпадений с нашей летописью и, самое главное, «концепцию правильного правителя, который судит по правде» (дающую новой династии «сакральную санкцию» на управление страной) и общую структуру повествования: изгнание чужеродной элиты — несчастья, наступившие после этого — призвание правителя из-за моря — разделение страны между новыми властителями. По мнению Д. С. Николаева, факт заключения договора между народом и приглашённым правителем является таким же общим местом в хри-

¹ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 55 (см. так же: С. 53–54).

² Николаев Д. С. Легенда о призвании варягов и проблема легитимности власти в раннесредневековой историографии // Именослов. История языка. История культуры. М., 2012. С. 189.

³ Николаев Д. С. Указ. соч. С. 186–188.

стианской традиции, как и призвание, и считать этот мотив историческим ядром легенды о варягах (то есть реальным историческим событием) нельзя¹. П. С. Стефанович приводит ещё несколько подобных легенд: сообщения Амата из Монтекассино и Льва Остийского о «появлении норманнов в Салерно», а так же «Историю и топографию Ирландии», в которой описывается завоевание страны норвежцами. Возвращаясь к идее А. А. Куника, он утверждает, что «за последние полтора столетия в науке не были приведены какие-то соображения, не позволившие бы согласиться» с ним². Доказывая свою правоту, он приводит следующие соображения: тесные связи Нижней Саксонии, где жил и работал Видукинд Корвейский, и русского княжеского двора (X–XI веков) с норманнами, а так же наличие произведений (вышеуказанные труды), в которых присутствует мотив призвания норманнов (в этом Стефанович усматривает влияние самих норманнов, которые якобы перенесли этот мотив во все уголки Европы). Особая близость речей бриттов и словен, вследствие этого, видится ему признаком общего источника северогерманского происхождения, которым воспользовались и Видукинд Корвейский, и русский летописец.

Мне кажется, полемика (часть которой я здесь привёл) вокруг сообщения летописи о Рюрике и его братьях с тенденцией к возвращению в изначальное состояние показывает, что поиски исторического ядра легенды о призвании варягов не имеют перспективы. Здесь просто нет достоверной информации. Изгнание чуждой элиты — призвание справедливой власти — договор народа с новыми правителями — речи послов с указанием на богатство своей земли и прочие детали подобного рода — все они являются общим местом в христианской традиции, восходящим к библейским образцам. Зацепиться не за что — приводимые исследователями факты (о сагах или договорах с местной элитой, прочных связях русского двора с норманнами и т.п.) являются плодом их собственного воображения, предположениями, выдающими желаемое за действительное.

¹ Там же. С. 198.

² Стефанович П. С. «Сказание о призвании варягов» или *origo gentis russozum?* // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 567.

Признание легенды о призвании варягов полностью недостоверной влечёт за собой исчезновение краеугольного камня, вокруг которого вот уже 200 лет с лишним ведётся спор о роли норманнов в образовании древнерусского государства. Воспоминания самих норманнов, как известно, скромнее. Среди героев скандинавских саг нет творцов Киевской Руси, а правители этой страны не воспринимаются как потомки её создателей¹. В Страну городов (Гардарику) викинги едут за приключениями, служат правителю этой страны и совершают множество подвигов. Сам собой становится очевидным факт, что появление скандинавских древностей на территории расселения восточных славян и угро-финнов (о чём свидетельствуют археологические раскопки) связано с интересом норманнов к восточной торговле по Волжскому пути (вдоль которого эти древности в основном и встречаются). Это подтверждает бесследное исчезновение скандинавского наследия во второй половине XI–XII веках вместе с упадком этой торговли и синхронно с развитием Киевской Руси, в создание которой они якобы приложили массу усилий. Подробнее об этом речь пойдёт во второй главе.

Таким образом, вся начальная часть «Повести временных лет» состоит из сплошных сказаний (народных и книжных, придуманных летописцем ради неких высших целей), что не удивительно, учитывая время, которое разделяет автора и описываемые события. Рассказы о призвании варягов и деятельности Олега (поход 882 года) вряд ли имеют к историческим фактам хоть какое-то отношение. И общий ход событий (призвания правителя, поход с севера на юг народа-разрушителя к избранному народу (поляне) и его исчезновение (осталось только имя)) и детали, предлагаемые автором «Повести» в качестве достоверных, не имеют под собой твёрдой почвы. Они описывают «сбывшиеся» предсказания ветхозаветных старцев, состоят из библейских текстов, приспособленных для нужд летописца, и стереотипных, присущих князьям и людям XII века, действий. Мотивом для создания легенды о Рюрике и Олеге стало желание поправить «неприятное» для автора пророчество Иезекииля, которое греки связывали именно с русами. Выдуманными являются и

¹ Джаксон, Т. Н. Рюриковичи и Скандинавия / Т. Н. Джаксон // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005. М.: Индрик, 2008. С. 203, 227.

сведения о поездке к славянам апостола Андрея и основании Киева (это просто топонимическая легенда). Достоверными можно считать только некоторые сюжеты и детали, которые восходят к эпохе самого летописца: расселение славянских племён по восточной Европе (древляне, северяне, вятичи, кривичи и т.д.), обычаи язычников (кроме полян), привычка мыться в бане и некоторые другие. Реальны, вероятно, были и персонажи «Повести» (если учитывать наличие их могил в Киеве, Ладоге, Изборске и Белоозере) — Рюрик, Синеус, Трувор, Олег, Аскольд, Дир — только вот деяния, родство и отношения их между собой, как это описано в летописи, не соответствуют действительности. Скорее всего, они не связаны между собой ни временем, ни кровью, ни местом действия. В этой части «Повести» можно обнаружить и другие полезные сведения объективного характера, если иметь в виду неисчерпаемость скрытой информации в любом письменном источнике. Однако пользоваться данными летописи — прежде всего рассказами об Олеге и Рюрике — нужно с большой осторожностью, подкрепляя и подтверждая дополнительными, не связанными с «Повестью», источниками¹.

¹ Материалы параграфа впервые были опубликованы: Поляков А. Н. Начало Руси в "Повести временных лет" и норманнский вопрос / А. Н. Поляков // Социально-гуманитарные инновации: стратегии фундаментальных и прикладных научных исследований [Электронный ресурс]: материалы Всероссийской научно-практической конференции; Оренбург. гос. ун-т. Электрон. дан. Оренбург: ОГУ, 2019. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). С. 45–52.

1.2 Русь на пути к христианству

События X века в истории Руси открывает рассказ о возникновении славянской письменности. С него летописец приступает к описанию спасительного пути Руси к принятию христианства. Автор «Повести временных лет» предлагает читателю тщательно подобранную информацию, взятую из греческих хроник и других литературных памятников, устных преданий и легенд. Повествует он о деятельности Олега и славных предков крестителя Руси: Игоря, Ольги и Святослава. Отношение к ним со стороны летописца сродни тому, что представил в «Слове о Законе и Благодати» русин Иларион: *«Похвалимъ же и мы, по силе нашей, малыими похвалами великаа и дивнаа сътворъшааго нашего учителя и наставника, великааго кагана нашеа земли Володимера, вьнука старааго Игоря, сына же славнааго Святослава, иже въ своа лета владычествующе, мужьствомъ же и храборьствомъ прослуша въ странахъ многах, и победами и крепостию поминаются ныне и словуть (Выделено мною. — А. П.). Не въ худе бо и неведоме земли владычствоваша, нъ въ Руське, яже ведома и слышима есть всеми четырьми конци земли»¹.*

Работа по отбору материала хорошо видна в содержательной части «Повести». Из 31 года княжения Олега, указанных летописцем под 852 годом, (если не считать краткие сообщения, которые носят трафаретный характер) отмечаются только события одного из них и связанных с ним ещё двух лет: это поход на Царьград 907 года, договор с греками (911 г.) и следующий за ним под тем же годом (912 г. в летописи) рассказ о смерти князя. Одним деянием, расписанным на три года, фактически выражено и всё княжение Игоря (33 года): поход на греков (941 г.), поход на них же 944 года, завершающий его договор (находится в летописи под 945 г.) и рассказ о смерти князя. Ольга отмечена тремя свершениями: мстью за Игоря, установлением погостов и дани по Мсте и Луге (впрочем, рассказ об этом очень краткий) и поездкой в Царьград. Святослав (28 лет княжения), если не считать краткие сообщения о походах на хазар, вятичей и болгар (965, 966, 967 гг.) также совершает лишь одно деяние, удостоившееся подробного описания летописца — это поход на греков 971

¹ Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1997. Т. 1. С. 42–43.

года. Его предваряет рассказ об осаде печенегами Киева под 968 г. и заканчивает краткий сюжет о смерти князя на днепровских порогах (972 г.).

Направление отбора материала хорошо заметно, его можно выразить одним словом — Царьград. Олег идёт на Царьград, Игорь дважды идёт на Царьград, Ольга едет в Царьград, Святослав, воюя с греками, грозитя пойти на Царьград. Отношения Руси с «католическими» странами Западной Европы, мусульманским Востоком и Хазарским каганатом места в летописи не находят. Ничего не говорится об отношениях с венграми и славянскими странами. «Повесть временных лет» молчит о походах русов на Каспий 910 (912) и 943(944/945) годов (известных по данным восточных источников), о посольстве Руси к германскому императору Оттону I (959 г.) и миссии на Руси Адальберта, о походе русов на столицу Хазарии Итиль в 969 году, о помощи эмиру Дербента в 987 году, о выпуске монет Владимиром (предположительно 989 и 1011 гг.).

Рассказ о возникновении славянской письменности стоит в «Повести временных лет» под 898 годом. Место действия называется летописцем «Славянской землёй» или «Моравией». Здесь впервые в летописи даётся точная датировка. Говоря о переложении книг с греческого языка на славянский, автор летописи замечает: *«Мефодий же посади 2 попа скорописца зъло, и преложи вся книги неполнь от гречьска языка въ словѣнескъ 6-ю мѣсяць, начень от марта мѣсяца до двудесяту и 6-ю день октября мѣсяца (выделено мною — А. П.)»*¹. Сюжет рассказа посвящён в основном деятельности Кирилла и Мефодия. Обращение моравских князей к византийскому императору Михаилу напоминает речь словенских послов к варягам: *«Земля наша крещена, и нѣсть у насъ учителя, иже был ны наказалъ, и поучалъ насъ...»*². В рассказе любопытно одно замечание. Автор «Повести» говорит: *«Тѣм же и словеньску языку учитель есть Павелъ, от него же языка и мы есмо Русь, тѣмъ же и нам Руси учитель есть Павелъ...А словеньский языкъ и руский одно есть...»*³. Выражение «от него же языка и мы есмо Русь» указывает на происхождение народа полян-руси от славян из Моравии. Если учесть предшествующий текст

¹ Повесть временных лет. С. 16.

² Там же. С. 15.

³ Там же. С. 16.

о том, что поляне ушли с Дуная, когда земля Славянская (Моравия) была пленена уграми, мы найдём время прихода полян-руси в район Киевского Поднепровья — когда угры захватили Славянскую землю (Моравию), то есть в начале X века. Это противоречит рассказу летописца о захвате Олегом Киева в 882 году, не говоря уже об Аскольде и Дире, которые, согласно «Повести временных лет», прибыли сюда на 20 лет раньше вещего князя. По летописи выходит, что Олег захватил город, который поляне построили только через несколько десятилетий (если сопоставить сведения летописи об основании Киева полянами и временем их прихода на правобережье Днепра). Объяснить это не сложно. Летописец просто не знал, когда угры разгромили Моравию, и когда поляне-русь пришли в район Киева. Особое отношение летописца к полянам приобретает при этом не только чисто идеологическую основу (поляне — избранный народ), но и историческую. Становится понятно, почему они резко отличаются по своим нравам от остальных восточных славян — видимо, потому, что многие из них были христианами.

В Новгородской Первой летописи, в которой обычно видят отражение Начального свода, этого рассказа нет. По мнению А. А. Шахматова, в «летопись Нестора» он попал в 1116 году, благодаря вставке редактора «Повести» Сильвестра. Рассказ стоит особняком и разрывает повествование о деятельности Олега. Сразу после него записано несколько пустых лет (899, 900, 901), краткие сообщения о борьбе угров и болгар, женитьбе Игоря, ещё три пустых года, а потом уже подробный рассказ о походе Олега на Царьград в 907 году.

Поход Олега 907 года с договорными статьями и следующий за ним договор 911 года, являются предметом спора. Это одна из тем, которая пользуется постоянным вниманием. Историография вопроса обширна. Среди авторов, посвятивших ему свои труды, известные русские исследователи: Н. А. Лавровский, В. И. Сергеевич, А. А. Шахматов, В. М. Истрин, С. П. Обнорский, Д. С. Лихачёв, А. А. Зимин, А. Н. Сахаров, С. М. Каштанов и многие другие¹.

По другим источникам, о походе (равно как и о договоре) ничего не известно (на это обращал внимание ещё А.-Л. Шлёцер). Это важное обстоятельство, которое

¹ Историографию вопроса см. напр.: Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси: IX– первая половина X в. М., 1980.

не даёт полностью доверять данному сообщению, а при определённых условиях не позволяет верить ему вообще.

Согласно «Повести временных лет» князь Олег вышел из Киева, собрав огромное войско, в которое включил варягов, чудь, мерю и практически всех восточных славян (полян, северян, словен новгородских, кривичей, древлян, радимичей, вятичей, хорватов, дулебов, тиверцев). Войско двигалось на конях и кораблях, число которых, по данным «Повести», составляло 2000. Если учесть, что в каждом корабле находилось по 40 мужей (об этом летописец сообщает чуть ниже), число только ладейного войска (не считая конного) составит 80 тысяч человек. Подойдя к Царьграду, Олег стал разорять окрестности, многих убил, разграбил и пожёг множество церквей, замучил и утопил большое количество пленных. После этого он приказал поставить корабли на колёса и направил свою армаду на штурм города. Испугавшиеся греки запросили мира. Вынесли ему вино и пищу, но Олег пить отказался, поскольку знал, что вино отравлено. Изумившись этому (по летописи снова «убояшася») греки будто бы сказали: «Это не Олег, но святой Дмитрий, посланный на нас Богом»¹. Олег потребовал от греков дань на каждого человека по 12 гривен. Но почему-то посчитал только тех, которые приплыли на кораблях, забыв о коннице: «*И заповѣда Олегъ дань даяти на 2000 корабль, по 12 гривенъ на человекъ, а в корабли по 40 мужь*»². Греки согласились. Тогда Олег отошёл от города и начал переговоры о мире. Далее летописец приводит данные о содержании заключённого договора и процедуры присяги обеих сторон. Поклявшись оружием, Перуном и Волосом беречь установленный мир, Олег приказал сшить паруса — руси «*паволочиты*», а славянам «*кропильныя*», которые ветер разодрал, как только они были подняты. Олег повесил свой щит на воротах Царьграда «*показуа побѣду*» и отправился домой, неся золото, паволоки, плоды, вино и всякое узорочье.

Исследователи не выработали единой точки зрения по этому вопросу. Одна часть авторов не верит летописцу, сомневаясь, если не в самом факте похода, то в содержании рассказа, другая — полностью ему доверяет. Первая группа исследова-

¹ Повесть временных лет. С. 153.

² Там же. С. 17.

телей ссылается на то, что рассказ переполнен легендарными мотивами. Описание войска Олега с подробным перечислением племён и народов, снова отсылает нас к пророчеству Иезекииля. *«и съберу тя и всю силу твою, коня и конники обльчены въ броня вся, съборъ много, шлемы и меча и щиты вся имуща. Все тии персе и мури, и лиди, и ливиесть, и футъ с ними, и вси сии щиты и шлемы имуще. Гомеръ и вси иже о немъ, домъ трегаманъ и вся оутвержения его, и страны многи с нимъ»* (Иез. 38:4–6). В синодальном переводе: «И поверну тебя, и вложу удила в челюсти твои, и выведу тебя и всё войско твоё, коней и всадников, всех в полном вооружении, большое полчище, в бронях и со щитами, всех вооружённых мечами, Персов, Ефиоплян и Ливийцев с ними, всех со щитами и в шлемах, Гомера со всеми отрядами его, дом Фогарма, от пределов севера, со всеми отрядами его, многие народы с тобою». На это обратили внимание И. Н. Данилевский и Д. А. Добровольский. Последний пришёл к заключению, что «навязчивость, с которой киево-печёрские книжники перечисляли племена, принимавшие участие в походах Олега и Игоря, заставляет предположить, что составители начальной летописи не только знали и принимали популярное среди определенной части византийских мыслителей отождествление Руси и страны Гога, но и были готовы внести в строительство подобного образа собственную лепту»¹.

Огромное войско в 2 тысячи кораблей и минимум 80 тысяч воинов, связанная с ним громадная дань в 960 тысяч гривен (8 тысяч пудов серебра или 6720000 рублей по курсу второй половины XIX века или, примерно, 7022534400 рублей XXI века) кажется очень многим эпическим преувеличением, свойственное фольклору². Г. М. Барац считает, что количество кораблей кратно увеличилось, благодаря ошибкам переписчиков. На деле, по его мнению, в летописи первоначально стояло не 2000, а 200 кораблей. Причём, число это было взято из описания похода на Царьград 860 года³. В Новгородской Первой летописи, в которой рассказ о походе Олега тоже

¹ Добровольский Д. А. Эсхатологические мотивы в самоидентификации древнерусских летописцев XI–XII вв. // Вестник РГГУ. 2008. № 4. С. 152.

² Повесть временных лет. С.416.

³ Барац Г. М. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. Киев, 1910. С. 9.

есть (и он практически не отличается, если не считать отсутствие договоров), действительно говорится не о 2000, а о 200 (точнее 100 и 200) кораблях¹.

Среди наиболее очевидных деталей рассказа, раскрывающих его искусственное происхождение — указание на конницу среди участников похода, описание бесчинств Олегова войска в окрестностях Царьграда, гривны в качестве дани, поставленные на колёса корабли и щит, повешенный на ворота столицы Империи. Выражение «*на конех и на кораблех*» — шаблон, который русские летописцы часто используют при описании различных походов. Восходит он, вероятно, к библейской традиции. В данном случае о выдумке летописца говорит то, что конница, упомянутая в начале рассказа, впоследствии исчезает совершенно бесследно, не является адресатом дани (упоминаются только те воины, которые прибыли на ладьях) и не возвращается домой.

Рассказ о бесчинствах в окрестностях Царьграда является цитатой из описания похода Игоря 941 года, в свою очередь восходящего к византийским источникам — Хронике Георгия Амартола (точнее его продолжателю) и Житию Василия Нового². Подробности и фактический анализ летописных известий об этом можно прочитать у В. М. Истрина³.

Гривны в качестве единицы дани отражают денежную систему времён летописца, а не Олега. Ниже в договорах 911 и 945 годов они уже не упоминаются. В качестве платёжных средств там указываются только византийские золотники (солиды, номисмы), литры (византийский фунт, аналог римской либры), а также паволоки (драгоценные ткани).

Штурм города на кораблях, поставленных на колёса, с военной точки зрения неэффективен и мало кого может напугать. Искать практический смысл в этом манёвре — будто бы под образом кораблей на колёсах скрывается вполне обыденное перетаскивание кораблей волоком — не имеет смысла. Летописец рассказывает не о том, что Олег волоком тащил корабли (занятие это нелёгкое и не производит впе-

¹ ПСРЛ. Т. 3. С. 108.

² Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М., 2004. С. 158.

³ Истрин В. М. Летописные повествования о походах русских князей на Царьград. Пг., 1917. 22 с. Отд. отт. из известий Отд-ния рус. яз. и словесности имп. Акад. Наук; Т. 21 (1916 г.). Кн. 2-я.

чатления), а о демонстрации невиданной силы, умении творить чудеса (так это описано в летописи, так и воспринимается). Это выдаёт в рассказе легендарную основу. Лучше всего сюжет о флоте на колёсах объясняется пророчеством, ставшим известным после падения Византии в середине XV века. «... Согласно сообщению участника взятия Константинополя, турка Коджиа-Еффенди, — пишет И. Н. Данилевский, — существовало предание: Византия будет завоёвана, когда неприятельский флот “переплывёт сушу”»¹. Не исключено, что наш летописец воспользовался именно этим преданием для описания триумфа Олега, намекая таким способом на символическое падение Второго Рима. Существуют и другие близкие летописному рассказы, носящие фольклорный характер. Например, А. И. Лященко, обращает внимание на сообщение Саксона Грамматика, в котором Регнер (Рагнар) Лодброг, легендарный король Дании (VIII–IX вв.) приказывает поставить свои лодки на колёса и, водрузив их на повозки, с бешеной скоростью устремляется на врагов². Правда, сходство здесь чисто внешнее. Регнер, согласно сообщению датского хрониста, использовал этот приём не для устрашения противника, а в качестве тарана, стремясь разрушить боевой строй рутенов, с которыми он воевал: «Увидев их бесчисленное войско, Регнер засомневался, хватит ли [его собственных] сил [для того, чтобы одолеть противника], и приказал установить либо на колёса, либо на повозки ‘бронзовых коней’ и [во время сражения] изо всех сил вкатывать их в самую гущу вражеских войск. Они столь успешно опрокидывали вражеский строй, что казалось, будто бы эти махины, чья неудержимая масса сокрушала всё, что стояло у неё на пути, приблизили победу даже сильнее, чем само войско»³.

Что касается щита, повешенного на городские ворота, обычай такой у славян и на Руси не известен. Ссылки на болгарский или скандинавский опыт здесь вряд ли приемлем. Русский книжник описывает действия вещего князя как знак победы, а не предложения мира, защиты или доброй воли. Акция, предпринятая Олегом, имеет прямую аналогию в библейском пророчестве Иезекииля. Описывая торговый город

¹ Данилевский И. Н. Повесть временных лет... С. 157.

² Лященко А. И. Летописные сказания о смерти Олега Вещего // Известия Отд. рус. яз. и словесности. 1924 г. Т. 29. С. 283.

³ Саксон Грамматик. Деяния данов. М., 2017. Т.1. С. 330.

Тир и его могущество, пророк в частности говорит: «Перс и Лидиянин и Ливиец находились в войске твоём и были у тебя *ратниками, вешали на тебе щит и шлем; они придавали тебе величие* (Выделено мною. — А. П.)» (Иез. 27:10). Здесь же, кстати, отмечаются «узорчатые полотна из Египта», из которых шились паруса (Иез. 27:7). Это своеобразное указание на богатство города, проявляющееся в безумном расточительстве. Подобный текст и с тем же смыслом находим в рассказе о возвращении Олега после заключения мира (о паволочитых и кропинных, т. е. дорогих златотканых и шёлковых парусах).

Состав участников (перечисления племён, наличие, а потом исчезновение конницы), характер боевых действий (разграбление окрестностей, взятое из описания похода Игоря 941 г.), ключевые события похода (постановка кораблей на колёса, дань гривнами, водружение щита на ворота), являясь результатом книжных построений летописца, а не отражением реальных фактов, ставят под вопрос и сам поход.

Главным основанием доверять автору «Повести» и наделять летописного Олега чертами исторической личности служит договор 911 года. Н. П. Ламбин, посвятивший вопросу достоверности сообщения о походе 907 года особый труд, считал этот довод настолько весомым, что его «невозможно будет сдвинуть с места»¹. Договором Олега он даже обосновывал реальность призвания варягов во главе с Рюриком². С. В. Юшков высоко оценил его: «После ... работы Ламбина, доказавшего в основном историчность похода князя Олега на Византию в 907 г., последние сомнения в подлинности договоров должны были отпасть»³. Любопытная ситуация, сравнимая с шулерством подобного напёрсточному: достоверность похода доказывается подлинностью договора, а достоверность договора реальностью похода. М. В. Левченко пишет о связи «договор — поход» так: «Эти договоры — единственный надёжный источник для суждения о походе Олега на Византию»⁴.

¹ Ламбин Н. П. Поход Олега под Царьград — сказка ли? // Журнал Министерства народного просвещения. 1873. № 7. С. 126.

² Там же. С. 123.

³ Юшков С. В. Курс истории государства и права СССР. Т. 1. Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949. С. 80.

⁴ Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 99.

А. П. Новосельцев: «Именно от него [Олега] дошли первые древнерусские документы-договоры с греками, реальность которых подтверждается не только их документальной сущностью, но и косвенными свидетельствами иностранных источников»¹.

А. Л. Никитин: «Если Рюрик в русской истории оказывается всего только фантомом, тенью, ... то Олег выступает в ПВЛ первой фигурой, чьё существование подтверждается датированным документом — договором, заключенным этим князем с греками 2 сентября 911 (6420 «сентябрьского») года»².

Действительно, договор заключён от имени Олега и как будто свидетельствует о том, что поход, который привёл к его подписанию, существовал. Такое мнение вполне оправдано, если полагать, что летописец просто скопировал попавшие ему в руки документы. Однако хорошо известно, что это не так. Практически все исследователи подчёркивают, что договоры — пересказы имевшихся в распоряжении летописца копий, сделаны с разной степенью точности. Вот, например, заключение, сделанное на этот счёт Я. Малингуди: «Русско-византийские договоры принадлежат к так называемым «собраниям копий» (или «копийным сборникам») и составляли часть собраний копий для адресатов»³.

В «Повесть временных лет», как известно, включены четыре соглашения: 907 года, 911-го (в летописи стоит под 912 г.), 945 (часто датируется 944 годом) и 971-го (иногда датируется 972 г.). Их можно разделить на два типа: подробный, имеющий целый ряд договорных статей (об убийстве, краже и т.п.), и краткий, который ограничивается только общими положениями и подобные статьи не содержит. К первому типу относится соглашение 911 года и недатированный договор Игоря, который в летописи помещён под 945 годом. Краткий тип представлен только одним договором 971 года. Соглашение 907 года выглядит недописанным обрывком договора, в котором вроде бы есть какие-то статьи, но явно не все, что должны быть. Некоторые исследователи считают его торговым по своему характеру, некоторые — общеполитическим.

¹ Новосельцев А. П. Образование древнерусского государства и первый его правитель // Вопросы истории. 1991. №2-3. С. 17.

² Никитин А. Л. Основания русской истории. М., 2001. С. 170.

³ Малингуди Я. Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики // Византийский временник. М., 1997. Т. 57. С. 83.

тическим (о мире и дани)¹. Часть авторов считает его предварительным, и потому неполным². Другая часть полагает, что это всего лишь извлечение из договора 911 года. Д. С. Лихачёв по этому поводу пишет: «В самом деле, и договор 907 г., и следующий за ним договор 911 (912) г. взаимно дополняют друг друга, составляя единое целое»³. Речь идёт о статьях, которые устанавливают выплаты послам и месячину русским купцам, а также определяют ограничения для русских людей, прибывающих в Константинополь. Эти статьи есть в договоре Игоря 945 года и договоре 907 года, но отсутствуют в соглашении 911 г. Если соединить статьи договора 907 и 911 годов, то вместе они будут почти полностью соответствовать договору 945 г. На их единство как будто указывает и язык написания. Д. С. Лихачёв, ссылаясь на С. П. Обнорского, пишет: «...язык договоров 907 г. и 911 (912) гг. не различается, тогда как язык договора 944 (945) г. отличается от языка договора 907 г. и 911 (912) г.»⁴. Правда сам С. П. Обнорский указывает на сложности в исследовании договора 907 года (и 971 г. тоже). Говоря о лексическом анализе документов, он пишет: «Договоры 907 и 972 гг., незначительные по объёму, не дают особенно показательного соответствующего материала»⁵. О договоре 907 года он отзывается так: «То, что мы имеем в виде так наз. договора 907 г., есть ... внесённые под этим годом выдержки из соответственного договорного акта 912 г. Эти выдержки, в числе 7 отдельных статей договора, подверглись известной внешней выправке со стороны летописца... именно поэтому, что в глазах летописца они служили примерным материалом для вольной его передачи»⁶. В силу этого (правки и вольной передаче текста), язык договоров 907, 911 и 945 годов не может дать твёрдых оснований, которые позволяли бы объединять первые два из них и отделять третий. Что касается соотношения договоров 911 и 945 годов, С. П. Обнорский приходит к следующему выводу: «Бесспорно положение, что все договоры были переводными памятниками с греческого языка. Столь же бесспорным должно быть положение, что язык переводов отдель-

¹ Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси... С. 87, 133

² См.: Сахаров А. Н. Указ. соч. С. 84–89.

³ Повесть временных лет. С. 417.

⁴ Там же. С.418.

⁵ Обнорский С. П. Избранные работы по русскому языку. М., 1960. С.114.

⁶ Там же. С.117–118.

ных договоров неодинаков... Основные два договора — 912 и 945 гг. — должны быть рассматриваемы как два разных памятника, как продукты двух разновременных переводов... Перевод договора 912 г. — неискусный, очень близкий к оригиналу, пестрит гречизмами всякого вида, обилён соответственно и нарушениями требований русского синтаксиса. Договор 945 г. переведён более умелою рукою, более удобопонятен, не так заполнен гречизмами, относительно мало грешит в интересах русского синтаксиса... Договор 912 г. насквозь пропитан болгаризмами, хотя есть в нём и следы русских особенностей... Договор 945 г. содержит смешение болгарской и русской стихии...»¹.

Если следовать реконструкции, предпринятой А. А. Шахматовым и его сторонниками, действия, которые проделал летописец, чтобы создать договор 907 года, заставляют глубоко задуматься над степенью достоверности фактической стороны соглашений. Сначала он использовал трафаретную картину заключения договоров: «*И яшася греци по се, и почаша греци мира просити, дабы не воевал Грецкые земли...*»². Затем выписал имена послов из договора 911 года, но не всех, а первых четырёх и одного последнего. Первую статью договора он просто сочинил, исходя из требования момента, последующие две — извлёк из договора 911 года (о них говорилось выше)³. Если всё это так и было, то нет никакой уверенности в том, что фразы о беспошлинной торговле («*не платяче мыта ни в чем же*»⁴) не было в договоре Игоря, а была она только в соглашении Олега. Если исходить из фактов, а не предположений, указанное место в соглашении 907 года в точности воспроизводит не статью 911 года (которой нет), а соответствующий фрагмент договора Игоря 945 года, за исключением нескольких слов и данной фразы⁵. Исходя из этого, можно

¹ Там же. С.118.

² Повесть временных лет. С.417.

³ Там же.

⁴ Повесть временных лет. С.17.

⁵ В договоре **Игоря**: «И аще придуть русь безъ купля, да не взимають мѣсячины. И да запретить князь *слом* своимъ и приходящий руси сде, да не творять *бецинья* в селѣхъ, ни въ странѣ нашей. И приходящимъ *имъ*, да витають у святого Мамы, да послеть царство наше, да испишетъ имена ихъ, и тогда възмутъ мѣсячное свое, *сли слѣбное свое, а гостѣ мѣсячное свое*, пѣрвое от града Киева, и паки ис Чернигова и ис Переяславля и прочии города. И да входять в город одиными вороты съ цесаревомъ мужемъ безъ оружья, 50 мужъ, и да творять куплю, якоже имъ надобѣ, ▼ и паки да исходятъ; и мужъ цесарства нашего да хранить я, да аще кто от руси или от грѣкъ створить криво да оправляетъ ть» (Повесть временных лет. С. 24.); В тексте **907** г.: «Аще приидуть русь бес купли, да не взимають мѣсячины. Да запрѣтитъ князь *людем* своимъ, приходящимъ руси здѣ, да не творятъ *пакости* в селѣхъ и въ странѣ нашей. Приходящии *русь* да витають у святого Мамы, и послеть царство наше, да испишютъ имена ихъ, и тогда возмутъ мѣсячное свое —

утверждать, что текст договора 907 года (или хотя бы данного фрагмента) был напрямую заимствован из договора Игоря и приписан Олегу¹. В связи с этим убежденность исследователей и массы, воспитанных на их убеждении школьников и студентов в том, что первый договор давал русским купцам привилегии именно потому, что был результатом победоносного похода Олега, а второй лишил их этих привилегий именно потому, что в 941 году Игорь потерпел поражение, теряет всякие основания. Может быть и не поэтому, может быть и не лишил. Г. Г. Литаврин, рассмотрев этот вопрос, пришёл к заключению: «договор 944 г. также сохранился не полностью (при переписывании была пропущена либо произвольно усечена фраза, сохраненная целиком в договоре 911 г. и говорящая о беспошлинной торговле) или весь договор сам по себе как возобновивший «ветхий мир» 911 г. предполагал свободу для русов от пошлин вообще...»².

С. М. Каштанов, изучавший формуляры договоров, утверждает, что акты, включённые в «Повесть», не являются точным воспроизведением императорских хрисовулов³. Грамота 911 г., по его мнению, лучше всего согласуется со схемой договоров, заключённых в Константинополе без предварительных переговоров византийских послов в чужой стране⁴. Договор 944 г. в отличие от него был заключён «в Константинополе после предварительных переговоров византийских послов на Руси»⁵. И там, и там он находит следы правок со стороны русского летописца, испортивших протокольную запись оригинала. Среди такого рода «исправлений» можно назвать добавление к титулу русского князя слова «великий» (а в договоре 911 г. ещё и «светлый»). Первое, как и второе, вряд ли могло быть в подлиннике. В договоре, достоверность которого сомнению не подвергается — 971 года, титул указан

пёрвое от города Киева, и паки ис Чернигова и Переяславля и прочии города. И да входятъ в городъ одними вороты съ цесаревымъ мужемъ, безъ оружья, мужъ 50, и да творят куплю, якоже имъ надобъ, **и не платяче мыта ни в чемъже**» (Повесть временных лет. С. 17.). Курсивом выделены слова, которые отличаются в текстах. Знак «▼» стоит в месте, где в грамоте 907 года идёт речь о беспошлинной торговле.

¹ А. Н. Сахаров, убеждённый в историчности и похода 907 года, и договора 907 года оценивает этот факт по-другому: «Несомненно, создатели договора 944 года имели перед собой письменный текст более ранней статьи, которая в основной части, утратив пункт о праве Руси на беспошлинную торговлю, вошла в состав договора 944 г.» (Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси. С. 120.)

² Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX– начало XII в.). СПб., 2000. С. 153.

³ Каштанов С. М. Из истории русского средневекового источника (Акты X–XVI вв.). М., 1996. С. 9, 12.

⁴ Каштанов С. М. Указ. соч. С. 9–10.

⁵ Там же. С. 12.

просто «князь русский». «Великим» он называется только во вступлении, и, видимо, исключительно по воле автора «Повести». В подобных документах употребление титула «великий князь» и тем более «светлый князь» невозможно. Официальный титул правителя Руси в греческой политической терминологии звучал как «архонт России», что переводится как «князь Руси», «князь русский» (как в договоре 971 года: «*Азь Святославъ, князь руский, яко же кляхъся ...*»¹). Ссылка на то, что слово «великий» греки могли поместить в договор в порядке «любезности», не придавая ему юридического значения, вряд ли может быть принята. Византийская канцелярия, по замечанию самого же С. М. Каштанова, всякий раз стремилась поставить русских князей на уровень «герцога», «патриция» или «консула»², а не потакать жадным до императорских инсигний предводителям варваров. Конечно, бывало и обратное, но для этого нужны были серьёзные основания. Императоры ромеев иногда могли позволить себе любезности в отношении архонтов Руси или болгар, или ещё кого, но только тогда, когда не было другого выхода. В этот раз такой ситуации не сложилось, значит, не было и повода для любезностей.

Странно выглядит интитуляция договора 911 года (или то, что С. М. Каштанов относит к интитуляции). Здесь язычник Олег не только позволяет себе называться «наша светлость» (что, как считает С. М. Каштанов, соответствует переводу с греческого титула префекта претория³), но и позиционирует себя как правитель-христианин. «*Наша свѣтлость, — обращается он к византийскому императору, — боле инѣхъ хотящихъ же о **Бозѣ** удѣржати и извѣстити такую любовь* (выделено мною. — А. П.), *бывшую межю хрестияны и русью многожды, право судихом, не точью простословесень и писаниемъ и клятвою твердою, кльнишеса оружьемъ своимъ, такую любовь извѣстити и утвѣрдити по вѣрѣ и по закону нашему*»⁴. Странно ещё и то, что до этого момента речь в договоре шла от имени послов, а не князя, на что обратил внимание Г. М. Барац⁵. Но ни в отношении русского князя, ни тем более послов, этот титул никогда не употреблялся. Весь массив имеющихся ис-

¹ Повесть временных лет. С. 34.

² Каштанов С. М. Из истории русского средневекового источника. С. 46.

³ Там же.

⁴ Повесть временных лет. С. 18.

⁵ Барац Г. М. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. Киев, 1910. С. 55.

точников, кроме данного места, об этом молчит. Напротив, употребление титула «наша светлость» известно в отношении византийских василевсов. Во всяком случае, в цитате слов императора Константина IX Мономаха, приводимой И. П. Медведевым, он себя так и называет: «...вы не станете придерживаться только мёртвой буквы книг, — обращается он к студентам вновь открытого им юридического училища, — но и услышите живой голос законов, которому *наша светлость* (выделено мною. — А. П.) позволила раздаться среди вас, закрыв, с одной стороны, все боковые двери и, с другой — широко распахнув одну-единственную дверь — имперскую ...»¹ Историк-краевед С. Н. Беззаконов, обративший внимание на эти слова, пришёл к выводу, что летописец постоянно путал местоимения «наш» и «ваш»² и выражение «наша светлость» в договоре 911 года на самом деле принадлежит не русскому князю, по отношению к которому оно совершенно неуместно, а византийскому императору³.

Настораживает и вызывает вопросы существенная разница в оформлении посольской миссии во всех представленных в «Повести» соглашениях. В договоре 911 г. послы представляют только русского князя, в грамоте 945 года — князя, его жену, сына, родственников (неизвестных, кстати, по летописи) и киевскую знать (перечислено, какой посол кого представляет). В договоре 971 г. имён послов нет вообще, там упомянут только сам князь Святослав (перед клятвой русского князя ещё и Свенельд). Очевидно, в условиях похода, когда переговоры вёл сам князь, это и не требовалось. Отправлять послов имело смысл, только если князь был в Киеве и сам в переговорах не участвовал. Если так, в договоре 907 года мы вправе ожидать отсутствие каких-либо послов. Олег, как и Святослав должен был сам вести переговоры и заключать договор от своего имени и от первого лица. В договоре же 907 г., как и 911-го Олег везде указан в 3-м лице (кроме «нашей светлости»). Помимо того, договор 911 года не может выглядеть как клятва Олега. Его начало должно быть сродни протоколу договора 945 года.

¹ Культура Византии: вторая половина VII–XII в. М., 1989. С. 240.

² На смешение местоимений «наш» и «ваш» указывал в своё время и В. М. Истрин (Истрин В. М. Договоры русских с греками X века // Изв. АН ОРЯС. Л., 1925. Т. 29. С. 388.)

³ Беззаконов С. Н. Ещё раз о легендарной эпохе первых договоров Руси // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2017. Вып. 8. С. 211, 212.

Хорошо известно, что договор 911 года (с добавлением статей, помещённых под 907 г.) по своему содержанию очень близок соглашению с греками Игоря (945 г.). «Действительно, — пишет Я. Малингуди, — договор 944 г. во многих пунктах совпадает с предыдущим договором 911 г., иногда даже дословно»¹. Оба документа содержат статьи, посвящённые одним и тем же сюжетам, имеют общую структуру (хотя порядок расположения статей не совпадает). Отличает их титул, который применяется по отношению к русскому князю: в первом случае «светлый» и «великий» князь, во втором случае только «великий князь». Не совпадают количество послов, их имена (за исключением Инегелда и Руалда) и порядок описания русского посольства (это выше уже отмечалось). В договоре Олега 911 года все статьи исходят от имени русских. В договоре Игоря 945 года начальный протокол и конец договора записаны от имени Руси, а договорные статьи — от имени греков. Если поставить за скобки формальную часть соглашений (в связи с редакторскими правками летописцев и ошибками переписчиков) и сравнить только договорные статьи, можно сделать вывод, что почти все они не просто написаны об одном и том же — они продолжают друг друга. Вот несколько примеров.

Статья 3 договора 911 г. и статья 12 договора 945 г. Статья 3 исходит от имени русских. Начинается она с заголовка «А о главах, касающихся возможных злодеяний, договоримся так». В ней сообщается о необходимости убедиться в совершении злодеяния, о клятве обвиняющей стороны, если факт правонарушения не установлен, и о мере наказания в зависимости от преступления². Греческая часть (договор 945 г.) продолжает статью словами «если же злодеяние будет совершено кем-нибудь из греков» и настаивает на том, что в этом случае преступник должен быть подсуден только византийскому суду и наказан в меру своего проступка³.

Статья 7 договора 911 г. и статья 5 договора 945 г. Первая из них опять же исходит от имени русских (договор 911 г.). Она начинается с заголовка «Об этом: если

¹ Малингуди Я. Русско-византийские связи в X веке с точки зрения дипломатики // Византийский временник. М., 1996. Т. 56. С. 85.

² «А о главах, иже ся ключит проказа, урядимся сице: да елико явѣ будетъ показании явлеными, да имѣють вѣрное о тацѣхъ явлении, а емуже начнуть не яти вѣры, да кленется часть та, иже ищетъ неятью вѣры, да егда клѣнется по вѣрѣ своей, будетъ казнь, якоже явится съгрѣшение» (Повесть временных лет. С. 18.).

³ «Ци аще ключится проказа нѣкака от грѣкъ, сущихъ подѣ властью царства нашего, да не имате власти казнити я, но повелѣньемъ царства нашего, да приимет, якоже будетъ створиль» (Повесть временных лет. С. 25.).

кто из русских или христианин русскому с побоями угрожает». В ней говорится о том, что явное насилие и грабёж должно быть наказано возвращением имущества в тройном размере¹. Греческая часть (договор 945 г.) продолжает статью словами «если же кто покусится из русских взять что-либо у наших царских людей» и требует равного наказания за преступление². Правда, плата за имущество здесь предусматривается в двойном размере, а не тройном. Это может быть ошибкой переписчика или статьи были не согласованы.

Статья 10 договора 911 г. и статья 15 договора 945 г. Статья от имени русских (договор 911 г.) начинается со слов «если же будет набор в войско» и говорит о том, что если русские захотят остаться у цесаря (служить), то пусть остаются³. Греческая часть (договор 945 г.) обязывает русского князя высылать цесарю воинов, по первому требованию⁴.

Статья 8 договора 911 г. и статья 9 договора 945 г. В данном случае заголовок оказался в греческой части договора (соглашение 945 г.). Статья начинается со слов «И о том: если найдут русские корабль греческий, выкинутый где-нибудь на берег». Здесь предписывается не причинять ему ущерба, ничего не брать, в рабство людей не обращать и не убивать. За нарушение предполагается соответствующее судебное наказание⁵. Статья от имени русских подробнее (договор 911 г.). Вначале речь идёт о той же ситуации — «если выкинута будет ладья сильным ветром на чужую землю». Русским предписывается всячески помогать грекам. Продолжением служит схожая ситуация, которая может случиться с русской ладьёй у греческих берегов. И снова речь идёт об убийстве, побоях, грабеже и угрозе наказания⁶.

¹ «О семь, аще ли кто или русинь хрѣстьяну или хрестьянь русину мучения образомъ искусь творити и насилье явѣ, или възмет что любо дружне, да възпятитъ троичь» (Повесть временных лет. С. 18.).

² «Аще ли покусится кто взяти от руси и от людей царства нашего, иже то створитъ, покажьнень будетъ вельми; аще ли и възять будетъ, да заплатит сугубо. Аще ли створитъ то же грѣцинь русину, да примет ту же казнь, якоже приять есть онь» (Повесть временных лет. С. 24–25.).

³ «Егда же требуетъ на войну ити, егда же потребу творите, и си хотять почестити цесаря вашего, да аще въ кое время елико ихъ придет, и хотять оставити у цесаря вашего своею волею, да будутъ» (Повесть временных лет. С. 19.).

⁴ «Аще ли хотѣти начеть наше царьство от вас вои на противящася намъ, да пишют к великому князю вашему, и пошлетъ к намъ, елико хошемъ; и оттолѣ увѣдятъ инья страны, каку любовь имѣют грѣци с русью» (Повесть временных лет. С. 25–26.).

⁵ «И о томъ, аще обрящют русь кувару грѣчьску, вывержену на нѣкоемъ любо мѣстѣ, да не приобидять ея. Аще ли от нея възметъ кто что или челоуѣка поработитъ или убьеть, да будетъ повинень закону рускому и грѣцкому» (Повесть временных лет. С. 25.).

⁶ «Аще вывѣржена лодья будетъ вѣтромъ великомъ на землю чюжую, и обрящуться тамо иже от нас руси, да аще кто идетъ снабдѣти лодью с рухломъ своимъ и отсылати паки на землю крестьянску, да проводимъ ю сквозѣ всяко

За исключением статей «об убийстве и побоях (если кто ударит мечом)», которые есть в обоих договорах и перефразируют одна другую, а также статьи «о Корсунской стране», которая есть только в договоре 945 года, ну и некоторых явно испорченных мест, все остальные статьи также дополняют друг друга, делают текст более понятным и завершённым. Иначе говоря, в договорных статьях рассматриваемых документов прослеживается явная смысловая зависимость. При объединении договоров, текст приобретает стройность и полноту. Ещё один результат — все статьи в документе получают свои заголовки.

Тесную связь между актами 911 и 945 годов отмечал в своё время И.-Ф.-Г. Эверс (около двухсот лет назад). Ему казалось странным, что в договоре Игоря есть только статьи от имени греков и в пользу греков, а также нарушен порядок изложения статей. Общие положения, касающиеся политических выгод Империи, перемешаны с постановлениями, которые касаются частных лиц. Более важные статьи находятся в конце документа, а менее значимые — в начале¹. «Так поступают только тогда, — писал он, — когда идёт дело о начертании частных прибавочных статей, а не при составлении полного мирного договора»². Соглашение 911 года он считал более правильным в этом смысле. Эверс пришёл к выводу, что договор Игоря был не самостоятельным договором, а дополнением к основному, заключённому при Олеге. Он писал: «Все сии сомнения, я думаю, не иначе можно разрешить удовлетворительно, как предположив, что первый договор, заключённый при Олеге, есть главный договор, напротив, второй, заключённый при Игоре, есть только позднейшее к нему дополнение»³.

На мой взгляд, возможен другой вариант. Это мог быть один договор — основополагающий договорный акт об отношениях Руси и Византийской империи, ни с

страшно мѣсто, дондеже придетъ в бестрашно мѣсто. Аще ли таковая лодья или от буря, или боронения земнаго боронима, не можеть възвратитися въ своя си мѣста, спотружаемься грѣбцемъ бо тоя лодья мы, русь, и допровадимъ с куплею ихъ поздорову. Ти аще ключитя близъ земли Грѣцькы, аще ли ключитя такоже проказа лодьи русьѣи, да проводимъ ю в Рускую землю, и да продають рухло тоя лодья, и аще что можеть продати от лодья, воволочимъ имь мы, русь. Да егда ходимъ въ <...> Грѣкы или с куплею, или в солбу къ цесареву вашему, да пустимъ я съ честью проданое рухло лодья ихъ. Аще ли ключитя кому от тоя лодья в ней убьену быти или бьену быти от нас, руси, или взяти что любо, да повиньни будутъ то створшии преждереченную епитѣмьею от тѣхъ» (Повесть временных лет. С. 19.).

¹ Эверс И.-Ф.-Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии. СПб., 1835. С. 145–146.

² Там же. С. 146.

³ Там же. С. 139.

каким походом не связанный. Датировался он, вероятно, 911 годом. Эта дата стоит в тексте, приведённом автором «Повести» под 912 г. В тексте 945 г. конечного протокола нет. Думаю, заключался договор от имени Игоря, а не Олега. Во-первых, подобный приём уже отмечался (часть текста соглашения Игоря 945 г. была записана в договор 907 года, приписываемый Олегу). С походом 907 года автор «Повести» поступил так же — часть текста восходит к описанию похода Игоря 941 года. Это значит, что и с текстом 911 года он мог поступить подобным образом. Во-вторых, если бы это был договор Олега, как он записан в «Повести временных лет», «договорные статьи» от имени греков отправлять в договор Игоря 945 года не было никакого смысла. По всей видимости, этот, второй договор Игоря (обещавший обновить ветхий мир), был составлен после неудачного похода 941 года и, подобно соглашению Святослава, подробных статей, расписывающих различные стороны отношений русов и греков, не содержал. Кроме, разве что, статей о Корсунской стране, корсунянах, пойманных в устье Днепра, Белобережье и чёрных болгарях, которые в тексте 911 года отсутствуют, ну, и может быть, военной помощи Империи (это есть и в договоре Святослава).

Представить себе работу русского летописца, делающего из двух разных по типу договоров целых три (907, 911 и 945 гг.) одинаковых, нетрудно. Никаких особых ухищрений здесь нет. Статьи от имени Руси были выделены им в отдельный договор (Олега) и меньше подверглись правке (потому и сохранили больше болгаризмов и гречизмов), а статьи от имени греков были отправлены в договор Игоря и подверглись более тщательной обработке (поэтому он кажется более понятным). В договоре 911 года имя Игоря было заменено на имя Олега, а слова греческой стороны (наша светлость) оказались приписаны речи русского князя. Может быть, даже случайно. Для договора Игоря 945 г. было взято начало второго договора и его конец и дополнено договорными статьями от имени греков из первого договора.

Не берусь утверждать, что версия эта верна. В любом случае — заключался акт 911 года от имени Олега или Игоря, выглядел он так, как известен по летописи или так, как я предположил — налицо довольно существенная редакторская правка со стороны летописца. Поэтому, уверенным, что договор был подписан Олегом (или

по поручению Олега) быть нельзя. Это означает, что надёжных свидетельств о существовании грандиозного похода 907 года нет. А те, что есть, вызывают большое и справедливое недоверие к нему.

Рассказ производит впечатление сказания или мифа, а сам Олег — мифического героя, действия которого направлены на реализацию пророчества Иезекииля в изменённом виде. Олег, как и Гог, идёт на землю избранного народа с огромным войском «из пределов севера», ведя с собою множество народов; отнимает имущество, захватывает серебро и золото, но гибнет уже в земле другого избранного народа (полян), оставляя ему своё имя (русь). Через посредство Олега происходит подмена одного избранного народа на другой.

На характер рассказа и его образный ряд могло повлиять и другое пророчество, сказанное Даниилом: «Под конец же времени сразится с ним царь южный, и царь северный устремится как буря на него с колесницами, всадниками и многочисленными кораблями, и нападёт на области, наводнит их, и пройдет через них. И войдет он в прекраснейшую из земель, и многие области пострадают... И завладеет он сокровищами золота и серебра и разными драгоценностями Египта ... и раскинет он царские шатры свои между морем и горою преславного святилища; но придёт к своему концу, и никто не поможет ему» (Дан. 11:40–45).

Последний сюжет, связанный с именем вещего князя, рассказывает о его гибели. Находится он в летописи под тем же 912 годом, что и договор. «Повесть временных лет» представляет одну из версий смерти Олега от укуса змеи, которая выползла из черепа его любимого коня. Другие варианты содержатся в Новгородской Первой летописи и Архангелогородском летописце.

Согласно «Повести временных лет» Олег после заключения договора жил в Киеве, имея мир со всеми странами. Когда наступила осень, он вспомнил отвергнутого им любимого коня, которого когда-то приказал кормить и беречь. Князь отказался от него, потому что кудесник предсказал ему смерть от коня, на котором он ездил. Случилось это, по словам летописца, за несколько лет до похода на греков. А через четыре года после похода он вспомнил про коня, но оказалось, что тот давно умер. Олег посмеялся над волхвом-предсказателем. «Конь умер, а я жив» — сказал

он. Приехав на место, где лежали кости любимого коня, Олег наступил ногой на его череп, оттуда выползла змея и «уклюкну» его в ногу. Олег разболелся и умер. Похоронили князя на горе Щековице, где, по словам автора «Повести», есть могила Олега и поныне.

В Новгородской Первой летописи рассказ этот уместается в две строки. Здесь сообщается, что Олег из Киева после похода на греков уехал в Новгород, а потом в Ладогу, где и умер (как и в «Повести временных лет» от укуса змеи). И «*есть могила его в Ладозе*»¹ — говорится в летописи. Архангелогородский летописец (Устюжский летописный свод) сообщает, что Олег умер «*перешед море*», хотя после описания предсказания и смерти от змеи, как и новгородская летопись, утверждает, что могила его находится в Ладоге².

Исследователи давно обратили внимание на сходство летописного рассказа с древним скандинавским сказанием о конунге Одде Стреле, записанным в XIII веке³. Согласно саге, Одд происходил из северной провинции Норвегии Галогаланда. Вещунья (вэльва) предсказала ему, что проживёт он 100 (или 300) зим, будет странствовать по разным странам и слава о нём распространится по всему свету. Однако умрёт он на родине от черепа своего любимого коня Факси. Чтобы избежать предначертанного Одд убил коня, бросил его в яму (или болото) и завалил камнями. Герой побывал после этого во многих странах, был, в том числе и на Руси. Умер Одд, как и предсказывала вещунья на родине. Осматривая места своей молодости, он увидел конский череп и сразу понял, что это останки его любимого Факси, ударил его копьём, оттуда выползла змея, укусила его, он разболелся и умер⁴.

По мнению А. И. Лященко, подробно рассмотревшего оба источника, летописец, описывая жизнь и подвиги Олега, использовал предание викингов, а норвежец Одд и есть наш летописный Олег⁵. И. Н. Данилевский менее категоричен. Он отмечает, что «направленность» совпадений скандинавской саги и русской летописи не

¹ ПСРЛ. Т. 3. С.109.

² ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 58.

³ См.: Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 5. Древнескандинавские источники. М., 2009. С. 259–266.

⁴ Лященко А. И. Летописные сказания о смерти Олега Вещего // Известия Отд. рус. яз. и словесности. 1924. Т. 29. С. 263–267.

⁵ Лященко А. И. Указ. соч. С. 269, 270.

ясна (то есть, кто у кого заимствовал сюжет непонятно). Это затрудняет понимание летописного рассказа о смерти Олега¹.

Царь Олег (X-л-гу), известный Кембриджскому документу, жил и действовал во времена князя Игоря и императора Византии Романа Лакапина. По наущению императора ромеев он напал на хазар и захватил Тмутаракань (С-м-к-раю). Но после этого потерпел поражение от хазарского военачальника Песаха и вынужден был воевать уже с Византией. Обстоятельства похода Олега на греков, описанные в документе, напоминают поход Игоря 941 года. Будучи разгромленным греками, которые одолели его «огнём», Олег не вернулся на родину. Он пошёл морем в Персию и там погиб². Возможно, именно об этом нападении русов рассказывает Ибн Мискавайх.

В Новгородской Первой летописи в отличие от «Повести временных лет» Олег называется воеводой Игоря. Предпочтение, отдаваемое «Повести», основывается главным образом на существовании договора 911 года. Считается, что автор «Повести временных лет», обнаружив имя Олега в договоре, где он называется князем, исправил своего предшественника (предполагается, что в новгородской летописи отразился более ранний Начальный свод) и заодно поправил хронологию событий. Учитывая, что имя Олега могло попасть в договор благодаря деятельности самого летописца, этот аргумент в пользу данных «Повести» может быть отвергнут. Не исключено, что у Игоря действительно был воевода по имени Олег (а не князь), подобно Свенельду, имевший немало власти. Возможно, он участвовал в походе Игоря на Царьград в 941 году, а потом ушёл на Каспий, где и погиб, дав почву для возникновения легенды о гибели за морем от укуса змеи. Какой-то Олег в Киеве точно жил, может быть даже не один (если иметь в виду две могилы Олега — на Щековице и у Жидовских ворот). Однако тот летописный образ, который был нарисован автором «Повести» вряд ли имеет к нему отношение. Летописный Олег — плод творчества древнерусского книжника, который поставил себе целью расчистить путь для «спасения» Руси. Малоизвестному персонажу, которому в Киеве насыпали большой курган (могилу), летописец отвёл роль Гога, дважды пришедше-

¹ Данилевский И. Н. Повесть временных лет... С. 121.

² Кембриджский документ // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. Восточные источники. С. 181–183.

го из пределов севера (сначала из Новгорода в Киев, а затем из Киева в Царьград), покорившего избранный народ, но сгинувшего самому.

Правление Игоря описывается автором «Повести временных лет» на основе греческих источников. Это первый русский князь, который известен не только летописям, но и греческим, и западноевропейским источникам, в том числе современным Игорю. Начинается княжение с ряда случайных событий, не относящихся к русской истории. Все они почерпнуты из Продолжателя Георгия Амартола: начало царствования Константина (913 г.), походы Симеона болгарского на греков (914, 915, 929 гг.), восхождение на престол Романа (920 г.), появление у Царьграда угров (934 г.). К некоторым из них присоединены русские известия неизвестного происхождения: 913 г. — затворились древляне от Игоря после смерти Олега; 914 г. — поход Игоря на древлян; 915 г. — появление печенегов у границ Руси; 920 г. — поход Игоря на печенегов¹. Степень достоверности этих данных, по всей видимости, небольшая. Складывается ощущение, что автор «Повести» с помощью привязанных к греческой истории фактов пытается убедить читателя в их реальности. Сжатость известий сама по себе говорит о том, что летописец об этом мало что знал, или, лучше сказать, не знал ничего.

Главное событие правления Игоря, о котором рассказывает автор «Повести» — поход на греков в 941 году. В отличие от похода Олега, рассказ о котором летописец начинает с перечисления племён и народов, описание похода Игоря он открывает простой фразой: «*Иде Игорь на Греки*»². Однако численность русского войска называется им намного больше, чем было у Олега в 907 году — 10000 кораблей (против 2000 похода 907 г.). Если придерживаться, как и в первом случае, формулы «1 ладья — 40 мужей», можно подумать, что войско Игоря тогда насчитывало 400 тысяч человек. По данным летописи Игорь вначале ударил по малоазийским провинциям Империи: разорил «страну Вифинскую», «попленил» земли вдоль Чёрного моря до Ираклии и Пафлагонской земли, и «всю страну Никомидийскую», а потом

¹ Повесть временных лет. С. 21–22.; Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола. Т. 1. Текст, исследование и словарь. Пг., 1920. С. 538, 541, 544, 545, 557, 566.

² Повесть временных лет. С. 22.

пожѣг весь «Суд». Разоряя земли империи, русы вели себя крайне жестоко — одних распинали, других расстреливали из лука, третьим вбивали в головы железные гвозди. Пожгли много церквей, монастырей и сёл. По обоим берегам Суда захватили немало богатств. Через какое-то время к Игорю с востока подошёл Панфир-демestik с 40 тысячами воинов, Фока-патриций с македонянами и Фёдор-стратилат с фракийцами. Игорь был окружён. Несмотря на это, греки в ходе сражения «едва одолели». Русы погрузились в ладьи и попытались уйти, но их встретил некий Феофан (кто это не уточняется) и стал «трубами пускать огонь на ладьи русских». Русы в ужасе стали бросаться в воду, пытаясь спастись. Те, кому это удалось, затем вернулись на Русь и рассказали обо всём. *«Яко же молонья, — рече, — иже на небесехъ, гръци имуть у собе, и се пуцающе же жагаху насъ, сего ради не одолехомъ имь»*¹. Игорь, желая отомстить, стал готовиться к новому походу.

Характер описания этой войны свидетельствует о книжном происхождении рассказа и полном незнании летописцем географии Византийской империи (что, видимо, было общей чертой для древнерусских книжников²). Автор «Повести» пишет, что Игорь вначале стал воевать «страну Вифинскую». Вифиния — провинция в Малой Азии между проливом Босфор и рекой Сангариус, с центром в Никомедии. Далее — «попленил земли до Ираклии и Пафлагонской земли». Ираклия — г. Гераклея в Вифинии, на берегу Чёрного моря, расположенный между Никомедией и Амастридой (город в Пафлагонии). Пафлагония — провинция восточнее Вифинии. Следующей землёй разорённой Игорем называется «страна Никомидийская». Никомедия — город на берегу Мраморного моря, как уже говорилось, центр Вифинии. Последней местностью, ограбленной и сожжённой русами, оказывается Суд. Судом в Древней Руси назывался залив Золотой Рог, отделяющий Константинополь от северного предместья. Получается, что Игорь с войском двигался в восточном направлении, но после Пафлагонии попал снова в Вифинию (под названием «Никомидийская страна») и в довершение всего оказался на другом берегу Босфора, разорив Золотой Рог, то есть северные предместья столицы империи, и уж если говорить о

¹ Там же. С. 23.

² Лосева О. В. География Византийской империи глазами переводчика древнерусского пролога // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2006. С. 115.

«всём» Суде, то и сам Константинополь. Указание автора «Повести» на то, что Игорь только после этого оказался окружённым подошедшим с востока Панфиром-доместиком и прочими, говорит о том, что он думал, что Игорь движется в одном и том же направлении, то есть на восток (а не челноком восток — запад).

Причина странного передвижения и неожиданного успеха войска Игоря (незамеченного ни самим Игорем, ни греками, ни летописцем) связана с набором источников, которыми пользовался автор «Повести временных лет». Они хорошо известны и давно изучены. Благодаря этому, поход Игоря 941 года — первое событие в истории Руси, которое не подвергается сомнению. В основе летописного рассказа — греческая Хроника продолжателя Георгия Амартола, дополненная яркими картинами из Жития Василия Нового. Считается, что год похода был восстановлен автором «Повести» на основе указания Хроники Амартола на 14 индикт. Из Хроники была взята численность русских ладей (10 тысяч), упоминание Вифинии (в хронике речь идёт о походе отряда русов в Вифинию за продовольствием после первого поражения от Феофана), описание жестокостей русов (расстрелы, вбивание гвоздей, сожжение церквей), разорение Суда (в греческом оригинале Стенона) и разгром русского флота Феофаном (в хронике в данном случае говорится о втором сражении). Сходный текст есть в Жизнеописании византийских царей Продолжателя Феофана. Здесь отмечаются 11 июня 14 индикта как время прихода русов под Константинополь, разгром русских ладей под Иероном (тогда же), отход русского войска в Малую Азию после первого поражения, поход отряда русов в Вифинию для поиска провианта, уничтожение «вифинского» отряда русов Вардой Фокой (после которого русы не покидали свои суда), злодеяния, совершённые русами до подхода греческих войск и флота (сожжение побережья Стена, т. е. Стенона, расстрелы, распинания, вбивание железных гвоздей, сожжение храмов), возвращение русов к фракийскому берегу в сентябре, сожжение греческим огнём ладей русов Феофаном во время второго сражения. По Житию Василия Нового в летописи указан маршрут передвижения русов вдоль побережья Малой Азии — до Ираклии, Пафлагонской земли и страны Никомидийской (Вифинии в житии нет). Оттуда же взят рассказ о приходе с востока Панфира доместика с 40 тысячами воинов, патрикия Фоки с македонянами

и Феодора стратига с фракийцами. К житию восходит и описание разгрома русских ладей Феофаном (без указания на самого Феофана) и рассказ уцелевших русских воинов о гибели от греческого огня.

Версия русского летописца, несмотря на полную зависимость от греческих источников, заметно отличается от них. По данным греческих авторов война длится с середины июня до сентября 941 года. Вначале боевые действия разыгрываются около Константинополя. В первом морском сражении, которое состоялось 11 июня у Иерона, русы потерпели поражение и были рассеяны. Затем война продолжилась в Малой Азии, и завершилась вторым морским сражением в сентябре, где греки снова одержали победу. Хроника Георгия Амартола (и Продолжатель Феофана) описывает оба эти сражения. Житие Василия Нового подробно рассказывает о войне в Малой Азии, а первое столкновение русов и греков только упоминает. «Повесть временных лет» знает только одно решающее сражение (по описанию второе, по сюжету — первое). Одно сражение описывает и Лиудпранд Кремонский — итальянский дипломат (и епископ), который был современником событий и знал о походе со слов очевидцев. По его данным, рекс русов Игорь (Inger), собрав 1000 и даже более кораблей (а не 10 тысяч), явился к столице империи, когда Роман отправил весь свой флот на борьбу с сарацинами (арабами). Пока император думал, что делать, Игорь разорял окрестности Константинополя. Наконец он решил восстановить 15 заброшенных (старых и негодных) судов и оснастить их греческим огнём. Увидев греческие корабли, Игорь приказал греков брать живыми. Когда море успокоилось, греки стали метать вокруг себя огонь. Испугавшись, русы стали бросаться в море, предпочитая утонуть, нежели сгореть. Одни из них действительно тонули под тяжестью доспехов, а другие сгорали прямо в море. Уцелели только те, сообщает Лиудпранд, кто выбрался на берег. Остальные ладьи русов, будучи небольшими, отошли на мелководье, а греки не смогли это сделать в связи с глубокой осадкой их кораблей. После этого Игорь «в великом смятении ушёл восвояси», а победоносные греки

вернулись в Константинополь, ведя с собой множество пленных, которых потом обезглавили¹.

По мнению, Н. Я. Полового, данные Лиудпранда свидетельствуют о разделении русского войска после первого сражения. Игорь, который, по всей видимости, оказался среди тех, кому удалось выбраться на берег, ушёл после этого с остатками войска на Русь, ничего не зная о судьбе остального войска. Оно, по данным Лиудпранда, как и Георгия Амартола, и Жития Василия Нового отошло на мелководье близ побережья Малой Азии². Лиудпранд знал о походе со слов тех, кто видел русов на европейском берегу (кто спасся после первого сражения и разорил Стенон), поэтому дальнейшую кампанию не описал. В отличие от него русский летописец, пользуясь греческими источниками, исправил их по собственному разумению. Сведения Лиудпранда вполне вписываются в общую картину, а данные русского летописца, представляя собой противоречивую компиляцию, выдают желание автора «поправить» ход событий.

Автор «Повести временных лет» постарался смягчить греческий текст, оправдать и обелить Игоря. Славный предок крестителя Руси, прославившийся «мужеством и храбростью», не мог в описании летописца «в смятении отправится восвояси» или с позором бежать на родину, потеряв всё или почти всё своё войско. Под пером русского книжника греки **едва одолели** войско Игоря на суше, когда окружили его, а на море победили **нечестно** (греческим огнём). Игорь должен был отомстить, и он мстит грекам, отправляясь во второй поход, данных о котором нет никаких, кроме, разумеется, сообщения русской летописи.

Византийские историки тоже не лишены тенденциозности. Яркая картина разорения русами окрестностей Царьграда, которую изображают продолжатели Георгия Амартола и Феофана (воспринятая и русским летописцем), находит параллель в библейской книге «Плач Иеремии». Здесь есть слова о расстреле пленных, которые, по всей видимости, и были использованы при описании бесчинств войска Игоря:

¹ Лиудпранд Кремонский. «Книга возмездия» // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 4. Западноевропейские источники. М., 2010. С. 39–40.

² Половой Н. Я. К вопросу о первом походе Игоря против Византии // Византийский временник. М., 1961. Т. 18. С. 93, 94.

«...натянул лук Свой и поставил меня как бы целью для стрел...» (Плач. 3:12). Это вызывает недоверие к данным фактам. Ал-Масуди, рассказывая о походе русов на Каспий в 912/913 году, отмечает убийства местных жителей и изнасилование женщин и детей¹. По данным Ибн Мискавайха, рассказывающего о походе на Бердаа (943/944 г.), русы не были паталогически жестоки к местным жителям. Они просили горожан не вмешиваться в их войну с султаном и дали возможность (три дня) всем, кто хотел покинуть город. Только после этого, не добившись покорности оставшегося населения, русы устроили «резню» в городе, убив множество людей, обратив в рабство женщин и юношей, распутничая «и с теми и с другими»². Ужасы разорения побережья Стенона (ошибочно переведённого славянским переводчиком Амартола как Суда) навеяны, скорее всего, библейскими текстами и связаны с привычкой отождествлять русов с апокалипсическим народом. Русы, разоря Стенон, наверное, и в самом деле были жестоки, однако детали (расстрелы, вбивание гвоздей), о которых рассказывают греки, расписаны в стиле пророчества Иезекииля, и, по всей видимости, имеют с действительностью мало общего. С пророчеством, возможно, связано и стремление греков многократно увеличить численность русского войска. На самом деле, количество ладей у Игоря вряд ли превышало цифру, указанную Лидупрандом, т. е. 1000, а не 10000 кораблей. Кроме того славянские ладьи, плававшие по мелководью (на что указывают все источники), вмещали в себя не 40, а максимум 35, а то и меньше — 12 или 20 воинов³. Древлян, например, прибывших после убийства Игоря в Киев на одной ладье, летописец насчитал именно 20 человек⁴. Плавать на скандинавских драккарах вдоль малоазийского побережья Игорь не мог, ибо корабли викингов, как и греческие суда, имели киль, в силу чего не прошли бы днепровские пороги⁵. К тому же, Константин Багрянородный прямо указывает, что ру-

¹ Ал-Масуди. Золотые копи и россыпи самоцветов // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. Восточные источники. С. 115.

² Ибн Мискавайх. Книга испытаний народов и осуществления заданий // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. Восточные источники. С. 102–103.

³ Лукошков А. В. Флот Древней Руси в плаваниях на Константинополь: находки и реконструкции // Труды Первой международной конференции «Начала Русского Мира». СПб, 2011. С. 211.; Древняя Русь: Быт и культура. М., 1997. С. 123.

⁴ Повесть временных лет. С. 27.

⁵ Лукошков А. В. Флот Древней Руси в плаваниях на Константинополь: находки и реконструкции // Труды Первой международной конференции «Начала Русского Мира». СПб, 2011. С. 207.

сы на Днепре и в море использовали ладьи (однодеревки), которые покупали у славян¹. В дальнейшем все суда, которые известны в Киевской Руси, основывались именно на славянских однодеревках². Выходит, русское войско, пришедшее в 941 году под Константинополь, насчитывало от 12 или 20 до 35 тысяч человек (по большому счёту 40000, но никак не 400000). По сравнению с 200 кораблями (2400 или 7000 воинов), нападшими на Царьград 18 июня 860 года, это было, конечно, большое войско.

Второй поход Игоря, датируемый 944 годом, представлен в «Повести» как более масштабное мероприятие, чем первый (о том, сколько могло поместиться воинов в 10000 ладей в 941 году, автор рассказа не подумал). Согласно летописи, Игорь собрал огромное войско: варягов, русь, полян, словен, кривичей, тиверцев, а также печенегов, которых, по словам летописца, он нанял, взяв для надёжности заложников. Общее количество воинов или кораблей не называется. Войско двигалось в ладьях и на конях. Романа предупредили корсунцы и болгары: «идут русские без числа кораблей, покрыв всё море». Узнав об этом, император ромеев сразу же запросил мира: «Не ходи, но возьми дань, какую брал Олег, — молил он русского князя, — прибавлю и ещё к той дани». Подарки были отправлены и печенегам. Игорь, дойдя до Дуная, стал совещаться с дружиной, сообщив о содержании послания Романа. Дружина, видимо, вспомнив о «греческом огне», ответила: *«Да аще сице глаголетъ царь, то что хотимъ боле того, не бившеся имати злато, и сребро, и паволоки? Егда кто вестъ; кто одолеетъ, мы ли, оне ли? Ли с моремъ кто светень. Се бо не по земли ходимъ, но по глубине морьстей: обьча смерть всемъ»*³. Князь согласился и, взяв дань, вернулся обратно в Киев. Далее под 945 годом в летописи находится договор с греками и рассказ о смерти Игоря (дата продублирована).

Эпичность описания данного похода напоминает рассказ о легендарных деяниях Олега в 907 году. И тогда, и сейчас летописец старательно перечисляет племена и народы, принявшие участие в нападении, хотя и несколько в ужатом виде. Не говоря, прямо о численности войска Игоря, он всячески старается подчеркнуть, что

¹ Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991. С. 47.

² Древняя Русь: Быт и культура. С. 122.

³ Повесть временных лет. С. 23.

оно очень большое — покрыли всё море! Автор «Повести» рассказывает, что, подобно Олегу, Игорь идёт «конно и ладейно». Но потом, как бы забывает об этом. Корсунцы в его рассказе говорят только о ладьях русов. Дружина, совещаясь с князем, вспоминает только о море, намекая тем самым, что все они прибыли на кораблях. А конница, снова, как и в 907 году, бесследно исчезает.

А. А. Шахматов, исследуя «Повесть временных лет», высказал мысль, что рассказ о втором походе Игоря является выдумкой летописца с целью объяснить появление в следующем году договора с греками¹. Он обратил внимание на заимствования из Жития Василия Нового, которое описывало поход Игоря 941 года. В частности, на фразу «*по глубине морьстей*» — в житии: «*а друзии сами ся ввергоша в глубину морскую*»². Часть исследователей поддержали А. А. Шахматова и развили его аргументацию. Эпизод с нанятыми союзниками и взятие у них заложников, отмечает, например, И. В. Ведюшкина, является калькой с сообщений Продолжателя Георгия Амартола. «Для моделирования русско-византийского конфликта 944 г., — пишет она, — были привлечены описания разных эпизодов византийско-болгарских отношений, причём некоторые из них использовались текстологически, другие — в виде «композиционных схем» и устойчивых топосов описания военных действий и переговоров о мире. Таким образом, войско Игоря в статье 944 г. выступает то в роли «греков», то в роли «болгар», а нанятые Игорем печенеги — то в роли «угров», то в роли «печенегов» из разных рассказов Продолжателя Амартола...»³.

Другие исследователи не согласились с аргументацией А. А. Шахматова, ссылаясь на то, что договор Игоря был выгоден русской стороне, а значит не мог быть подписан после поражения Руси в 941 году⁴. Любые совпадения с текстами Жития Василия Нового или других источников, исходя из этого, признаются случайными и не имеющими значения.

Учитывая отсутствие независимых источников о втором походе (в то время как о первом их много), текстуальные и композиционные совпадения с Хроникой

¹ Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и её источники // ТОДРЛ. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 72.

² Шахматов А. А. Указ. соч. С. 72.

³ Ведюшкина И. В. Термин «галь» в контексте дискуссии об «узком» и «широком» понимании Русской земли // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 2006. С. 19.

⁴ Повесть временных лет. С. 431.

Продолжателя Георгия Амартола и текстом Жития Василия Нового, говоривших всем о других событиях, наличие противоречий в самом рассказе, следует признать правоту тех исследователей, которые отказывают этому сообщению в доверии. Скорее всего, похода Игоря 944 года не было. Появился он в «Повести временных лет» исключительно по воле его автора. Что касается мотивации летописца, мне кажется, она связана в первую очередь с желанием придать Игорю «героический и мужественный» вид, чтобы предок крестителя Руси не казался трусом и неудачником.

Смерть Игоря не менее загадочна, чем гибель вещего Олега. Рассказы об этом даже начинаются одинаково. Об Олеге: *«И приспе осень, и помяну Олегъ конь свой...»*¹. Об Игоре: *«И приспе осень, и нача мыслити на древляны, хотя примыслити большую дань»*². Согласно «Повести временных лет», текст которой в данном месте совпадает с Новгородской Первой летописью (Предполагаемый Начальный свод), дружина Игоря заявила ему тогда, что они «наги», в то время как отроки Свенельда (даже не дружина, а военные холопы) «изоделись оружием и одеждой». Учитывая, что Игорь в описанном ранее походе взял дань с греков больше, чем брал Олег, заявление это кажется странным. Новгородская летопись, кстати, такого впечатления не производит, поскольку перед этим текстом там стоят сообщения, что Игорь отдал дань Свенельду от уличей (940 г.) и древлян (942 г.)³. Сказав о своём бедственном положении, дружина Игоря предложила пойти за данью к древлянам (с которых, если судить по Новгородской Первой летописи, Свенельд уже собрал всё, что мог): *«Поиди, княже, с нами в дань, — сказала дружина, — да и ты добудеши и мы»*⁴. Игорь «*послуша*» своих мужей, пошёл к древлянам снова (после Свенельда). Дружина князя оказалась не в меру жадной — «и творили насилие над ними мужи его» — сообщает летописец. Взяв дань, Игорь отправился домой. По дороге он отпустил основную часть своих мужей в Киев, а сам вернулся обратно. *«...Похожю и еще»* — подумал он⁵. Но древляне больше терпеть не могли. «Если повадится волк к овцам, то вынесет всё стадо, пока не убьют его; так и этот: если не убьём его, то

¹ Там же. С. 20.

² Там же. С. 26.

³ ПСРЛ. Т. 3. С. 110.

⁴ Повесть временных лет. С. 26.

⁵ Повесть временных лет. С. 27.

всех нас погубит» — решили они¹. Отказавшись платить в третий раз, древляне убили киевского князя. «*И погребень бысть Игорь, и есть могила его у Искорьстены града в Деревехъ и до сего дне*» — подытоживает летописец². Как именно был убит Игорь «Повесть временных лет» не сообщает. Известный всем способ лишения жизни киевского князя путём разделения его на две половины рассказывает византийский историк Лев Диакон. «...Отправившись в поход на германцев, он был взят ими в плен, — пишет историк, — привязан к стволам деревьев и разорван надвое»³. Намёк на это, кажется, есть и в русской летописи. Он находится ниже, при описании первой Ольгиной мести. Сбросив посольство древлян в яму, Ольга спросила послов: «Хороша ли вам честь?». «Горше нам Игорева смерти» — ответили древляне⁴. Признавая, что так оно и было (или могло быть), как рассказывает византийский автор, исследователи не пришли к общему мнению, кто именно убил Игоря — древляне, как об этом говорит «Повесть временных лет» или германцы, как утверждает Лев Диакон. Тем, кто доверяет «Повести» представляется невероятным поход на германцев, особенно если учесть, что вокруг Киева их не было и быть не могло. «Упоминание о германцах загадочно. В Византии IX–XII вв. так называли французов. Может быть, — говорится в комментариях к «Истории», — Лев Диакон или писец со слуха приняли форму Βερβιάνοι [вервиане] (так называет древлян Константин Багрянородный) за Γερμανοί [германе]... »⁵. Те исследователи, кто критически относится к тексту «Повести» и предлагает другие локализации Руси Игоря, нежели киевская, усматривают в германцах готов-тетракситов, которые, по их мнению, в то время могли по-прежнему жить в Крыму⁶. О Крымской или Причерноморской Руси в данном случае и идёт речь. В источниках готы-тетракситы упоминаются только в VI веке Прокопием Кесарийским. На мой взгляд, германцы, убившие Игоря, были его собственными наёмниками, которые не поделили с ним добычу или не получили вознаграждения, после поражения от греков. Зная, что русского князя убили какие-

¹ Там же. С. 163.

² Там же. С. 27.

³ Лев Диакон. История. С. 57.

⁴ Повесть временных лет. С. 164.

⁵ Лев Диакон. История. С. 200.

⁶ Никитин А. Л. Основания русской истории: Мифологемы и факты. М., 2001. С. 204.

то германцы, Лев Диакон, подумал, что это произошло во время похода на них. Что касается всего рассказа в целом, он, как и многое другое в начальной части «Повести», содержит немало легендарных черт, но всё же отражает реальный факт гибели русского князя. Неясно только в каком году. Не факт, что в 945-м (А. Л. Никитин, например, полагает, что в 943 г.¹, А. В. Назаренко — не ранее 946 г.²).

Продолжение истории связано с деятельностью **Ольги** — жены Игоря. Согласно летописи, Ольга во время убийства её мужа находилась в Киеве вместе со своим сыном Святославом. Расправившись с киевским князем, древляне решили, что самое время заполучить и его вдову. «Вот убили мы князя русского, — сказали они сами себе, — возьмём жену его Ольгу за князя нашего Мала и Святослава возьмём и сделаем ему, что захотим»³ — передаёт их речь летописец. В Киев отправилось посольство из числа лучших мужей в количестве 20 человек. Сколько на самом деле было древлян, летописец вряд ли мог знать. Появление этой цифры, видимо, связано с тем количеством человек, которое во времена автора летописи могло поместиться в ладье. Посольский корабль, по утверждению летописца, причалил прямо к горе, на которой стоял Киев, у Боричева спуска. Невероятность этой ситуации была очевидна самому автору рассказа, что повлекло за собой появление небольшого отступления от повествования. Чтобы убедить читателей, что так оно и было, летописец вынужден был предпринять краеведческий ликбез. Заявив, что люди тогда на Подоле не сидели, и вода подходила непосредственно к Киевской горе (поэтому древляне туда и приплыли), он в нескольких предложениях очертил древнейшую топографию Киева: город был там, где во времена летописца располагался двор Гордяты и Никифора, а княжеский двор на месте усадеб Воротислава и Чудина. Сказав попутно, где киевляне тогда ловили птиц, и располагался каменный терем, он снова вернулся к древлянам, прибывшим сосватать Ольгу и расправиться с её сыном. Княгиня поинтересовалась у послов, зачем они прибыли и услышала: «Послала нас Деревская земля с такими словами: “Мужа твоего мы убили, так как

¹ Там же. С. 207.

² Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 263.

³ Повесть временных лет. С. 163.

муж твой, как волк, расхищал и грабил, а наши князья хорошие, потому что берегут Деревскую землю, — пойди замуж за князя нашего Мала»¹. Ольга притворно заявила древлянам, что речь их понравилась, а Игоря ей всё равно не воскресить. «...Хочу воздать вам завтра честь перед людьми своими, — сказала она, — ныне же идите к своей ладье и ложитесь ... а утром я пошлю за вами, а вы говорите: “Не едем на конях, ни пеши не пойдём, но понесите нас в ладье”»². А сама приказала вырыть большую яму на теремном дворе. Утром всё случилось так, как было задумано Ольгой. Древляне потребовали нести их в гору в ладье, киевляне согласились, а потом раздетых и довольных собою послов бросили в подготовленную яму. Тогда и услышали древляне слова Ольги, намекавшие на правоту слов Льва Диакона. В довершение всего княгиня приказала закопать деревских послов живыми.

На самом деле, древляне не могли причалить к горе Киевской. Подол начал заселяться, по данным археологических раскопок, ещё в конце IX века³. Никакой воды у горы в середине X столетия не было. Тем более осенью. Естественный уровень Днепра, примерно, соответствовал современному⁴. Исключение могут составлять большие весенние паводки, которые затапливали весь Подол (о которых горожане, конечно, знали и поэтому могли легко поверить автору рассказа, что люди здесь раньше не жили). Такое случалось, по словам Комара, несколько раз в столетие⁵. Летописец заставил древлян приплыть на ладье к самой горе, только ради того, чтобы киевляне смогли донести их до теремного двора, а Ольга закопать. Иначе говоря, весь сюжет является выдуманным. Топографический экскурс летописцу нужен был для того, чтобы показать свою осведомлённость в этом вопросе, а значит и достоверность всего его повествования.

Литературным вымыслом, судя по всему, являются и остальные рассказы о мести Ольги за убийство мужа. Всего по данным летописца Ольга отомстила древлянам четырежды. Второй раз — спалив ещё одну группу послов в бане, третий —

¹ Там же. С. 164.

² Там же.

³ Комар А. В. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // Альманах історії та археології Східної Європи RUTHENICA. 2005. № 4. С. 134.

⁴ Комар А. В. Киев и Правобережное Поднепровье // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда, 2012. С. 316.

⁵ Комар А. В. Киев и Правобережное Поднепровье. С. 315.

изрубив 5 тысяч древлян во время тризны, и четвёртый — стерев с лица земли Искоростень, где сидел Мал, взяв дань голубями и воробьями. Киевская княгиня устроила своего рода огненное представление. Дождавшись сумерек, она приказала привязать к птицам по труту и поджечь. Голуби и воробьи, по словам летописца, полетели напрямик в свои гнёзда и сожгли город целиком.

Рассказы о мести Ольги признаются исследователями малодостоверными. «“Странствующим сюжетом” фольклора (и литературы) средневековья»¹ — называет их А. Л. Никитин. Возводятся они главным образом к германской фольклорной и литературной традиции. Последняя месть находит аналогию в саге о Харальде Суоровом². Сага рассказывает, что Харальд, чтобы взять город, велел своим людям ловить птиц, которые там вьют гнёзда, привязывать к ним сосновые стружки, смазанные воском и серой и поджигать³. По мнению И. Н. Данилевского, все источники подобного рода (кроме саги он называет произведение Саксона Грамматика и уэльсский роман «Брют Тисилио», основанный на «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского XII века), имеют истоки в библейских книгах⁴.

Основной смысл рассказов о мести, по всей видимости, заключается в желании показать глубину преобразования души русской княгини, которая выполняет в церковной (и летописной) традиции роль Елены, матери Константина Великого, основателя Второго Рима. Как и Владимир-креститель, в языческое время Ольга представляется жестокой и мстительной. Всё меняется после крещения.

Главное событие, связанное с Ольгой, которое описывает автор «Повести временных лет» — поездка в Царьград и крещение княгини. Согласно летописи, Ольга в 955 году отправилась в Греческую землю к правившему тогда царю Константину Львовичу (в Лаврентьевской летописи ошибочно назван Иоанн Цимисхий⁵). Император, уверяет летописец, увидев красоту княгини и удивившись её мудрости, сразу же захотел взять её в жёны и сделать императрицей. «Достойна ты царствовать с

¹ Никитин А. Л. Основания русской истории. С. 211.

² Данилевский И. Н. Повесть временных лет... С. 122–123.

³ Там же. С. 121.

⁴ Там же. С. 123.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 60.

нами в столице нашей»¹ — сказал он Ольге. Не желая выходить замуж за императора, княгиня пошла на хитрость. «Я язычница, — заявила она, — если хочешь крестить меня, то крести меня сам — иначе не крещусь»². Константин так и сделал. Ольга получила христианское имя «Елена», «*якоже и древняя царица, мати Великаго Костянтина*»³. После крещения царь снова обратился с просьбой о женитьбе. «Как ты хочешь взять меня в жёны, если сам крестил меня и назвал дочерью» — ответила Ольга в этот раз. Император понял, что русская княгиня перехитрила его, дал ей многочисленные дары (золото, серебро, паволоки, различные сосуды) и отпустил. Ольга попросила благословения у патриарха. «Люди мои и сын мой язычники, — сказала она, — да сохранит меня Бог от всякого зла». Патриарх благословил, и она отправилась в Киев. Но история на этом не заканчивается. Вспомнив о «царице эфиопской», приходившей к Соломону послушать премудрости, и сравнив её с Ольгой, летописец отметил, что княгиня с малых лет искала, что есть лучшее на свете и нашла Христа. После этого рассказ вернулся к сюжету. В Киев с обратным визитом прибыли послы византийского императора и попросили у Ольги даров (челядь, воск, меха) и воинов в помощь, как уговаривались (хотя в самом рассказе о поездке в Византию об этом не было сказано ни слова). Ответ русской княгини кажется неожиданным, после испытанного триумфа в Царьграде. Она велела передать императору: «*Аще ты, рьцы, тако же постоиши у мене в Почайне, яко же азъ в Суду, то тогда ти дамь*»⁴. И отпустила послов. Далее летописец сообщает, что Ольга пыталась склонить к христианству своего сына (судя по контексту ещё подростку). Однако Святослав отказался, сославшись на то, что дружина будет насмехаться над ним.

Ольга действительно ездила в Константинополь. Об этом, кроме русской летописи и «Памяти и похвалы князю Владимиру» Иакова Мниха сообщает ряд независимых источников: анонимное продолжение «Хроники Регинона Прюмского», греческая хроника Иоанна Скилицы и трактат Константина VII «О церемониях».

¹ Повесть временных лет. С. 166.

² Там же. С. 166.

³ Там же. С. 29.

⁴ Там же. С. 30.

Все русские летописи и «Память и похвала Владимиру» единодушны в оценке характера и целей поездки. Ольгу в Царьград привело желание найти «истину», она здесь крестилась и стала первой преемницей духовного наследия греческой церкви, предтечей крестителя Руси Владимира. При этом встречаются две датировки «хождения» княгини в Константинополь. В Новгородской Первой летописи и Лаврентьевском летописном своде, по которому публикуют основной текст «Повести временных лет», назван 6463 (955) год¹. Эта дата широко распространена в летописях и наиболее известна. В Новгородской Четвёртой летописи указан 6466 (958) год². «Память и похвала Владимиру» даёт относительную датировку — Ольга в крещении прожила 15 лет, а умерла 11 июля 6477 (969) года³.

«Продолжатель Регинона» (X век) под 959 годом сообщает о прибытии к германскому королю Оттону I послов королевы ругов Елены, крестившейся в Константинополе при императоре Романе⁴. Иоанн Скилица (автор XI века) замечает, что супруга архонта Руси, который приводил флот против ромеев, по имени Эльга, после смерти мужа посетила Константинополь и здесь крестилась⁵. Константин Багрянородный — современник и непосредственный участник приёма Ольги в Константинополе — подробно описывает, как проходила церемония, но о крещении не пишет ни слова. По его словам, было две встречи. 9 сентября в четвёртый день недели (среда) состоялся торжественный приём архонтиссы Эльги по случаю прибытия и клиторий (званный обед). И 18 октября в воскресенье — только клиторий⁶. Год прибытия русской княгини у него не назван. Есть только указание на IV индикт в заголовке о приёме арабов, состоявшемся перед посещением столицы империи Ольгой. Исходя из соответствий дня недели и числа, в правление Константина посольство Ольги могло посетить Царьград либо в 946, либо 957 году.

¹ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 60; ПСРЛ. Т. 3. С. 113.

² ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 3. Л., 1929. С. 581.

³ «Память и похвала Владимиру» Иакова мниха // «Крещение Руси» в трудах русских и советских историков / Ред.: А. Ф. Окулов и др.; вст. ст. А. Г. Кузьмин. М.: Мысль, 1988. С. 288.

⁴ Регинон Прюмский. «Хроника» с продолжением // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 4. Западноевропейские источники. С. 45–46.

⁵ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 266–267.

⁶ Константин Багрянородный. О церемониях византийского двора // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 2. Византийские источники. С. 143–146.

Согласовать все эти разноречивые данные до сих пор не удалось. Происхождение датировок в русских летописях точно не известно. Полагаться на них, в силу этого, трудно, поскольку автор текста жил в XI или XII веке, то есть спустя сто и более лет. Царствование Романа (обычно подразумевается Роман II, сын Константина Багрянородного), на которое указывает «Продолжатель Регинона Прюмского», приходится на 946 (948) — 963 годы (самостоятельно — с 959 г.). Трактат Константина Багрянородного, как уже отмечалось, позволяет говорить о двух датах — 946 и 957 гг. Историография, посвящённая этому вопросу, обширна. Высказываются самые разные, даже невероятные, версии: 946 г. (И. М. Геснер, И. Тунманн, Г. Г. Литаврин¹), 955 г. (А.-Л. Шлёцер), 957 г. (Ф. И. Круг, С. М. Соловьёв, М. В. Левченко², А. В. Назаренко), 959 г. (А. Г. Кузьмин); две поездки в различных сочетаниях — 946 (955) и 957 (955) гг. (В. А. Пархоменко, Д. Оболенский, М. Д. Присёлков, Г. Г. Литаврин³), 944 и 946 гг., при Романе I и Константине VII, крещена во время первой поездки (О. М. Рапов⁴). Среди них, кажется, наиболее распространённой и убедительной является датировка поездки 957 годом. Впрочем, это не значит, что верна именно она⁵. Обоснованной представляется и версия, которую отстаивает Г. Г. Литаврин — 946 год. Если текст Константина Багрянородного об этом событии восходит к протоколам и отчётам реальных приёмов, то последовательное перечисление дат их проведения — 31 мая — 6 августа — 9 августа — 30 августа — 9 сентября (1-й приём Ольги) — 18 октября (2-й приём) с указанием на IV индикт в начале этого списка, позволяет думать, что все они относятся к одному и тому же году (имеется в виду наш январский стиль). В этом случае предпочтительной датой является именно 946 год, единственный в годы самостоятельного правления Константина приходившийся на IV индикт⁶. Пропуск в 11 лет со «счастливым» попаданием на

¹ Литаврин Г. Г. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. Проблема источников // Византийский временник. М., 1981. Т. 42. С. 48.

² Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 222.

³ Литаврин Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX – начало XII в.). С. 209.

⁴ Рапов О. М. Русская церковь в IX – пер. трети XII в. Принятие христианства. М., 1998. С. 158.

⁵ Историографию вопроса см.: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 221–223, 267; Рапов О. М. Русская церковь в IX – пер. трети XII в. Принятие христианства. С. 142–146.; Основные аргументы датировки поездки 957 г. см.: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 309–310.

⁶ Литаврин Г. Г. К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М., 1986. С. 49–50.

одни и те же дни недели — приём арабских послов в 946 году, а Ольги в 957-м — выглядит маловероятным¹. Речь, правда, Г. Г. Литаврин ведёт только о дате сообщения Константина и предполагает вторую поездку Ольги в 955 году, когда княгиня, по его мнению, и крестилась. Главным аргументом ему служит упоминание Ольги во время приёмов под своим языческим, а не христианским именем (Елена)². Только ведь ни один из источников не говорит о двух поездках Ольги. Всегда только об одной. А. В. Назаренко, возражая против датировки поездки 946 годом, указывает на то, что она противоречит упоминанию Константином Багрянородным ребёнка Романа II, у которого детей в то время быть не могло. Заголовки, указывающие на IV индикт (время приёма арабских послов) Назаренко считает поздними и ошибочными — и арабские, и русское посольства были приняты, по его мнению, в один год, но не в 946, а 957-й³.

Летописная история о путешествии в Царьград и крещении Ольги кажется скроенной из нескольких несогласованных друг с другом источников. Сюжет рассказа строится вокруг желания императора жениться на княгине (учитывая отношение Константина VII Багрянородного к бракам с варварами, это невозможно), хитрости и мудрости, которые она проявляет с целью избежать замужества. В конечном итоге Константин признаёт своё поражение, усыпает Ольгу всевозможными дарами, называет духовной «дочерью», а патриарх благословляет на служение Христу. Княгиня возвращается в Киев «преображённой» и душой, и телом, с множеством богатств. И вдруг — резкий отказ на просьбу византийских послов об ответных дарах и военной помощи. Ощущение такое, что летописец что-то пропустил важное в своём рассказе, что оправдывало бы такое поведение княгини: «Если ты так же постоишь у меня в Почайне, как я в Суду, то тогда дам тебе»⁴. Или, может быть, автор летописи присоединил к одному рассказу, конец другого, освещавшего то же событие иначе?⁵ Ещё одна странность — само нежелание выходить замуж за императора.

¹ Литаврин Г. Г. К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги. С. 51.

² Там же. С. 55.

³ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 310.

⁴ Повесть временных лет. С. 167.

⁵ См.: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 299.

Ведь на этот раз её сватал не Мал, убивший мужа, а правитель империи ромеев, породниться с которым мечтали все властители Европы и Руси.

Дело здесь, конечно, не в женитьбе. Это только литературный приём. Основной смысл рассказа — показать образ мудрой княгини Русской, указавшей «путь истины» её внуку. Это повествование о «деннице перед солнцем», заре перед рассветом!¹ Иначе говоря, всё сказанное о поездке Ольги и её мудрости нужно было для того, чтобы потом можно было написать: «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшей из людей»². Ещё один смысл, не менее важный, вытекающей из самого факта крещения Ольги в Царьграде и победы её в «соревновании по мудрости» с Константином — «благословение» (или признание) со стороны Империи на переход «избранности» от Второго Иерусалима (Константинополя) к Третьему (Киеву), и замещение первой Елены (матери римского императора) второй Еленой (бабкой второго Константина — князя Владимира).

Для чего на самом деле Ольга посещала Царьград и вела длительные переговоры, источники не сообщают. При этом практически все они утверждают, что русская правительница приняла в Константинополе христианство. Крещение княгини, как полагает А. В. Назаренко (и не только он), было совершено в Константинополе до первого приёма 9 сентября и было частью дипломатической игры, а не целью визита. Подлинная цель солидной русской делегации во главе с самой «игемоном и архонтиссой Росии» (такого, кажется, в древнерусское время не было больше никогда) вызывает самые разные предположения. Среди них — попытка добиться новых привилегий в торговле, желание женить Святослава на греческой царевне, и даже «любопытство неофитки»³. Наиболее правдоподобной представляется версия о попытке заключения русско-византийского династического союза (путём брака князя Святослава и греческой принцессы — у Константина VII и его жены Елены было пять дочерей). Этим действительно может объясняться столь масштабная делегация со стороны Руси, возглавляемая самой княгиней и неожиданное её крещение в Кон-

¹ Повесть временных лет. С. 169.

² Там же. С. 186.

³ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. С. 301.

стантинополе. Есть и другие косвенные данные¹. Неудача подобной миссии могла вызвать недовольство Ольги и, как полагает А. В. Назаренко, оказать влияние на желание Святослава остаться в язычестве².

Дальнейшая судьба Ольги описывается в «Повести временных лет» в рамках рассказов о **Святославе Игоревиче**. После ряда пустых лет (956–963 гг.) под 964 годом в летописи находится восторженная характеристика Святослава. Летописец пишет, что, когда он возмужал, то стал собирать много воинов, был быстрым как пардус (гепард), много воевал. Впервые в Лаврентьевской редакции «Повести» Святослав упомянут под 946 годом (если не считать договор Игоря 945 года), где называется ребёнком. Согласно Ипатьевской летописи Святослав родился в 942 году (в Лаврентьевской летописи эта дата отсутствует)³. В этом случае в 964 году ему было 22 года. В. Н. Татищев указывает другую дату рождения — 920 год⁴. Если так, Святослав «возмужал» только в 44 года. В своих многочисленных походах, утверждает летописец, он не возил котлов, не варил мяса, а жарил его на углях. Спал, как и его воины, на голой земле, постилая потник с седлом под голову. Своим противникам посылал вызов — *«Хочю на вы ити»*⁵.

Трудно сказать, предупреждал ли на самом деле Святослав своих врагов, но что касается общей характеристики князя и его дружины, она вряд ли соответствует действительности. Авторы X века, хорошо знавшие русов, говорят о неумении русских воинов того времени сражаться в конном строю и даже твёрдо сидеть в седле. Лев Диакон, рассказывая о войне Святослава с Иоанном Цимисхием неоднократно подчёркивает: «Скифы [всегда] сражаются в пешем строю»⁶. Он называет росов народом, не умеющим ездить верхом⁷. Ал-Масуди, описывая поход русов на Каспий, говорит только о ладейном войске⁸. Ибн Мискавайх, давая довольно лестную

¹ Назаренко А. В. Указ. соч. С. 302.

² Там же.

³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 34.

⁴ Татищев В. Н. История Российская. М., 2005. Т. 2. С. 23.

⁵ Повесть временных лет. С. 31.

⁶ Лев Диакон. История. С. 70.

⁷ Там же. С. 74.

⁸ Ал-Масуди. Золотые копи и россыпи самоцветов. С. 116.

характеристику русам — «этот народ велик...у них большая сила. Не знают они отступления, и ни один человек из них не обратится в бегство, пока не убьёт или не будет убит сам» — отмечает, что они сражаются пешими¹. Подтверждают эти данные и археологические раскопки. Количество костей лошади, найденных в древнерусских поселениях, сильно уступает находкам костей других животных, в особенности крупного рогатого скота (в несколько раз)². Появление сабли в качестве оружия русских воинов, связываемое с выдвижением конницы как главного рода войск, приходится по данным раскопок на первую половину XI века. Первые сабли, найденные в приграничных со степью курганах, датируются обычно X– первой половиной XI века. Такие широкие хронологические рамки отдают преимущество второй его части, т. е. первой половине XI столетия. Распространение сабли на основной территории Руси приходится уже на вторую половину XI века³. Видимо, автор русской летописи перенёс практику XI–XII веков на более раннее время, не догадываясь, что русы тогда не воевали в конном строю. Выражение «*аки пардусь*» отсылает нас к Александру Македонскому, о котором в «Александрии» (известной в древнерусское время) сказано: «*Великий царю Александре, не в кое время слышах во евреох пророка Данила, глаголюща писание тое, и он пардуси наричет западнии цари* (выделено мною — А. П.), *а овна дворогово — Перское царство...*»⁴. Во второй редакции Александрии «пардусом» назван сам Александр Македонский: «*акы пардусь. дерзостью воюя землю соурьскоую*»⁵, что напоминает, по словам В. М. Истрина, «Георгия Амартола», хорошо знакомого автору «Повести временных лет». «Эпитет пардуса был употребителен для означения воинственности» — замечает по этому поводу В. М. Истрин⁶. «...Сравнение Святослава с пардусом (гепардом), — пишет со ссылкой на Истрина А. А. Гиппиус, — носит книжный характер...»⁷. Совпадение эпитетов Александра Македонского и Святослава он считает не случайным.

¹ Ибн Мискавайх. Книга испытаний народов и осуществления заданий. С. 101.

² Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 226.

³ Там же. С. 307.

⁴ Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М.; Л., 1965. С. 21.

⁵ Истрин В. М. Александрия русских хронографов. М., 1893. С. 160.

⁶ Там же. С. 160–161.

⁷ Гиппиус А. А. Как обедал Святослав? (Текстологические заметки) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. №. 2 (32). С. 48.

По его мнению, характеристика русского князя как «пардуса» была заимствована автором летописи «из описаний Александра Великого в хронографической традиции»¹.

Следом за характеристикой Святослава (и под тем же годом) летописец сообщает об «открытии» им вятичей. Описание их встречи напоминает рассказ о походе Олега на радимичей. Об Олеге под 885 годом: «*Посла къ Радимичемъ, рька: «Кому дань даете?». Они же рѣша: «Козаромъ». И рече имъ Олегъ: «Не дайте козаромъ, но мнѣ дайте». И въдаша Ольгови по щялягу, яко же и козаромъ даяху ...»*»². О Святославе под 964 годом: «*И иде на Оку рѣку и на Волгу, и налѣзе вятичи, и рече вятичемъ: «Кому дань даете?». Они же рѣша: «Козаромъ по щялягу от рала даемъ»*»³. На этом рассказ неожиданно заканчивается, оставляя читателя в недоумении.

Под 965 годом в двух словах говорится о походе на хазар (упоминание перед этим вятичей выглядит как повод для нападения на каганат). Святослав сразился с каганом «*и градъ ихъ и Бѣлу Вежю взя*»⁴. Под 966 годом летописец снова возвращается к вятичам, которых русский князь оставил без объяснения причин, и сообщает то, что казалось бы должен был написать под 964 годом: «*Вятичи побѣди Святославъ, и дань на нихъ възложи*»⁵. Кратко летопись описывает и первый поход Святослава на Дунай: «*В лѣто 6475 [967)]. Иде Святославъ на Дунай на Болгары. И бившемся обоимъ, одолѣ Святославъ болгаромъ, и взя городъ 80 по Дунаеву, и съде княжа ту въ Переяславци, емя дань на грѣцѣхъ*»⁶.

Достоверность сведений «Повести» о походе Святослава на вятичей ставит под вопрос упоминание «шеляга» как единицы дани. Кроме данной статьи и близкого к ней рассказа о походе Олега на радимичей (под 885 г.) монету или меру веса под этим названием летопись больше не вспоминает. Нет данных о шеляге и в берестяных грамотах⁷. Существуют два основных толкования происхождения этого сло-

¹ Гишпиус А. А. Как обедал Святослав? (Текстологические заметки). С. 49.

² Повесть временных лет. С. 14.

³ Там же. С. 31.

⁴ Там же. С. 31.

⁵ Там же. С. 31.

⁶ Там же. С. 31.

⁷ Комар А. В. Древнерусская денежно-весовая система X в. на перекрестке путей: хазарский тупик // Хазарский альманах. Киев; Харьков, 2010-2011. Т. 9. С. 158.

ва и пути его попадания в русскую летопись. Одно из них предполагает, что «шеляг» происходит от германского «шиллинга» (германизированный «солид» — римская золотая монета, происх. от лат. «твёрдый»). Второе — от еврейского «шэлэг» (белый) и подразумевает арабский дирхем (серебреник)¹. Казалось бы, последний вариант наиболее предпочтителен — арабский дирхем в это время имел широкое хождение. Он был хорошо известен и в Европе, и на Руси. По мнению А. П. Новосельцева, дирхем был основной монетой и в Хазарском каганате². Однако, археологические материалы говорят о другом. Клады с арабскими монетами, которые должны свидетельствовать о дирхеме, как средстве накопления, на территории каганата распространены мало. Те, что есть, сильно уступают в этом отношении и Руси, и Волжской Булгарии³. Денежная система Хазарского каганата, как утверждает А. В. Комар, не была ориентирована на весовое серебро⁴. В основе древнерусской системы денежно-весовых мер X–XI вв. он видит западноевропейский шиллинг. Североевропейские гирьки, основанные на системе шиллинга, являются по данным А. В. Комара, наиболее массовым видом находок подобного рода, особенно на юге Руси⁵. Происхождение поплужной системы налогообложения с единицей в один шиллинг серебра («*по шьягу от рала*» русской летописи) он связывает с древнесаксонским обществом, откуда эта система могла проникнуть, по его мнению, в Англию и балтийским славянам (о её существовании сообщает Гельмольд), а потом и на Русь⁶. Во времена летописца шиллинговая денежно-весовая система была уже вытеснена собственной кунно-резанной.

Появление «шеляга» в русской летописи находит и более простое объяснение. За ним может стоять библейский «сикль» (синодального и старославянского переводов⁷) или «шекель» (перевода Российского библейского общества). Иначе говоря, это может быть обычной цитатой из Библии, коих в летописи немало. Так или ина-

¹ Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 117.

² Новосельцев А. П. Указ. соч. С. 117.

³ Комар А. В. Древнерусская денежно-весовая система X в. на перекрёстке путей: хазарский тупик. С. 135.

⁴ Там же. С. 139.

⁵ Там же. С. 158.

⁶ Там же. С. 158.

⁷ В Острожской Библии XVI века «сикль» упоминается, например, в Книге пророка Иезекииля (Иез. 4:10) и четвёртой книге Царств, текст которой переключается с описанием голода Святослава в Белобережье (4Цар. 7:1).

че, платить дань хазарам в шиллингах (монетах или натурой) с плуга вятичи (как и ранее радимичи) не могли. Как собственно и арабскими дирхемами, и библейскими сиклями. В любом случае дань хазарам «*по щельягу от рала*», не более чем выдумка летописца (цитата из Библии или неизвестного источника), а не реальный факт. Поход Святослава на вятичей, как и Олега на другие славянские «племена», может быть не более чем «трафаретом» — деянием, которое, по мысли летописца, князь должен был совершить, а совершал или нет, неизвестно.

Что касается похода Святослава на Хазарию (965 г.) и Болгарию (967 г.), в их реальности никто не сомневается. Однако и они являются предметом спора. Дело в том, что сведения русской летописи никак не согласуются с данными современных этим событиям источников. О походе на болгар — Льва Диакона (и автора XI века Иоанна Скилицы). О походе на хазар — Ибн Хаукала (Хаукаля). Лев Диакон рассказывает о войне русского князя на Балканах подробно. Он сообщает, что на Болгарию Святослав пошёл по просьбе императора ромеев Никифора Фоки. Пока сам Никифор воевал в Сирии, к «скифам» (росам) отправился патрикий Калокир, который и уговорил Святослава, обещав огромные богатства из царской сокровищницы¹. Возбуждённый надеждой получить сокровища и видя себя владельцем «страны мисян», Святослав вторгся в Болгарию, имея у себя огромное войско из «цветущих здоровьем мужей» (Лев Диакон говорит о 60-тысячах воинов)². В первом же сражении русы разгромили болгар и вынудили их запереться в Доростоле. Русы, рассказывает Лев Диакон, «стремительно выпрыгнули из челнов, выставили вперёд щиты, обнажили мечи и стали направо и налево поражать мисян»³. Впоследствии Святослав захватил всю Болгарию, дойдя, по данным Льва Диакона, до Филиппополя (Пловдива), взял его и посадил на кол 20 тысяч горожан (цифра, скорее всего, преувеличена)⁴. К этому времени в Империи уже сменилась власть. Никифор был свергнут Иоанном Цимисхием в декабре 969 (6478) года и Святослав, видимо, ничего из обещанного ему Калокиром не получил. О временном уходе русского князя из Болга-

¹ Лев Диакон. История. С. 44.

² Там же. С. 44.

³ Там же. С. 44.

⁴ Там же. С. 56.

рии Лев Диакон молчит. Хронологию событий, описанных византийским историком, позволяет уточнить рассказ Иоанна Скилицы, который (возможно?) восходит к общему для них источнику. По данным Скилицы, Святослав вторгся в Болгарию в августе 11 индикта, на 5 году царствования Никифора (968 г.)¹. Он разорил многие города и сёла, а потом покинул страну. На шестом году царствования (969 г.) Святослав вернулся в Болгарию. Разорвал договор и решил остаться, владея страной болгар и не помышляя уходить на Русь². П. О. Карышковский, опираясь на данные И. Скилицы, вполне убедительно восстановил ход войны на Балканах. Кроме Скилицы и «Истории» Льва Диакона он привлёк сведения арабского хрониста Яхьи Антиохийского (X – сер. XI вв.) и армянского летописца Стефана Таронского по прозвищу Асохик (X–XI вв.)³. Что касается первого этапа войны на Балканах, П. О. Карышковский пришёл к следующему выводу. Посольство Калокира было отправлено на Русь осенью 967 или ранней весной 968 года. Первый поход Святослава начался летом 968 года, в августе. Уход из Болгарии приходится на весну или начало лета 969 года. Второй поход состоялся в начале августа 969 года и продолжался до конца лета 971 года⁴.

Ибн Хаукал рассказывает о походе русов на хазар. Он пишет: «И опустошили его [Булгар] русы, и напали на Хазаран, Самандар и Итиль в году 358 / 968–69, и отправились тотчас же к стране Византия и в Андалусию, и разделились на две группы»⁵. И далее: «...и сказал [тот, кого я спрашивал]: «...Напали на них русы, и не осталось в городе ни винограда, ни изюма...»... Были в Самандаре мечети, церкви и синагоги, и совершили свой набег эти [русы] на всех, кто был на берегу Итиля, из числа хазар, болгар и бургасов, и захватили их. Искали убежища жители Итиля на острове [близ] Дербента...»⁶. И ещё: «И не осталось в это наше время ни болгар, ни

¹ [И. Скилица]. О войне с Русью императоров Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия // Лев Диакон. История. С. 121.

² Там же.

³ Историографию вопроса см.: Карышковский П. О. О хронологии русско-византийской войны при Святославе // Византийский временник. М., 1952. Т. 5. С. 128–130.

⁴ Карышковский П. О. О хронологии русско-византийской войны при Святославе. С. 130, 132, 138.

⁵ Ибн Хаукал. Книга путей и стран // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. Восточные источники. С. 88–89.

⁶ Ибн Хаукал. Книга путей и стран. С. 93.

буртасов, ни хазар [из-за] народа рус, кроме разбросанной неполной [части этих народов], и [даже] за ней рыскал [народ рус]...»¹.

Согласно Ибн Хаукалу, русы напали на Хазарию в 358 году, то есть в период между 25 ноября 968 и 13 ноября 969 года. Молниеносным ударом они полностью уничтожили хазарскую столицу и другие крупные города, что привело к постепенному упадку и гибели каганата. После нападения русское войско ушло в Византию (частично в Андалусию). Т. М. Калинина уточнила дату нападения. По её мнению, наиболее подходящим временем для набега является время весны, лета и осени 969 года². В рассказе Ибн Хаукала смущает указание на разгром русами Булгара. Однако ещё В. В. Бартольд, один из основателей русского востоковедения, отмечал ошибочность этих данных. По его мнению, Ибн Хаукал перепутал волжскую Булгарию и дунайскую. «Против известия о разгроме [волжских] болгар, — пишет он, — говорят последующие события... разгромом [каганата] воспользовались не столько русы, сколько болгары, производившие с XI в. нападения на русские пограничные города на Оке. К болгарам перешло, если не во всей восточно-европейской равнине, то в бассейне Волги наследие хазар...»³. Анализ сведений Ибн Хаукала, сделанный Т. М. Калининой, подтвердил предположение В. В. Бартольда. Одним из источников Ибн Хаукала, отмечает она, было сочинение Истахри. Следуя за текстом своего предшественника, Ибн Хаукал говорит о Великой Болгарии, но если Истахри имеет в виду дунайских болгар, Ибн Хаукал подразумевает волжских⁴. О том, что Ибн Хаукал перепутал две Болгарии, пишет и А. П. Новосельцев. «...Никаких следов погрома Булгара этого времени, — отмечает он, — археологически не обнаружено. Можно с полной уверенностью сказать, что Ибн Хаукаль спутал Волжскую и Дунайскую Болгарию и у него идёт речь о войнах Святослава на Балканах, о которых в мусульманских странах, несомненно, знали»⁵. Важным в этой связи, является указание ал-Мукаддаси на приход русов из «Рума», то есть Византии: «...я слышал, что

¹ Там же. С. 94.

² Калинина Т. М. Сведения Ибн Хаукала о походах Руси времён Святослава // Древнейшие государства на территории СССР. 1975. М., 1976. С. 97.

³ Бартольд В. В. Арабские известия о русах // Сочинения. Т. 2. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М., 1963. С. 851.

⁴ Калинина Т. М. Сведения Ибн Хаукала о походах Руси времён Святослава. С. 95–96.

⁵ Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. С. 225.

войско из Рума, которое называют русами, напало на них [хазар] и овладело их страной»¹. Выходит, по данным восточных источников, которые вполне согласуются с греческими, Святослав с войском покинул Болгарию, разгромленную им, весной 969 года и внезапно обрушился на столицу Хазарии Итиль и другие города нижнего Поволжья и Прикаспия. Не оставив там камня на камне, к августу того же года он вернулся обратно на Балканы, дошёл до Филиппополя и вступил в противостояние с Империей ромеев.

Сведения византийских и арабских авторов вызвали продолжительную полемику. Пытаясь согласовать их с данными «Повести временных лет», исследователи выдвигали самые разные гипотезы. По мнению одних, война на Балканах продолжалась с 967 по 971 год (Н. М. Карамзин, С. М. Соловьёв, Н. П. Ламбин, В. В. Мавродин и др.), другие раздвигали её рамки до 972 года (А. А. Куник, Ф. Ф. Вестберг, М. В. Левченко и др.), третьи начинали боевые действия в 968 году, а заканчивали в 972 (В. Г. Васильевский, А. А. Шахматов и др.), четвёртые ограничивали продолжительность войны 968—971 годами (Д. И. Иловайский, А. Е. Пресняков, М. Д. Прищёлков). Наконец, П. О. Карышковский в середине XX века поставил на этом споре точку, установив правоту последней (четвёртой) гипотезы². Но для этого ему пришлось отбросить летописную хронологию событий как ненадёжную³. С данными восточных авторов о разгроме Хазарии сведения «Повести временных лет» вообще никак не согласуются, и потому исследователям приходится либо игнорировать данные летописи, либо предполагать два похода на хазар, первый из которых датируется по летописи 965 годом, а второй по Ибн Хаукалу — 969-м (Т. М. Калинина⁴).

Стремление приписать Святославу сразу два похода на хазар, как бы между делом — перед кампанией на Балканах и во время неё, является умозрительным и ничем не подтверждённым. Ни один источник, в том числе «Повесть временных лет», не говорит о двух походах. Странно думать, что летописец правильно датировал первый поход на хазар (965 г.), совсем забыл о втором, более масштабном и ре-

¹ Ал-Мукаддаси Шамс Ад-Дин. Лучшее разделение для познания климатов // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. Восточные источники. С. 96.

² Карышковский П. О. О хронологии русско-византийской войны при Святославе. С. 128–129.

³ Там же. С. 134.

⁴ Калинина Т. М. Сведения Ибн Хаукаля о походах Руси времён Святослава. С. 101.

зультативном и всё напутал с хронологией событий на Балканах. Думаю, на самом деле, автор русской летописи, знал только о том, что Святослав дважды воевал в Болгарии и ходил на хазар, а когда именно это было, не знал, и даты поставил произвольно. При этом спутал последовательность происходивших событий (поставил сначала поход на хазар, а потом на болгар). А про то, что Святослав полностью уничтожил хазарскую столицу, ему не было известно, иначе бы он обязательно написал об этом, а не ограничивался бы сухой фразой о взятии Белой Вежи и победе над каганом. И ещё. Если Святослав не разорял Волжскую Булгарию, а деятельность его была сосредоточена исключительно на Дунае, Балканах и нижнем Поволжье¹, тогда это ещё одно основание не доверять сообщению летописца о походе Святослава на вятичей.

Под 968 годом в «Повести временных лет» приводится подробный рассказ о нападении печенегов на Киев, якобы вынудивший Святослава вернуться из Болгарии (по летописи он туда ушёл в 967-м). Однако к самому князю он имеет лишь косвенное отношение. На первый план снова выходит княгиня Ольга. Впервые в «Повести» упоминаются дети Святослава: Ярополк, Олег и Владимир. Согласно летописи, когда князь был в Переяславце, осадили печенеги Киев «силой великой». И нельзя было выйти из города — коня напоить или весть послать. Со временем люди стали изнемогать от жажды и голода. Один из отроков пробрался через печенегов к Днепру, переплыл его и объявил людям «той стороны», что если они как-то им не помогут, киевляне сдадутся печенегам. Воевода Претич решил приплыть на ладьях и спасти хотя бы княгиню Ольгу и княжичей. На рассвете он с дружиной выдвинулся в путь, Ольга вышла его встречать вместе с внуками. Объявив печенежскому хану, что следом идёт сам Святослав, Претич принял предложение о дружбе и обменялся с ним подарками. Хан вручил воеводе коня, саблю и стрелы, а воевода хану — кольчугу, щит и меч. Наконец киевляне смогли послать весть Святославу, сказав ему: «Ты, князь, ищешь чужой земли и о ней заботишься, а свою покинул, а нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Если не придёшь и не защитишь нас, то возьмут-таки нас. Неужели не жаль тебе своей отчины, старой матери,

¹ Там же. С. 101.

детей своих?»¹. Князь, узнав о беде, быстро сел на коня и примчался в Киев (такое ощущение, что он был где-то неподалеку). Печенеги ушли в степь, и наступил мир.

В свете сказанного выше, данный рассказ нельзя расценивать иначе, как легенду. На самом деле Святослав не воевал с печенегами, а находился вплоть до весны 969 года в Болгарии. С весны до августа 969 года он разорял Хазарию, а потом снова вернулся на Балканы. Византийские авторы говорят, что печенеги были союзниками Святослава и воевали вместе с ним против ромеев. «Росы и их архиг Свендослав, — пишет И. Скилица, — услышав о походе ромейского войска, стали действовать совместно с порабощёнными уже болгарями и присоединили в качестве союзников пачинаков [печенегов] и турок [венгров]...»². Речь, правда, идёт о втором походе Святослава, но это ничего не меняет. В 968 году русский князь был в Болгарии. Святослав смог быстро примчаться в Киев выручать мать и детей своих, только потому, что в легендах нет ни расстояний, ни времени в обычном их восприятии. Иначе говоря, стремительное перемещение князя во времени и пространстве, в данном случае свидетельствует о легендарности рассказа летописца, что не позволяет ему верить.

Под 969 годом автор «Повести» расчищает путь к описанию основного деяния Святослава, о котором летописец знал больше всего — войны с греками в 971 году. Святослав будто бы объявил матери и боярам, что не хочет жить в Киеве, а намерен сидеть в Переяславце на Дунае — «ибо там середина земли моей, — говорил он, — туда стекаются все блага: из Греческой земли — золото, паволоки, вина, различные плоды, из Чехии и из Венгрии серебро и кони, из Руси же меха и воск, мёд и рабы»³. Ольга ответила, что когда похоронишь меня, тогда езжай, куда хочешь. Она была тогда уже больна, по словам летописца. Через три дня после этого разговора Ольга действительно скончалась. Летописец не уточняет, когда именно это произошло. Дата смерти княгини известна по данным Иакова Мниха — 11 июля 6477 (969) года. «... *И плакася по ней сынъ ея, и внуци ея, и людье вси плачемъ великомъ...*»⁴ — пи-

¹ Повесть временных лет. С. 169.

² [И. Скилица]. О войне с Русью императоров Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия. С. 122.

³ Повесть временных лет. С. 169.

⁴ Там же. С. 32.

шет летописец. Ольгу похоронили, как она завещала, без тризны, по христианскому обычаю. Далее автор летописи поместил «память и похвалу» княгине, назвав её «денницей» перед солнцем и зарёй перед «свѣтомъ»¹. Она первая из русских, утверждает он, вошла в царство небесное и молится теперь Богу за Русь.

В первую очередь бросаются в глаза слова о «плаче великом», которые в точности повторяют текст, написанный по случаю смерти Олега: «*И с того разболъся [Олег] и умре. И плакашася людие вси плачем великим...*»². Это значит, что летописец, описывая смерть Ольги, использовал шаблонную фразу, что в свою очередь показывает, что конкретики (как всё происходило на самом деле) он не знал. Если Ольга действительно скончалась 11 июля 969 года (происхождение этой даты Иакова Мниха неизвестно), Святослав вряд ли мог попрощаться с ней. Как было сказано выше, весь 969 год он провёл в походах. С весны он разорял Хазарский каганат, а в июле, когда умирала его мать, он, по всей видимости, находился на пути в Болгарию, до которой добрался в начале августа. Речь Святослава о желании остаться на Дунае, по сути, повторяет слова Скилицы в иной форме: «А народ росов, который ... покорил Болгарию ... не помышлял более о возвращении домой. Поражённые прекрасным расположением местности [росы] разорвали договор, заключённый с императором Никифором, и сочли за благо остаться в стране и владеть ею»³. Напоминает она и речь пророка Иеремии: «Если же скажите: «не хотим жить в этой земле», и не послушаете гласа Господа Бога нашего, говоря: «нет, мы пойдём в землю Египетскую, где войны не увидим и трубного голоса не услышим, и голодать не будем, и там будем жить»; то выслушайте ныне слово Господне, вы остаток Иуды: ...если вы ... пойдёте, чтобы жить там, то меч, которого вы боитесь, достигнет вас там... и там умрёте» (Иер. 42:13–16.). И. Н. Данилевский полагает, что в этом пророчестве описывается «сценарий» дальнейшей судьбы Святослава. «Действительно, — пишет он, — желая жить в земле, куда «вся благая сходятся», он, в конце концов, терпит поражение, его настигают голод и меч»⁴. Возможно, летописец воспринял

¹ Там же. С. 32.

² Там же. С. 20.

³ [И. Скилица]. О войне с Русью императоров Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия. С. 121–122.

⁴ Данилевский И. Н. Повесть временных лет... С. 166.

данные греческого источника о желании Святослава остаться в Болгарии в духе пророчества Иеремии, увидев в них объяснение всего, что случилось с русским князем.

Под 970 годом в летописи описывается своего рода предыстория рассказа о главном событии летописи — крещении Руси. Летописец говорит о том, как Владимир оказался в Новгороде, из которого он начнёт свой путь к «спасению». Собираясь на Дунай, Святослав, по данным летописи, посадил в Киеве Ярополка, а другого сына Олега в Деревской земле. Новгородцы якобы тоже потребовали себе князя, угрожая добыть его в другом месте, если Святослав не даст им своего сына. По совету Добрыни, который оказался дядей по матери их будущего князя, они попросили Владимира. Святослав ответил: «Вот он вам» и ушёл в Переяславец. А новгородцы забрали Владимира вместе с дядей и удалились в свой город.

Легендарность этого рассказа не вызывает сомнений. 970-год Святослав провёл в борьбе с магистром Вардой Склиром, который был направлен Иоанном Цимисхием с целью сдержать натиск русов¹. По мнению П. О. Карышковского, это было весной 970 года или летом². Лев Диакон сообщает, что Иоанн Цимисхий вначале решил вести переговоры со Святославом (если учесть, что к власти он пришёл только в декабре 969 года, переговоры приходятся на зиму 970-го). Император потребовал, чтобы Святослав, получив награду, которую ему обещал Никифор, «удалился в свои области и к Киммерийскому Боспору, покинув Мисию»³. Святослав, который к этому времени уже взял Филиппополь, ответил отказом. Новое посольство от Иоанна напомнило ему о судьбе его отца Игоря (о поражении в 941 г. и гибели от германцев) и пригрозило той же участью. В ответ Святослав высказался в том духе, что, мол, «русы не грудные младенцы, чтобы их можно было страшить всякими пугалами. Пусть император не тратит силы на поход в Болгарию, мы скоро разобьём свои шатры у ворот его столицы»⁴. После этого Иоанн стал с усердием готовиться к войне, создал корпус «бессмертных» и направил Варду Склира во Фра-

¹ Карышковский П. О. О хронологии русско-византийской войны при Святославе. С. 138.

² Там же. С. 135.

³ Лев Диакон. История. С.55–56.

⁴ Там же. С. 56–57.

кию. Узнав об этом, русы сформировали особый отряд, присоединили к нему большое число «гуннов» (у Скилицы — печенегов и венгров) и «мисян» (болгар) и направили на ромеев. События разыгрались, по данным И. Скилицы, у Аркадиополя. Союзные войска русов, болгар и печенегов с венграми попытались взять город, но были разгромлены Вардой Склиром¹. Дальше внимание византийских авторов переключается на мятеж Варды Фоки. Указывается лишь, что Иоанн Цимисхий продолжал готовиться к борьбе с русами. Святослав, по-видимому, делал то же самое.

Что касается сути рассказа — выбора новгородцами князя Владимира — она не кажется особенно замысловатой. На мой взгляд, это просто предыстория к описанию дальнейших событий. По мнению И. Н. Данилевского, за процедурой выбора новгородцами князя Владимира скрывается тайная характеристика его как братоубийцы. Он опирается на схожесть летописного сюжета с библейским рассказом о выборе Авимелеха, сына рабыни, жителями Сихема². Библейский текст гласит: «Авимелех, сын Иероваалов, пошёл в Сихем к братьям матери своей и говорил им и всему племени отца матери своей, и сказал: внушите всем жителям Сихемским: что лучше для вас, чтобы ... склонилось сердце их к Авимелеху... И пришёл он в дом отца своего в Офру и убил братьев своих...» (Суд. 9:1–5.). Трудно сказать, какой мотив водил рукой летописца в данном случае. Сюжеты действительно похожи. Однако Владимир ассоциируется у него в первую очередь с Константином Великим, а не Авимелехом. Не очень понятно в этой связи, зачем намекать на то, что он был братоубийцей. Контекст записи, тоже вроде не указывает на это. Позже он напишет прямо о том, как был убит его брат. Возможно, летописец всего лишь воспользовался сюжетом, взятым из Книги Судей, для построения своего текста, в условиях нехватки действительных событий и конкретного, связанного с жизнью Владимира, источника. Не намекая ни на что. Может быть наоборот, схожесть судеб крестителя Руси и библейского героя (происхождение от рабыни), подтолкнула его к тому, чтобы воспользоваться им в своих целях.

¹ [И. Скилица]. О войне с Русью императоров Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия. С. 122.

² Данилевский И. Н. Повесть временных лет... С. 173.

Под 971 годом в «Повести временных лет» помещён основной рассказ о Святославе, который сопровождается договором с греками и краткой историей о его смерти (уже под 972 годом). Согласно летописи, переяславцы (болгары) не пустили обратно русского князя, затворившись в городе. Затем они вышли в поле и чуть было не одолели Святослава. В критический момент, князь обратился к своим воинам: *«Уже намъ сде пасти; потягнемъ мужьски, братья и дружино!»*¹. К вечеру русы победили. Взяв город приступом, Святослав послал грекам своё знаменитое предупреждение: *«Хочю на вы ити и взяти градъ вашъ, яко и сей»*². Греки притворно стали просить мира, затребовав у русского князя указать число его воинов, чтобы они могли дать им соответствующую дань. Святослав назвал цифру в два раза превышающую действительную — 20 тысяч (на самом деле, пишет летописец, было 10 тысяч). Узнав численность русского войска, греки вместо дани выставили против него огромную армию в 100 тысяч бойцов. Русские испугались такого количества воинов, но Святослав снова вдохновил их на бой, сказав: *«Уже намъ нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу; да не посраимъ землю Рускиѣ, но ляжемъ костьми, мертвые бо срама не имамъ. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ убѣжати, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами поиду: аще моя глава ляжетъ, то промыслите собою»*³. Дружина ответила на это: «Где твоя голова ляжет, там и свои головы сложим»⁴. И была сеча жестокая, пишет летописец, и одолел Святослав, а греки бежали. После этого русский князь отправился напрямиком к столице империи, разоряя города, которые и доныне, по словам летописца, стоят пусты. Не зная как противостоять русам, греки попробовали успокоить русского князя дарами. Сначала они отправили Святославу золото и паволоки, которые он приказал спрятать, а потом — оружие. Последнему подарку князь обрадовался и долго нахвалялся. «Лютый будет муж» — решили греческие бояре. И дали ему дани, сколько он попросил. Святослав потребовал выделить имущество даже на убитых — «род его возьмёт» — сказал он. Взяв дань и дары, со славою великой князь вернулся в Переяс-

¹ Повесть временных лет. С. 33.

² Там же. С. 33.

³ Там же. С. 33.

⁴ Там же. С. 170.

славец. Но подумав, что воинов осталось мало, и если об этом узнают греки, то будет худо, решил пойти на Русь набрать ещё дружины. Дальше текст «Повести временных лет» и Новгородской Первой летописи вплоть до рассказа о смерти князя расходится. Ранее он совпадал. Автор «Повести» после слов Святослава о намерении пойти на Русь добавляет сюжет о подписании договора и текст самого соглашения. Святослав, пишет он, отправил послов в Доростол, где якобы сидел византийский император, с предложением прочного мира. Царь греков согласился, и договор был подписан. Далее приводится текст договора и рассказ о смерти князя. Перед отплытием из Переяславца, согласно летописи, Святослава предупредил Свенельд: «Обойди, князь, пороги на конях, ибо стоят у порогов печенеги»¹. Но он не послушал, пошёл на ладьях, перезимовал в Белобережье, где его настиг голод, и в 972 году, весной отправился к порогам. Здесь его и убили. Печенежский хан Куря, по словам летописца, взял его голову и сделал чашу из черепа. А Свенельд благополучно добрался до Киева.

По данным Льва Диакона, события развивались иначе. Кампания 971 года действительно была решающей. «Как только ясная весна сменила мрачную зиму, — пишет историк, — император тотчас поднял крестное знамя и стал спешить [с походом] против тавроскифов [русов]»². В первую очередь он направил триеры с греческим огнём в устье Дуная для охраны речного пути — «чтобы скифы не могли уплыть на родину и на Киммерийский Боспор в том случае, если они будут обращены в бегство»³. Сам император отправился в Адрианополь. Узнав, что горные проходы в Болгарию не охраняются, он решил немедленно ударить по Преславу. Первое столкновение с русами у города, дату которого Лев Диакон не называет, греки выиграли и вынудили противника запереться в крепости. Судя по тому, что следующий день византийский историк называет «Великим четвергом» — днём, который предшествует пасхе (в 971 году это было 13 апреля), сражение началось 12 числа. Не смотря на отчаянное сопротивление и стойкость русов, в течение двух дней гре-

¹ Повесть временных лет. С. 171.

² Лев Диакон. История. С. 68.

³ Там же. С. 68.

кам удалось взять Преслав¹. Святослава в городе не было. обороной руководил некий Сфенкл — «который был у скифов третьим по достоинству»². Князь находился в Доростоле, куда и направил свой следующий удар Иоанн Цимисхий. Видя, что болгары массово переходят на сторону греков, Святослав, по данным Льва Диакона, собрал около 300 родовитых горожан и всех их обезглавил, а многих других заковал и бросил в тюрьму³. Затем со своим войском он вышел навстречу грекам. Придав своим рядам вид стены, пишет византийский историк, сомкнув щиты и копья, русы ожидали противника на поле битвы недалеко от города. Император, подойдя к войску русов, приказал лучникам стрелять безостановочно, а сам повёл фалангу закованных в латы всадников в бой. Воины сошлись врукопашную. «Росы, стяжавшие среди соседних народов славу постоянных победителей в боях, считали, что их постигнет ужасное бедствие, если они потерпят постыдное поражение от ромеев, и дрались, напрягая все силы» — отмечает Лев Диакон⁴. Сражение продолжалось с переменным успехом до самого вечера. На закате, бросив в бой всю конницу, император вынудил русов отойти за стены Доростола. С рассветом греки стали обустроить свой лагерь и укреплять его валом и рвом. На следующий день (то есть через сутки после первого сражения у стен города) ромеи попытались штурмом овладеть городом, но безуспешно. Затем, сообщает историк, русы впервые попробовали сразиться с ромеями верхом на конях и потерпели поражение. «Ромейские копья, — пишет Лев Диакон, — поражали [скифов], не умеющих управлять лошадьми при помощи поводьев»⁵. Новый день ознаменовался новой битвой. Русы вышли из города (на этот раз, как всегда, пешими), построились на равнине, защищённые кольчугами и щитами до самых ног. Вышли из лагеря и ромеи. Обе стороны сражались храбро и не ясно было, кто победит, пока в ходе сражения не погиб Сфенкл, ранее руководившей обороной Преслава. К тому времени греческие триеры вошли в русло Дуная и осадили Доростол со стороны реки. Бои у города продолжились (по Скилице с этого времени началась осада города). Однажды русы попытались уничтожить

¹ Там же. С. 72.

² Там же. С. 71.

³ Лев Диакон. История. С. 73.

⁴ Там же. С. 74.

⁵ Там же. С. 75.

греческие осадные машины. Иоанн Куркуас, охранявший их, в ходе этой вылазки был убит. Во время следующего сражения грекам удалось сокрушить некоего Икмора, храброго мужа гигантского роста, которого Лев Диакон называет вторым по достоинству после Святослава¹. В ночь после этого русы вышли на равнину, подобрали своих павших и сожгли их, принеся множество жертв. На рассвете Святослав собрал совет знати и спросил их, что делать дальше. Одни предлагали тайно ускользнуть на своих кораблях, другие — помириться. Князь, сообщает византийский историк, глубоко вздохнув, сказал тогда: «Погибла слава, которая шествовала вслед за войском росов, легко побеждавшим соседние народы и без кровопролития порабовавшим целые страны, если мы теперь позорно отступим перед ромеями. Итак, проникнемся мужеством, [которое завещали] нам предки, вспомним о том, что мощь росов до сих пор была несокрушимой, и будем ожесточенно сражаться за свою жизнь. Не пристало нам возвращаться на родину, спасаясь бегством; [мы должны] либо победить и остаться в живых, либо умереть со славой, совершив подвиги, [достойные] доблестных мужей!»². На следующий день к заходу солнца русское войско во главе с князем вышло из города для решительного сражения. По данным Льва Диакона шёл шестой день недели [пятница], 24 июля³. Число названо неправильно. Вероятно, это описка или ошибка переписчиков. Пятницей тогда было 21 июля (это число правильно указано у Скилицы)⁴. Ожесточённое сражение завершилось неудачей русов. Святослав, сообщает византийский историк, был ранен и потерял много крови⁵. На рассвете, поняв, что ничего больше не остаётся, кроме как помириться, он отрядил послов к императору для подписания соответствующего договора, который и был заключён на следующих условиях: русы освобождают пленных и уходят из Болгарии, ромеи дают им возможность отплыть, и снабжают продовольствием, а русских купцов, приплывающих с товарами в Константинополь, будут, как и прежде считать друзьями⁶. Затем состоялась встреча Святослава и Иоанна Цимисхия, кото-

¹ Там же. С. 78.

² Там же. С. 79.

³ Лев Диакон. История. С. 80.

⁴ Карышковский П. О. О хронологии русско-византийской войны при Святославе. С. 135.

⁵ Лев Диакон. История. С. 81.

⁶ Там же.

рую Лев Диакон описал подробно. Император, покрытый позолоченными доспехами, ждал Святослава на берегу Дуная. Русский князь подъехал к месту встречи на ладье. Он сидел на вёслах и грёб вместе со всеми. Словесный портрет Святослава, данный Диаконем, хорошо известен. По словам византийского историка, он был среднего роста с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый (по другим переводам с небольшой бородой) с густыми и длинными усами. Голова была бритая с чубом, свисавшим с одной стороны головы. Одно ухо украшено золотой серьгой. Одежда была белой и отличалась от остальных только чистотой. Сидя в ладье, Святослав поговорил немного с императором об условиях мира и удалился. Во время возвращения домой, сообщает Лев Диакон, он попал в засаду к печенегам и был убит¹.

Иоанн Скилица, сообщение которого, в целом совпадает с рассказом Льва Диакона, уточняет и дополняет его. Он отмечает, что император, после взятия Преслава, провёл там пасху, которая в тот год приходилась на 16 апреля. Первое сражение у стен Доростола состоялось, по его словам, в день Святого Георгия, то есть 23 апреля. После одной из битв, греки обнаружили среди павших русов женщин, которые сражались с ромеями наравне с мужчинами. Осада города продолжалась 65 дней (но началась она не сразу, а после прохода греческих триер по Дунаю, примерно, 17 мая). Однажды русам удалось ночью во время грозы выйти на своих ладьях-однодеревках из города и добыть себе припасов. Речь Святослава перед последней битвой он передаёт кратко, своими словами. Встречу с императором подтверждает, но внешность Святослава не описывает. От себя добавляет, что русский князь попросил императора отправить посольство к печенегам, чтобы их свободно пропустили. Как и Лев Диакон, он пишет, что печенеги устроили русам засаду и убили Святослава. По его словам, печенеги «были раздражены тем, что он заключил с ромеями договор»².

Несмотря на большие различия в описании войны, в ряде мест видна переключка между данными русской летописи и византийских историков. Складывается

¹ Там же. С. 82.

² [И. Скилица]. О войне с Русью императоров Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия. С. 133.

ощущение, что летописец владел всей информацией (ну или почти всей), передаваемой ими. Только переделал её так, как ему было нужно. Фактически летописец объединил кампании 970 и 971 годов в одну, излагая события в обратном порядке. Призыв Святослава к воинам перед решающей битвой 971 г. у него совпадает с речью, которую, по данным Льва Диакона, князь произнёс на военном совете перед последней битвой в ночь с 20 на 21 июля 971 года. Поход Святослава на Царьград после битвы с превосходящими силами греков, напоминает бросок союзных сил русов, болгар, печенегов и венгров на Аркадиополь, который состоялся не в 971, а в 970 году. Испытание Святослава оружием и сокровищами, похоже, отражает первоначальные переговоры князя и Калокира, которые произошли до первого похода Святослава на болгар, то есть в конце 967 – начале 968 года. Кроме того, во всех случаях летописец поменял минус на плюс — там, где по греческим источникам русы потерпели поражение, у него одержали победу. Желание Святослава пойти на Русь за новым войском в этой связи (после блестящей победы), кажется странным и надуманным. Доростол (упомянутый в договоре), в котором русы сидели в осаде 65 дней, под пером летописца неожиданно оказался резиденцией Иоанна Цимисхия.

Зависимость русской летописи от греческих источников, наиболее заметна при описании речи Святослава перед главной битвой. В своё время А. А. Шахматов обосновывал на основе схожести слов Святослава (в «Истории» Льва Диакона и в летописи) существование некой болгарской хроники, которая будто бы легла в основу летописного текста о Святославе. О близости речей писали Н. И. Костомаров, М. В. Левченко, А. С. Королёв¹. А. А. Горский не так давно обратил внимание, что слова Святослава (и в изложении Льва Диакона, и в изложении русской летописи) «повторяют» речь германского короля Оттона I перед решающей битвой с венграми в 955 году. Находится она в «Деяниях саксов» Видукинда Корвейского² и, как считается, восходит к речи Катилины в изложении Саллюстия³, которая была использо-

¹ Костомаров Н. И. Предания первоначальной русской летописи в сопоставлении с русскими народными преданиями в песнях, сказках и обычаях // Костомаров Н. И. Раскол. М., 1994. С. 81; Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 283–284; Королёв А. С. Святослав. М., 2011. С. 235.

² Горский А. А. Святослав Игоревич и Оттон I: речи перед битвой // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. №. 4(62). С. 36.

³ Горский А. А. Указ. соч. С. 38.

вана также при описании речи Вильгельма Завоевателя перед битвой при Гастингсе. Случайность совпадения воззваний Святослава и Оттона I А. А. Горский не допускает¹. «По сути дела, — пишет он, — речь Оттона и речи Святослава в летописи и у Льва Диакона (и Скилицы) — три варианта одной и той же речи, с поправкой на различие языков и исторических ситуаций»². Наиболее правдоподобной версией появления связи между ними, он считает существование реальной речи русского князя, подражавшей Оттону I (её независимо друг от друга процитировали летописец и Лев Диакон)³. А. А. Горский полагает, что этому способствовали постоянные связи с Германией, благодаря которым содержание речи германского короля стало известно Святославу и он, впечатлённый сказанным, повторил её на военном совете перед решающей битвой под Доростолом⁴. Версия А. А. Горского оставляет в недоумении. Как русские послы могли донести до Святослава речь, которую Оттон вряд ли произносил на самом деле, речь, придуманную Видукиндо Корвейским на основе речи Катилины? А если произносил (допустим!), как умудрился Святослав в точности её повторить (ну или близко к тексту), имея в виду, посредство послов, которые, чтобы передать сказанное Оттоном, должны были выучить её наизусть. Да и сам Святослав обязан был это сделать, чтобы произнести её практически без ошибок через десять лет с лишком, а если исходить из времени произнесения, то все пятнадцать? И кто, всё-таки, передал эту речь потом Льву Диакону или его источнику? И откуда её узнал летописец, писавший как минимум во второй половине XI века? Не из устных же преданий? И без всякого сравнения текстов ясно, что все эти речи, так или иначе, восходят к самому раннему из образцов, то есть к речи Катилины, переданной Саллюстием⁵. Схема воззвания Катилины повторяется во всех последующих речах (с

¹ Там же. С. 37.

² Там же. С. 38.

³ Горский А. А. Святослав Игоревич и Оттон I: речи перед битвой. С. 38.

⁴ Там же. С. 39–40.

⁵ «Мне хорошо известно, солдаты, что слова не прибавляют доблести и что от одной речи полководца войско не становится из слабого стойким, храбрым из трусливого. (2) Какая отвага свойственна каждому из нас от природы или в силу воспитания, такой она проявляется и на войне. Кого не воодушевляют ни слава, ни опасности, того уговаривать бесполезно: страх закладывает ему уши. (3) Но я созвал вас, чтобы дать несколько наставлений и вместе с тем объяснить причину своего решения. (4) Вы, конечно, знаете, солдаты, какое огромное бедствие принесли нам и самому Лентулу его беспечность и трусость и почему я, ожидая подкреплений из Города, не смог направиться в Галлию. (5) **Но теперь все вы так же хорошо, как и я, понимаете, в каком мы положении.** (6) Два вражеских войска, одно со стороны Города, другое со стороны Галлии, преграждают нам путь. Находиться в этой местности, даже если бы мы очень захотели, нам больше не позволяет недостаток зерна и других припасов. (7) Куда бы мы ни решили направиться-

теми или иными исключениями, или дополнениями): мы попали в безвыходное положение — будьте отважны во имя чести и славы, свободы и отечества; если мы победим, всё будет наше — мы бьёмся за свободу и отечество — иначе нас постигнет позор и унижение — мы не имеем право бежать — я уверен в вас — если не суждено нам победить, то умрите достойно. Этой схемой (и самим текстом тоже) воспользовался и Видукинд Корвейский (что хорошо известно А. А. Горскому), и Лев Диакон (который, как он сам же замечает, не мог слышать речь Святослава на совете) или его источник (если таковой существовал). К этому источнику (или тексту близкому ему) может восходить и вся информация об этом походе, известная русскому летописцу. В некоторых местах рассказ летописи кажется ближе к сочинению Льва Диакона (прямая речь Святослава), а в некоторых — Иоанну Скилице (желание Святослава остаться в Болгарии). В принципе, это можно объяснить обращением летописца к их общему источнику. М. В. Левченко полагает, что слова Святослава русской летописи ближе не Льву Диакону, а Скилице, хотя там и нет прямой речи¹. Летописный призыв князя действительно выглядит, как обратное превращение схематичного изложения слов Святослава, представленных Скилицей, снова в прямую речь. В этом случае, более вероятно использование русским летописцем источника близкого хронике Скилицы. В любом случае, выходит, что данные русской летописи о походах Святослава в Болгарию и о войне с Иоанном Цимисхием, имеют свои ис-

ся, нам надо пролагать себе путь мечом. (8) Поэтому призываю вас быть храбрыми и решительными и, вступив в бой, помнить, что богатства, почести, слава, а также свобода и отечество — в ваших руках. (9) Если мы победим, нам достанется все; продовольствия будет в изобилии, муниципии и колонии откроют перед нами ворота. (10) Если же мы в страхе отступим, это обернется против нас, и ни местность, ни друг не защитят того, кого оружие не защитит. (11) Более того, солдаты, наши противники не находятся в таком же угрожаемом положении, в каком мы: мы боремся за отечество, за свободу, за жизнь, для них же нет никакой надобности сражаться за власть немногих людей. (12) Тем отважней нападайте, помня о своей прежней доблести. (13) Вы были вольны с величайшим позором для себя влачить жизнь в изгнании; кое-кто из вас, лишившись своего достояния в Риме, мог рассчитывать на постороннюю помощь. (14) Поскольку такое положение вам казалось мерзким и нестерпимым для мужчины, вы решили разделить со мной эти опасности. (15) Если хотите избавиться от них, вам нужна отвага: один лишь победитель достигает мира ценой войны. (16) Ведь искать спасения в бегстве, отвернув от врага оружие, защищающее наше тело, — подлинное безумие. (17) В сражении наибольшая опасность всегда грозит тому, кто больше всего боится. Отвага заменяет собой крепостную стену. (18) Когда я смотрю на вас, солдаты, и думаю о ваших подвигах, меня охватывает великая надежда на победу. (19) Ваше присутствие духа, молодость, доблесть воодушевляют меня, как и [сознание] неизбежности, которая даже трусов делает храбрыми. (20) Ведь враг, несмотря на свое численное превосходство, окружить нас не может: ему мешает недостаток места. (21) Но если Фортуна не пощадит вашей доблести, не позволяйте врагам с легкостью перебить вас и, чтобы вас, взятых в плен, не перерезали, как скотину, сражайтесь, как подобает мужчинам, если же враги одержат над вами победу, пусть она будет кровавой и горестной» (Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. М., 1981. С. 36–37.) (Выделено мною. — А. П.).

¹ Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 284.

токи в греческих хрониках, которые были соответствующим образом переделаны (и сокращены).

Рассказ летописи о смерти князя Святослава Игоревича подтверждается и Львом Диаконом, и Скилицей. Все три источника говорят о том, что он погиб, попав в засаду, устроенную печенегами, когда возвращался в Киев после заключения мирного договора. Сомнение вызывает только описание голода в Белобережье и указание на то, что из черепа Святослава печенежский хан Куря сделал чашу для питья.

«Странное упоминание стоимости *«главы конячи»*, — считает И. Н. Данилевский», — ...позволяет его [сюжет летописи о голоде] связать ещё с одним библейским текстом. Речь идет о голоде в столице царства Израильского, Самарии во время осады её Венададом, царем Сирийским»¹. Вот соответствующий фрагмент Библии: «И посылал человек Божий к царю Израильскому сказать: берегись проходить сим местом, ибо там Сирияне залегли... И был большой голод в Самарии, когда они [сирийцы] осадили её, так что ослиная голова продавалась по восьмидесяти сиклей серебра...» (4 Цар. 6:9, 26.). В Острожской Библии XVI века: «*И бысть гладъ великъ въсамиріи ... дондеже бысть глава ослѡва за 8 сикль сребра*». Библейский текст автор летописи, по всей видимости, заимствует из «Хроники Георгия Амартола», где он передается следующим образом: «быс гладъ велии яко продатися главѣ осли на 30 сребръник»². Т. Л. Вилкул отмечает в «Хронике» ещё один близкий сюжет: «толикъ гладъ одержаша и яко и кониноу и мьщиноу ясти имь»³. За этим библейским текстом угадывается и предупреждение Свенельда, и голод в Белобережье, настигнувший Святослава и его войско во «исполнение пророчества Иеремии», и последующая смерть русского князя.

Что касается чаши из черепа Святослава, И. Н. Данилевский обращает внимание на схожий сюжет в греческих хрониках Манасии и Георгия Амартола. В первой говорится, что болгарский хан Крум, одолев византийского императора Никифора (811 г.), отрубил ему голову, приказал оковать череп серебром и сделать из него ча-

¹ Данилевский И. Н. Повесть временных лет... С. 167.

² Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола. Т. 1. С. 180.

³ Вилкул Т. Л. Древнеславянский перевод Хроники Георгия Амартола в Повести временных лет и Новгородской Первой летописи младшего извода // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 2 (56). С. 17.; Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола. Т. 1. С. 363.

шу для питья, а затем пил из этой чаши на торжественных пирах. Этот же случай описан и в другой хронике — Георгия Амартола¹. Скорее всего летописец использовал данный сюжет для большего драматизма. Более поздние русские летописи (Ермолинская, Львовская и др.) ещё больше разукрасили этот текст, добавив поучительную надпись на чаше — «чужих ища, своя погуби» — или — «чужих паче силы жалая, и своя си погуби за премногую его несытость»².

Весь рассказ «Повести временных лет» о Святославе видится скроенным из легенд (придуманных его предшественником или взятых из устных сказаний — об осаде Киева печенегами, спорах с Ольгой, выборе новгородцами князя) и данных греческих источников (близких Манасии, Георгию Амартолу и Скилице), переделанных под задачи, которые ставил перед собой летописец. Святослав представляется великим воином и полководцем, чуждым богатства, и не знавшим поражений. Однако в рамках указанных деяний Святослава фактически нет ни одного правильного описания. Общая характеристика его как «воина-пардуса» не соответствует действительности — он не спал на голой земле, подложив седло, ибо передвигался на ладьях, а не конях; на вятичей в 964 и 966 годах он не ходил, на хазар в 965 году — тоже; в Болгарию князь вторгся не в 967, а в 968 году, а с греками воевал не в 971-м, а с 969 по 971 год, выдержав множество боёв. Смерть от печенегов им описана верно, однако и здесь русский книжник не удержался от того, чтобы не добавить красок и включил сюжет с изготовлением чаши из черепа князя и рассказ о голоде в Белобережье, которые к реальным фактам не имеют ни какого отношения. За печенежским ханом Курей маячит тень болгарского хана Крума, а за услужливым воеводой Свенельдом — библейский пророк Елисей. Судя по описаниям походов и сражений Святослава современными ему источниками (арабскими и византийскими), он действительно не сидел на месте, воевал в Болгарии и разгромил Хазарский каганат молниеносным ударом, был стойким и мужественным воином, хорошим полководцем и заслужил свою славу по праву. Но совсем не так, как изложил летописец.

¹ Данилевский И. Н. Повесть временных лет... С. 124.

² См. об этом: Королёв А. С. Святослав. С. 248.

Святослав является первым русским князем, о котором источники не только упоминают, но и описывают его внешность. Словесный портрет, переданный Львом Диакonom, изображает его несколько неожиданно для нас. Выше он уже приводился близко к тексту. На этот раз предоставлю слово самому Льву Диакону: «Показался и Сфендослав, приплывший по реке на скифской ладье; он сидел на вёслах и грёб вместе с его приближёнными, **ничем не отличаясь от них**. Вот какова была его наружность: **умеренного роста, не слишком высокого и не очень низкого, с мохнатыми бровями и светло-синими глазами, курносый, безбородый, с густыми, чрезмерно длинными волосами над верхней губой. Голова у него была совершенно голая, но с одной стороны её свисал клок волос — признак знатности рода; крепкий затылок, широкая грудь и все другие части тела вполне соразмерные, но выглядел он угрюмым и диким** (здесь и ниже выделено мною — А. П.). В одно ухо у него была вдета **золотая серьга**; она была украшена карбункулом, обрамлённым двумя жемчужинами. **Одеяние его было белым и отличалось от одежды его приближённых только чистотой**. Сидя в ладье на скамье для гребцов, он поговорил немного с государём об условиях мира и уехал»¹. Этот портрет иногда сравнивают с образом повелителя гуннов Аттилы². Передают его Приск Панийский, который лично встречался с ним, и готский историк Иордан. Приск Панийский: «Скамьи стояли у стен комнаты по обе стороны; в самой середине сидел на ложе Аттила; ... перед Аттилою ничего более не было кроме мяса на деревянной тарелке. **И во всём прочем он показывал умеренность... Одежда на нём была также простая, и ничем не отличалась, кроме опрятности**. Ни висящий при нём меч, ни шкурки варварской обуви, ни узда его лошади не были украшены золотом...»³. Иордан: «Был он мужем, рождённым на свет для потрясения народов, ужасом всех стран, который, неведомо по какому жребию, наводил на всё трепет, широко известный повсюду страшным о нём представлением. Он был горделив поступью, метал взоры туда и сюда и самими телодвижениями обнаруживал высоко вознесенное своё могущество. Любитель войны, сам он был умерен на руку, очень силен здраво-

¹ Лев Диакон. История. С. 82.

² Там же. Прим. 59. С. 214.

³ Сказания Приска Панийского. СПб., 1861. С. 67–68.

мыслием, доступен просящим и милостив к тем, кому однажды доверился. По внешнему виду **низкорослый, с широкой грудью, с крупной головой и маленькими глазами, с редкой бородой, тронутый сединою, с приплюснутым носом, с отвратительным цветом [кожи], он являл все признаки своего происхождения»¹.**

Странно, что некоторые авторы видят невероятное сходство этих двух портретов. Между тем, образы Святослава и Аттилы в описании Приска роднит только чистота и простота одежды. Иордан добавляет лишь широкую грудь (это общее в портретах). Всё остальное не сходится. У Святослава умеренный рост — у Аттилы маленький (он низкорослый); Святослав курносый — Аттила с приплюснутым носом. Ничего не говорится в описаниях Аттилы (обоими авторами) о таких особенностях Святослава, как голубые глаза, мохнатые брови, длинные усы, бритая голова с клоком волос, золотая серьга в ухе и соразмерность частей тела (то есть гармоничность телосложения). А Святослав лишён таких черт Аттилы, как маленькие глаза, седина, отвратительный цвет кожи. Ясно, что словесный портрет русского князя, обрисованный Львом Диаконом, восходит в основных своих чертах к показаниям очевидцев, а не списан с Аттилы.

Неужели и в правду первые русские князья брили голову и лицо, оставляя на голове только чуб-оселедец, а на лице длинные усы — образ, в котором легко угадывается казак-запорожец. В Русской Правде есть статья о бороде: *«А кто порветь бородоу, а вънеметь знамение, а вылезуть людие, то 12 гривень продаже...»²*. Правда, речь идёт об установлениях XII века (в самом крайнем случае — XI-го), а сам текст датируется XIII столетием. На оковке турьего рога середины X века, который нашли в Чёрной могиле, есть изображение мужчины с бородой и стрижкой в кружок. Но это явно не князь. На монетах Владимира Святославича князь представляется с императорскими регалиями, сидящим на троне. Прическу его не видно, поскольку она скрывается за княжеской шапкой или убором похожим на византийскую стемму (императорскую корону). Хорошо заметны большие усы, свисающие

¹ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 2000. С. 95–96.

² Русская Правда // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 69.

до подбородка и ниже (совсем как в описании Льва Диакона) и крупный нос — характерный признак всех известных князей (и царей) из рода Рюриковичей, реконструкции которых сделаны по черепу. Что касается бороды, на некоторых златниках и сребрениках I типа можно увидеть что-то похожее на бородку клинышком. Однако среди сребреников всех типов (I–IV) встречаются и такие, на которых бороды или явно нет, или, скорее всего, нет¹. На многих монетах, в силу их плохой сохранности, просто невозможно определить наличие или отсутствие бороды, а иногда и лица. Вероятно, «борода» Владимира на некоторых монетах — всего лишь дефект чеканки. Наоборот (отсутствие бороды — дефект) быть не может. Печать Ярослава Владимировича, найденная в 1994 году на Троицком раскопе в Новгороде, изображает его с длинными торчащими усами, без бороды (такие усы встречаются и на некоторых сребрениках Владимира²). Среди найденных археологами славянских идолов встречаются экземпляры, у которых нет бороды, а есть длинные свисающие ниже подбородка усы (как на монетах Владимира)³. Портреты сказителей и гусяров на древнерусских серебряных браслетах лишены и бороды, и усов⁴. В силу всего вышеперечисленного есть основания полагать, что описанный Львом Диаконом образ русского князя Святослава, отражает его настоящий портрет. Более того, так же, выглядел и его сын Владимир, крестивший Русь, и внук Ярослав, и, вероятно, отец (Игорь).

Таким образом, сведения «Повести временных лет» о русских князьях X века до Владимира Святославича носят тенденциозный характер. Автор отбирает материал в соответствии с поставленной целью — описать путь становления христианства на Руси. При этом он хочет показать, что Русь прославилась ещё в языческие времена, и предки крестителя Руси были великими воинами. Олег, называемый здесь «вещим», исполняет роль библейского Гога. Он передаёт имя избранному народу (полянам), а сам исчезает. Рассказ о нём изобилует легендарными подробностями, скроен из народных сказаний, библейских преданий, пророчеств и тому по-

¹ Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России: сводный каталог русских монет X–XI веков. Л., 1983. С. 124, 142, 148, 150, 169, 177, 181.

² Там же. С. 132.

³ Клейн Л. С. Воскрешение Перуна. СПб., 2004. С. 210.

⁴ Древняя Русь. Быт и культура. С. 294, 295.

добных сочинений. Всё, что приписывается Олегу, неизвестно по другим источникам и может быть отвергнуто. По всей видимости, автор «Повести» не знал о нём ничего, кроме имени (и могилы в Киеве). Настоящий Олег, возможно, был воеводой Игоря, ходил с ним в поход на греков в 941 году, а потом самостоятельно — на Каспий, где и сгинул. Часть его праха (или весь) воины, видимо, привезли в Киев и насыпали большой курган, где он и был погребён.

Игорь — первый русский князь, существование которого не вызывает сомнений. Кроме русской летописи, о нём пишут и греческие, и западные авторы, в том числе современники. Летописный рассказ об Игоре построен на основе греческих источников — Жития Василия Нового и Хроники продолжателя Георгия Амартола. Плюс к тому были использованы и другие похожие сочинения. Главное деяние Игоря — поход на Царьград в 941 году описан, тем не менее, неточно, а лучше сказать, искажённо. Летописец вопреки известным ему данным старается обелить Игоря (греки победили нечестно) и приписать ему подвиги, которые он не совершал (второй поход 944 года). О смерти Игоря во время похода (то ли на германцев, то ли на древлян) он знал, но подробности описывать не стал. Смерть князя послужила поводом для большого рассказа о его вдове Ольге, которую летописец преподносит как первую христианку на Руси. Она — русская «Елена, мать Константина Великого», мудрая и хитрая, а до принятия христианства ещё и мстительная. Её поездка в Царьград и крещение в столице Восточной империи подтверждается современными путешествиями источниками, в том числе непосредственным участником приёма Ольги во дворце, Константином Багрянородным. Однако и эту поездку летописец описал, как и в случае с Игорем, не так, как она проходила.

Рассказ о Святославе, тоже в основе имеет греческие источники. Какие именно — не известно. Он ближе всего хронике византийского автора XI века Иоанна Скилицы, а некоторые места — Манасии и Георгию Амартолу. При этом рассказ сдобрен всевозможными легендами и домыслами, а основное событие в жизни князя — война с Иоанном Цимисхием описано намеренно неправильно. Перепутал летописец и хронологию событий походов на болгар и хазар. Святослав — первый рус-

ский князь, внешность которого описана современником и подтверждается независимыми источниками.

1.3 Крещение Руси

Описание деятельности князя Владимира в «Повести временных лет» занимает основное место в статьях IX–X веков. Ему уделено 24 страницы текста (по изданию 1996 г.). Это, примерно, столько же, сколько всем остальным князьям, вместе взятым (начиная с Рюрика). А если говорить только о X веке, то превосходит их — в совокупности деяниям других князей в этом столетии уделено 19,5 страниц (6 — Олегу, 6 — Игорю, 7,5 — Святославу), причём вместе с договорами 907, 911, 945 и 971 годов.

Князь Владимир Святославич представлен в «Повести временных лет» русским Константином Великим, *«иже крестивься сам и люди своя»*¹. Рассказ о нём распадается на три основные части: Владимир-язычник (статьи 980–985 гг.) — выбор веры и крещение (статьи 986–988 гг.) — Владимир-христианин (статьи 989–1015 гг.).

Прологом является описание недолгого княжения **Ярополка Святославича**, оставленного отцом в Киеве вместо себя. Начинается всё с рассказа об убийстве Олегом Святославичем Люта, сына Свенельда, стоящего в «Повести временных лет» под 975 годом (под 973 годом кратко говорится о начале княжения Ярополка, а 974-й — пустой). Под 977 годом (976 г. пропущен) речь идёт о походе киевского князя Ярополка на Олега, сидевшего в Деревской земле. Подстрекаемый Свенельдом, Ярополк нападает на Овруч, намереваясь забрать себе волость брата. Олег в этой схватке погибает (утверждается, что он упал с моста и был завален трупами), а Владимир, узнав о гибели брата, убегает «за море». В Новгород прибывают посадники Ярополка, который с этого времени становится единственным правителем на Руси.

После пропуска двух лет (978, 979 гг.) **под 980 годом** летописец помещает довольно большой рассказ о начале княжения Владимира в Киеве. Он содержит сведения о возвращении Владимира в Новгород, его сватовстве к полоцкой княжне Рогнеде, походе на Ярополка, строительстве святилища Перуна, о жёнах, наложницах и распутстве Владимира.

¹Повесть временных лет. С. 58.

Согласно летописи, вернувшись из-за моря, Владимир выгоняет Ярополковых посадников и шлёт в Киев вызов брату: «Владимир идёт на тебя, готовься с ним биться»¹. А сам отправляет послов к полоцкому князю Рогволоду с просьбой отдать ему в жёны дочь Рогнеду. Дочь полоцкого князя ответила отказом. На вопрос отца — хочешь ли выйти за Владимира — она сказала: «*Не хочю розути робичича, но Ярополка хочю*»². Это повлекло за собой поход Владимира на Полоцк. Кроме «Повести временных лет» о нём рассказывает Лаврентьевская летопись под 1128 годом. Автор «Повести» пишет следующее: узнав об отказе, Владимир собрал много воинов — варягов, словен, чуди и кривичей — и пошёл на Рогволода. Рогнеду в это время собирались отдать за Ярополка. Владимир захватил Полоцк, Рогволода и двух его сыновей убил, а дочь взял в жёны. Лаврентьевская летопись добавляет, что инициатива женить Владимира на дочери полоцкого князя исходила от его дяди Добрыни. Узнав об отказе, Владимир разгневался и «исполнился ярости». Рогволод был разгромлен на подступах к Полоцку, но успел укрыться в городе. Владимир город взял, схватил Рогволода, его жену, и дочь. Добрыня велел Владимиру изнасиловать её на глазах отца и матери, после чего отец был убит (о судьбе матери ничего не сказано). Рогнеду Владимир взял в жёны насильно, назвав её Гориславой: «... и Добрыня поноси ему и дщери его нарекъ ей робичица и повель Володимеру быти с нею пред отцомъ ея и матерью потом отца ея оуби а саму поя женъ и нарекоша ей имя Горислава»³. В Лаврентьевской летописи этот текст служит предисловием к рассказу об истоках вражды между внуками Ярослава и Рогволода. Следом за процитированным отрывком говорится о судьбе Рогнеды и её сына Изяслава. В «Повести временных лет» далее описывается поход Владимира на Киев.

К столице Руси, по данным «Повести», он пришёл с большим войском. Ярополк затворился в Киеве, а Владимир окопался у Дорогожичах (на северных подступах к городу), где, по утверждению летописца, «существует ров тот и поныне». Воевода Ярополка Блуд предал своего князя (по этому поводу летописец разразился назидательной речью, ссылаясь на авторитет библейского царя Давида). Блуд пере-

¹Повесть временных лет. С. 172.

²Там же. С. 36.

³ПСРЛ. Т. 1. Стб. 300.

шёл на сторону Владимира, обещавшего ему честь великую и почитание. «Буду с тобой в любви и дружбе» — ответил он послам новгородского князя¹. Воевода посылал к Владимиру гонцов, побуждая идти его на приступ, и замышляя убить Ярополка во время штурма, но из этого ничего не вышло. Тогда он придумал хитрость. Сказал своему князю, что киевляне хотят сдаться Владимиру и посоветовал бежать из города. Ярополк так и сделал, укрывшись в Родне — городе, находившемся в устье Роси. Владимир беспрепятственно вошёл в Киев, а брата своего осадил в указанном городе, где начался страшный голод. Летописец приводит на этот счёт поговорку, связывая её с этим событием: «бѣда аки в Роднѣ»². Блуд настойчиво уговаривал Ярополка пойти с братом на мировую, указывая на численное превосходство Владимирова войска. Когда князь согласился, он отправил записку Владимиру: «Сбыться мысль твоя, яко приведу к тебе Ярополка, и пристрой убить и»³. Узнав об этом Владимир сел со своей дружиной в теремном дворе своего отца и стал ждать брата. Блуд же сказал своему князю: «Поиди къ брату своему и рчи ему: что ми ни вдали, то язъ прииму»⁴. Некий Варяжко пытался отговорить Ярополка: «Не ходи, княже, убьютъ тя; побѣгни в Печенѣги и приведеши вои...»⁵. Действительно, когда Ярополк входил в терем, два варяга подняли его мечами под пазухи, а Блуд затворил двери и не дал войти сторонникам Ярополка. Варяжко убежал к печенегам и долго, как утверждает автор «Повести», воевал потом с Владимиром.

После этого летописец сообщает, что вместе с киевским княжеским столом Владимир захватил жену Ярополка, с которой стал жить «как прелюбодей». Имя её не называется, говорится только, что она была монахиней. Ранее, под 977 годом, летописец отмечал, что её привёз Святослав из греческого похода и выдал за Ярополка, «красоты ради лица её»⁶. К тому времени, когда Владимир забрал жену Ярополка себе, она была уже «непраздна», а позже родила Святополка, которого Владимир не любил — «бѣ бо от двою отцю»⁷. Эта странная для современного читателя фраза

¹ Повесть временных лет. С. 173.

² Там же. С. 36.

³ Там же. С. 36.

⁴ Там же. С. 36–37.

⁵ Там же. С. 37.

⁶ Повесть временных лет. С. 172.

⁷ Там же. С. 37.

(от двух отцов), означает, что настоящим отцом летописец считает Ярополка, а Владимира, при котором Святополк родился, вторым отцом (то есть отчимом).

Далее в летописи следует сюжет о варягах, которые затребовали выкуп с киевлян — по две гривны с человека — за то, что они помогли захватить город. Владимир попросил подождать, пока соберут куны, но ничего им не дал. Варяги возмущаться не стали. «Обманул нас, — сказали они, — так отпусти в Греческую землю»¹. Владимир отпустил, но предупредил греков, чтобы не позволяли варягам входить в столицу и не отпускали обратно в Русь — «натворят зло, как у нас» — говорил князь.

Оставшаяся часть летописной статьи посвящена «тьме язычества», покрывшей Русскую землю с началом княжения Владимира: строительству святилища славянским богам и похоти, завладевшей киевским князем. Кумиров Владимир поставил, по словам летописца, за теремным двором, там, где впоследствии будет построена церковь святого Василия: Перуна деревянного с серебряной головой и золотыми усами, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокошь. В святилище стали приносить жертвы, приводить туда сыновей и дочерей: *«И жряху имъ, наричюще я богы, и привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бесомъ, и оскверняху землю требами своими. И осквернися кровьюми земля Руска и холмо-ть»*².

К этому тексту примыкает рассказ о блюде киевского князя, его жёнах, появившихся неизвестно откуда, сыновьях, названных поимённо, и безымянных дочерях. Рассказ снабжён пространством наставлением на примере и от имени библейского царя Соломона, который, согласно замечанию летописца, был женолюбом, как и Владимир. Ответственность за разгульный образ жизни при этом возлагается на женское обольщение, которое и есть главное зло, по мнению автора. «Был же Владимир побеждён похотью...»³ — пишет летописец. И были у него жёны: Рогнеда, которая родила ему четырёх сыновей — Изяслава, Мстислава, Ярослава, Всеволода — и двух дочерей; гречанка (бывшая жена Ярополка) с сыном Святополком; чехиня, родившая ему Вышеслава; болгарыня — Бориса и Глеба; и ещё одна жена, неиз-

¹ Там же. С. 174.

² Там же. С. 37.

³ Там же. С. 174.

вестная летописцу по национальности, которая родила Святослава и Мстислава. Имел Владимир множество наложниц: в Белгороде — 300, в Вышгороде — 300 и в Берестове — 200. Но и этого ему было мало. Приводил он к себе замужних женщин и малолетних девиц. Затем говорится о Соломоне, испытывавшем те же «муки» сладострастия, что и Владимир, и говорившем о жёнах: «Не внимай злой жене; ибо мёд каплет с уст её, жёны прелюбодейницы; на мгновение только наслаждает гортань твою, после же горчее желчи станет... Сближающиеся с ней пойдут после смерти в ад»¹.

Данная летописная статья содержит основную характеристику Владимира в пору, когда он был язычником, и состоит из нескольких самостоятельных рассказов. Датировка этого пространного сообщения 980-м годом вызывает у исследователей возражения. Е. Е. Голубинский пишет: «Владимир занял престол не 980-м, а в 978-м году, ибо по самой же летописи всех лет его правления 37 (в общей хронологии под 852 годом), а у монаха Иакова находим совершенно определённое показание, что он сел в Киеве месяца июля [июня] в 11 день в лето 978»². На этот факт обращают внимание и другие исследователи: А. А. Шахматов, В. А. Пархоменко, О. М. Рапов, А. В. Назаренко, А. Ю. Карпов. Данная датировка не стала общепринятой, в связи с тем, что она противоречит указанию летописи на то, что Ярополк княжил в Киеве 8 лет. Если считать от даты смерти Святослава, то получится 980 год. А. В. Назаренко, отвечая на это возражение, пишет: «... формально Ярополк княжил в Киеве не с 972, а с 970 г., когда Святослав, удаляясь в Болгарию, поделил свою державу между двумя сыновьями... становится понятно, как в Повести ... возникла датировка вокняжения Владимира 980 г.: 8 лет Ярополка прибавили не к 970, а к 972 г., году смерти Святослава»³. В противном случае, по его мнению, невозможно понять появление 37-летнего правления Владимира и датировки начала его княжения 978 годом у Иакова Мниха. Если следовать логике А. В. Назаренко, то начало княжения Ярополка необходимо отодвинуть на 968 год, когда Святослав покинул Киев на самом деле.

¹ Повесть временных лет. С. 174.

² Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 1. Ч. 1. Период первый, киевский или домонгольский. М., 1901. С. 106.

³ Назаренко А. В. Русь и Германия в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1991. М., 1994. С. 100.

Тогда получится, что Владимир занял Киев в 976 году (если считать, как указал летописец). Проблема в том, что нельзя сказать насколько относительные датировки соответствуют действительности и откуда они взялись. Летописец сам себе противоречит, указывая на то, что Владимир княжил 37 лет, а Ярополк — 8. Ни одно княжение, начиная с Игоря (первого действительно существовавшего русского князя) не укладывается в указанное летописцем под 852 годом время правления того или иного князя. У Игоря получается — 32 (а не 33); у Святослава — 26 (а не 28); у Владимира — 35 (а не 37); у Ярослава — 38 (а не 40). Иаков Мних даёт иную хронологию, которая совпадает с летописной лишь частично: Владимир сел в Киеве на 8 год после смерти отца, крестился на 10 год после убийства Ярополка, в святом крещении прожил 28 лет, Десятинную церковь заложил на 4-е лето после крещения, Переяславль — на 5-е лето, на 9-е — учредил десятину для церкви Богородицы. Исходя из даты смерти Владимира в 1015 году, получится (по современному счёту): крестился Владимир в 987 году, Десятинную церковь заложил в 991 году, а построил в 996-м, Переяславль — в 992 году. Если он крестился на 10 лето после убийства Ярополка, то само убийство должно было произойти в 977 году. Если год убийства Ярополка и время вокняжения Владимира в столице совпадают, получится, что Святослав погиб в 969 году (то есть в то время, когда он благополучно громил Хазарский каганат и воевал с ромеями). Однако ещё в 1888 году А. В. Соболевский, сославшись на ряд примеров, отметил, что древнерусские люди в своих расчётах действовали иначе, нежели мы сейчас. По его мнению, они включали в число лет княжения и год вступления, и год смерти, считая, по всей видимости, по пальцам¹. Правда, многие последующие исследователи проигнорировали это замечание и продолжили вычислять даты как обычно. Если всё-таки признать, что в Древней Руси во время счёта лет включали первую и последнюю дату (при расчётах вычитаем или прибавляем на единицу меньше), то выходит следующая картина: крестился Владимир в 988 году (28 лет в крещении), Десятинную церковь заложил в 991 году, а построил в 996-м, Переяславль — в 992 году. Убийство Ярополка должно было про-

¹ Соболевский А. В. В каком году крестился св. Владимир? // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1888. № 257 (6). С. 399.

изойти в 979 году (10 лет от даты крещения). Если Владимир начал княжить в Киеве в 978 году (как об этом говорится у Иакова Мниха), получится, что Святослав погиб в 971 году (8 лет до вокняжения Владимира). Расчёты по современному правилу дают нам совпадение с летописью следующих дат: 992 г. (строительство Переяславля), 996 г. (завершение строительства Десятинной церкви) и год смерти Владимира (1015 г.). Во втором случае: 988 г. (крещение Владимира и Киева), 992 (основание Переяславля), 996 (завершение строительства Десятинной церкви), 1015 — год смерти Владимира, общее количество княжения — 37 лет. Не совпадают с летописью — год смерти Святослава (971/972), начало княжения в Киеве Владимира (978/980 г.), убийство Ярополка (979/980), начало строительства Десятинной церкви (991/989). Почти все эти даты — 988, 992, 996, 979 гг. — кроме времени гибели Святослава в 971 году, вычислил ещё А. В. Соболевский¹. Однако именно попадание на время смерти Святослава в 971 году (наиболее вероятное время), заставляет с доверием отнестись и к дате начала княжения Владимира в Киеве, указанной Иаковом Мнихом, то есть к 978 году. Кстати говоря, «метод Соболевского» даёт нам соответствующее число лет правления в перечне летописца (под 852 г.) только у Игоря (913+32=945). Остальные (без учёта данных Иакова Мниха) всё равно оказываются неправильными.

Рассказ о захвате Полоцка и Рогнеды основан, по всей видимости, на известной во времена летописца устной легенде. Один её вариант отразился в «Повести временных лет», другой — в Лаврентьевской летописи. Помещённые в летописный текст по разным поводам, они сходятся только в общих чертах: Владимир сватается к Рогнеде, она называет его «робичичем» и собирается выйти за Ярополка; Владимир захватывает Полоцк и берёт в жёны дочь полоцкого князя. Дальше начинаются расхождения. В «Повести» Владимир сразу захватывает город и действует самостоятельно, убивает отца и двух братьев Рогнеды, а её берёт в жёны. В Лаврентьевской летописи на первый план выходит дядя Владимира Добрыня, а сам он, ещё «*детьску суцу*». Сражение происходит на подступах к городу, Рогволод, потерпев поражение, запирается в Полоцке, Владимир берёт город (видимо, штурмом), Добрыня объявля-

¹ Соболевский А. В. Указ. соч. С. 399–400.

ет Рогнеду рабыней и повелевает изнасиловать её на глазах отца и матери, что Владимир и делает. Затем отца убивают. О судьбе матери не говорится, о братьях вообще речи не идёт. Рогнеду переименовывают в Гориславу, и у неё рождается сын Изяслав. Этот и дальнейший рассказ полностью отсутствует в «Повести временных лет». Рогнеда хочет зарезать спящего Владимира ножом, но князь внезапно просыпается и ловит её за руку. Изяслав с мечом в руках пытается защитить свою мать. Подумав вместе с боярами, Владимир возвращает Рогнеде земли, в которых правил Рогволод, и строит город для сына — Изяславль. Рассказ довольно противоречив, что с головой выдаёт в нём «народное творчество». С одной стороны Владимир называется ещё ребёнком — «*детьску суцю*» (то есть ему было меньше 7 лет), и за него всё решает Добрыня — муж храбрый и «нарядный». С другой — Владимир, несмотря на это, собирается жениться, ведёт войско на Полоцк, и оказывается вполне способным к изнасилованию своей будущей жены. Возможно, более пространной второй вариант (не смотря на то, что в летописи он стоит позже) послужил основой для автора текста, вошедшего в «Повесть временных лет». Летописец просто сократил свой источник, взяв из легенды только то, что ему было нужно, и снабдил двумя новшествами «Владимир же собрал много воинов — варягов, словен, чуди и кривичей»¹ и «убил... двух его [Рогволода] сыновей»².

В словах Рогнеды — «*не хочу розути робичича*» — И. Н. Данилевский усматривает скрытый смысл. «Ответ полоцкой княжны в передаче летописца, — пишет он, — отсылал читателя к словам Сарры: “Выгони эту рабыню и сына её, ибо не наследует сын рабыни сей”, а также к символическому толкованию их апостолом Павлом³. Смысл ответа Рогнеды сводится, таким образом, к тому, что Владимир, по мнению летописца, — «сын греха», нехристь»⁴. Конечно, наличие скрытого смысла в словах полоцкой княжны исключать нельзя, но выглядит предложенное Данилевским толкование неоправданно. Каким был Владимир в языческое время, без всяких

¹ Повесть временных лет. С. 172.

² Там же. С. 172.

³ В послании апостола Павла Галатам говорится, что Агарь символизирует гору Синай в Аравии и соответствует нынешнему Иерусалиму. Павел, ссылаясь на Писание, призывает изгнать рабу и сына рабыни, ибо он не будет наследником вместе с сыном свободной (Гал. 4: 25–36).

⁴ Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. С. 173.

намёков летописец пишет далее открыто, не стесняясь в выражениях, и даже, кажется, несколько сгущая краски.

Описание похода на Киев и убийства Ярополка, как и рассказ о Рогнеде, обнаруживает следы устной традиции. Здесь и «говорящее» имя киевского воеводы (Блуд), который появляется в летописи только ради того, чтобы предать своего князя, а потом полностью исчезает с её страниц. Это и поговорка «беда как в Родне», на основе которой летописец создаёт образ страшного голода в крепости, где якобы укрылся Ярополк. Причём, согласно рассказу, голод начинается чуть ли не сразу после осады. Неизвестно, имеет ли отношение к этой поговорке судьба Ярополка на самом деле, потеря в повествовании реальности «времени-пространства» выдаёт в нём творчество летописца, создающего историю (опираясь в данном случае на поговорку) такой, какой она должна быть, а не такой, какой она была. На самом деле, согласно археологическим раскопкам, города, в котором укрывался по воле летописца Ярополк, в то время ещё не существовало. Раскопки показали, что в нём нет слоёв IX–XI веков¹. В этом ряду и некий Варяжко, который пытается предотвратить гибель своего князя, а потом долго воюет с Владимиром в полном противоречии с дальнейшим рассказом. Согласно «Повести временных лет», став киевским князем, Владимир занимается чем угодно, только не войной с Варяжко — в 980 г. строит святилище Перуну, приносит ему жертвы; в 981 г. идёт на поляков и вятичей, в 982 — снова на вятичей, в 983 — на ятвягов, 984-м — на радимичей, 985-м — на болгар. А потом и вовсе сосредотачивается на выборе веры и крещении.

Рассказ о рождении Святополка — главного антигероя древнерусской истории, выглядит попыткой автора летописи указать на корни его «окаянства» — он рождён от двух отцов, в блуде, от насильно выданной замуж монашки. Исходя из этого, другого пути, кроме как убийство братьев и гибель в пустыне, у него не было. О степени достоверности этого рассказа можно судить только в более общем контексте. Однако кое-что можно заметить уже сейчас. Святослав, после того, как ушёл в болгарский поход в 968 году, на Русь так и не вернулся. Стало быть, и монашку «от греков» он привести не мог, Ярополк не мог на ней жениться (или даже исполь-

¹ Комар А. В. Киев и Правобережное Поднепровье. С. 325.

зовать как наложницу), а Владимир — завладеть после убийства брата. Кто же родил Святополка? По всей видимости, всё та же Рогнеда. Во всяком случае, Титмар Мерзебургский считал его законным сыном Владимира.

Устное происхождение, по всей видимости, имеет и рассказ о варягах, которые помогают Владимиру взять Киев, а потом требуют дани с киевлян. Нехитрый обман князя, беззубый ответ на него варягов, предупреждение греков с намёком на какое-то зло, сотворённое варягами Киеву, о чём в самом рассказе нет ни слова — позволяют говорить, что мы имеем дело с отголосками работы летописца с народной легендой, суть которой теперь и не понять. Доверять такому рассказу, мне кажется, не стоит.

Строительство святилища Перуна (и ещё 5-ти богов), описанное летописцем, часто воспринимается как реформа языческого культа. Е. В. Аничков видел её смысл в том, что Владимир, возводя святилище «вне двора теремного», расширял «полномочия» своего родового бога, возвышал культ Перуна до общекиевского и даже общенационального (государственного) уровня. По его мнению, до этого Перун стоял в княжеском дворе-замке и ему поклонялись только князья Игоревичи со своими дружинами. В новых условиях, когда князь «из вооружённой силы превратился в политическую власть», бог-покровитель князя навязывается всему обществу¹. «Бог властелина, — пишет он, — становится богом богов»². Б. А. Рыбаков, посвятивший немало строк языческой реформе (в монографии, посвящённой язычеству древней Руси — 42 страницы), полагает, что идея реформы могла быть разработана Добрыней, учредителем культа Перуна в Новгороде, с целью упорядочения первобытной языческой религии и «приведения её в соответствие с новым уровнем государственной жизни»³. И. Я. Фроянов считает, что «“поставление кумиров” — идеологическая мера, с помощью которой киевский князь надеялся удержать власть над покорёнными племенами, остановить начавшийся распад грандиозного союза

¹ Аничков Е. В. Язычество и Древняя Русь. М., 2003. С. 319–320.

² Аничков Е. В. Указ. соч. С. 321.

³ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1988. С. 412.

племён во главе с Киевом»¹. Языческую реформу в сообщении летописца усматривают и многие другие исследователи — Б. Д. Греков, В. В. Мавродин, Я. Е. Боровский, П. П. Толочко, Г. Ловмянский, А. Д. Сухов, М. П. Новиков, В. Я. Петрухин, А. В. Карпов (с некоторыми сомнениями) — на этот счёт сложилась целая историографическая традиция.

Однако гипотеза о языческой реформе Владимира покоится на шатких основаниях. Е. В. Аничков доказывает свою идею на основе ряда предположений: до Владимира Перун стоял в княжеском дворе — Перуну поклонялись только князья Игоревичи — Владимир насильно заставил поклоняться Перуну киевлян и всех восточных славян. Ни одно из них не подтверждено источниками. Каждое положение доказывается набором новых предположений и остроумных догадок. Данных о том, что Перун стоял первоначально в княжеском дворе, нет. Версия, что Перун княжеский бог и ему поклонялись только Игоревичи, противоречит широкому распространению его культа среди всех славян — и восточных, и южных, и западных. Перун отразился в устном народном творчестве славян как бог-громовержец, а не княжеский бог. Богом Руси (а не князя) называет его и «Повесть временных лет» — в договоре Олега с греками. Если уж говорить о небесном покровителе князя у славян, то на его роль больше подходит Солнце-царь Дажьбог. Именно с солнцем в славянском фольклоре ассоциируется князь. Красным солнышком в былинах называется и Владимир киевский. Гипотеза Б. А. Рыбакова о Добрыне как идеологе реформы не имеет под собой никаких оснований — это просто догадка, высказанная мимоходом. Доказательству того, что действия Владимира представляли собой реформу язычества, исследователь уделил всего три абзаца (из 42 страниц в упомянутом выше труде). При этом, ни один из его доводов нельзя признать удачным: различия в количестве богов в договорах с греками и пантеоне Владимира; отсутствие Велеса в новом святилище; перенесение идола Перуна с другого холма. По существу, все эти доказательства стоят не больше, чем версия о Добрыне-идеологе языческой реформации.

¹ Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси // Курбатов Г. Л., Фролов Э. Д., Фроянов И. Я. Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь. Л., 1988. С. 229.

Мнение И. Я. Фроянова опирается не на источники, а на его собственную концепцию развития древнерусской государственности и причин крещения Руси.

Е. Е. Голубинский сомневался в толковании летописного сообщения как важного политического события: «Когда летопись говорит о поставлении Владимиром в начале княжения кумиров в Киеве, то неизвестно, как понимать её, — так ли, что Владимир сделал тут нечто обыкновенное, что делали и другие предшествующие князья, или так, что Владимир показал особенное усердие к язычеству и сделал дело необыкновенное»¹. Исследователь не склонен доверять летописцу. По его мнению, вопрос следует ставить иначе: было ли это обычным делом (то есть Владимир не проявлял особого усердия в язычестве), или это всего лишь выдумка летописца, который преследовал какие-то свои цели. Представлять дело так, будто Владимир был яростным язычником и совершил что-то необыкновенное (реформу?), он считает неправильным. О. М. Рапов сравнивает строительство языческого святилища с возведением христианского храма на новом месте. «... Речь ... идёт совсем не о реформаторской деятельности киевского князя, — пишет он, — а о довольно простом и прозаическом деле — строительстве языческого капища на новом месте... Цель этого мероприятия проста: показать жителям Киева свою приверженность к язычеству, заботу о религиозных нуждах язычников, снискать расположение, как у киевлян-язычников, так и у языческих волхвов»². По мнению А. А. Роменского, «масштабная «языческая реформа» является лишь одним из историографических домыслов, построенных на трактовке вырванных из контекста летописных известий»³. Сообщение «Повести» и археологические свидетельства (речь идёт о находке в 1975 году фундаментного рва с шестью симметричными ямами, объявленного остатками святилища Владимира), на его взгляд, поддаются различным интерпретациям. Возведение идолов можно считать не нововведением Владимира, а его обязанностью как посредника между людьми и богами. Быть может, полагает А. А. Роменский, Вла-

¹ Голубинский Е. Е. История русской церкви... С. 150.

² Рапов О. М. Русская церковь в IX – пер. трети XII в. Принятие христианства / О. М. Рапов. М., 1988. С. 210.

³ Роменский А. А. Империя ромеев и «тавроскифы». Очерки русско-византийских отношений последней четверти X в. Харьков: Майдан, 2017. С. 107.

димир просто украсил поставленные «на холме» кумиры или приказал соорудить новые взамен обветшавших¹.

Взгляды скептиков выглядят более убедительно. Летописец в своём сообщении ничего не говорит о том, что Владимир, сооружая новое святилище, как-то менял основы славянского языческого культа. Древнерусский книжник стремится показать, что с приходом Владимира в Киев началась языческая реакция: произошло падение нравов, стали приносить человеческие жертвы, усилились гонения на христиан. Ему не важно, изменял при этом основы языческого вероучения киевский князь или нет (он об этом и не пишет), в любом случае — это бесовщина.

Описание творения кумиров в летописи имеет библейское происхождение (хотя автор мог заимствовать текст не из Библии, а из других источников). Летописный сюжет, по существу, является переделкой части 105 псалма: «... служили истуканам их, которые были для них сетью, и приносили сыновей своих и дочерей своих в жертву бесам; проливали кровь невинную, кровь сыновей своих и дочерей своих, которых приносили в жертву идолам Ханаанским, — и осквернилась земля кровью; оскверняли себя делами своими, блудодействовали поступками своими» (Пс. 105:36–39). Об изготовлении идолов говорил и пророк Исаия, называя при этом серебро и золото (как в случае с Перуном) материалом, из которого их делали: «В тот день человек бросит кротам и летучим мышам серебряных своих идолов и золотых своих идолов, которых сделал себе для поклонения...» (Ис. 2:20). У него же можно найти: «... это были не боги, а изделие рук человеческих, дерево и камень, потому и истребили их» (Ис. 37:19). Иеремия, описывая процесс изготовления кумиров, фактически рассказывает, как делали Перуна: «Так говорит Господь: не учитесь путям язычников и не страшитесь знамений небесных, которых язычники страшатся. Ибо уставы народов — пустота: *вырубают дерево в лесу, обделывают его руками плотника при помощи топора, покрывают серебром и золотом* (курсив мой. — А.П.), прикрепляют гвоздями и молотом, чтобы не шаталось ... Не бойтесь их, ибо они не могут причинить зла, но и добра делать не в силах... Все до одного они бессмысленны и глупы; пустое учение — это дерево» (Иер. 10:2–8). Летописец не повторил

¹ Роменский А. А. Указ. соч. С. 107.

и не изменил этот текст, а завершил его, указав на результат: если взять в лесу дерево, обработать его руками плотника, покрыть золотом и серебром, то получится Перун.

Подобный текст находим в летописи и в статье 986 года, в месте, где греческий философ рассказывает о первых язычниках: «... и стали они создавать кумиров: одних — деревянных, других — медных, третьих — мраморных, а некоторых — золотых и серебряных. И кланялись им, и приводили к ним своих сыновей и дочерей, и закалывали их перед ними, и была осквернена вся земля»¹. На текстуальную связь между этим сообщением и рассказом о строительстве святилища Владимиром, как и на библейские истоки обоих текстов, обращал внимание финский академик В. Й. Мансикка². «Рассказ об обычае служения идолам, ведущем свое происхождение от Серуха, составитель «Речи Философа», — утверждает Т. Л. Вилкул, — ... скомбинировал из соответствующих эпизодов Амартола и Малалы, а перечень тех, кому именно из умерших древние люди приписывали божественную природу, позаимствовал из размышлений о происхождении язычества у Амартола»³. Георгий Амартол действительно не один раз вспоминал в своей хронике кумиров, сделанных из дерева, золота и других материалов. Вот наиболее характерные примеры: «Поэтому справедливо, что ни солнце, ни луна, ни что-либо другое из сотворённого, ни тем более кумиры, из камня, золота и прочего <вещества> сделанные, ни Зевс, ни Аполлон, ни другие, о которых рассказывают в баснях их создатели ... не могли быть истинными богами...»⁴. Далее: «А боги других стран были сделаны или из меди, или из золота, [или из серебра], или из дерева, или из камня, или из другого подобного вещества...»⁵.

В своё время А. А. Шахматов пришёл к выводу, что перечень богов появился в летописи не сразу. По его мнению, первый летописец (составитель Древнейшего свода), сообщая о строительстве святилища, ограничился указанием: «и постави ку-

¹ Повесть временных лет. С. 179.

² Мансикка В. Й. Религия восточных славян. М., 2005. С. 77–78.

³ Вилкул Т. Л. О происхождении «Речи Философа» // *Palaeoslavica*. 2012. № XX/1. С. 7.

⁴ Матвеев В. А., Щеголева Л. И. Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола). М., 2000. С. 67–68.

⁵ Матвеев В. А., Щеголева Л. И. Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола). С. 311.

миры на холме вне двора теремнаго»¹. Имена богов, считает он, добавил составитель Начального свода в конце XI века. Г. Ловмянский полагает, что список богов к первоначальному тексту присоединил игумен Никон — редактор Древнейшего свода². Если это так (первоначальный текст не содержал перечисления богов), предположение В. Й. Мансикка о том, что список составлен «из случайно подобранных имён»³, наиболее вероятно. Состав славянских богов в пантеоне Владимира действительно странный: Перун — гроза, Хорс — солнце, Дажьбог — солнце, Стрибог — ветер, Симаргл (в некоторых текстах Сим и Ргл) — крылатое чудовище (сказочная птица грифон), Мокошь — чудесная пряжа⁴. Видеть в этом какой-то смысл, можно только фантазируя на тему языческой реформы, приспособлявая скудные данные об этих мифологических персонажах к заранее заданной схеме. Вне этого контекста видно, что список составлен из источников разного происхождения и, скорее всего, случаен. Первые два — Перун и Хорс (или сразу три, если считать Дажьбога) — могут быть простым переводом имён греческих богов — Зевса и Аполлона, из соответствующего фрагмента Хроники Георгия Амартола, приведённого выше. Другие являются мифическими существами иранского происхождения (Стрибог, Симаргл) и так же могут иметь литературные истоки. В отличие от Зевса, имя которого было переведено на славянский язык (Перун), и Хорса-Аполлона (он же Дажьбог), они просто были вставлены в текст без изменения. Стрибог, как и Солнце-Дажьбог, мог почитаться славянами под именем Ветер⁵, Мокошь — под своим именем, а вот Симаргл был непонятен последующим авторам и они его склоняли на все лады (в том числе разделяя на два имени). Г. Ловмянский предполагает, что имена этих богов занесены в летопись Никоном, который узнал про них, будучи в Тмутаракани⁶. Древнерусские книжники, по всей видимости, не очень сильно утруждали себя поиском настоящих славянских богов, когда принимались за их перечисление. Не задумываясь о том, как эти божества связаны друг с другом, они

¹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 139.

² Ловмянский Г. Религия славян и её упадок (VI–XII вв.). СПб., 2003. С. 93.

³ Мансикка В. Й. Религия восточных славян. С. 77.

⁴ Ловмянский Г. Религия славян и её упадок (VI–XII вв.). С. 97–100.

⁵ Поляков А. Н. История цивилизации в Древней Руси. Оренбург, 2012. С. 364.

⁶ Ловмянский Г. Религия славян и её упадок (VI–XII вв.). С. 98.

просто вставляли в список всё, что приходило на ум: будь то реальные боги славян (Перун, Велес, Солнце-Дажьбог, Ветер-Стрибог, Мокошь) или иноземные божества (Хорс), или просто мифологические существа (Симаргл), или даже литературно-исторические герои (Троян) и т.п. Вот несколько примеров. «Хождение богородицы по мукам»: «...того они все боги прозваша: **солнце и месяц, землю и воду, и звери и гади, то святеи человеки, камени ту устроя, Трояна, Хърса, Велеса, Перуна** (здесь и далее выделено мною. — А. П.), **но быша обратиша бесомъ злымъ и вероваша...**»¹. «Слово некоего христороубца»: «... **и веруютъ в Перуна, и в Хорса, и в Мокошь, и в Сима, и в Ръгла, и въ Вилы, ихъ же числом 39 сестрениць. Глаголятъ неведгласи и мнѣть богинями и такъ покладывахуть имъ теребы, и куры имъ режутъ, и огневе молятся, зовущее его **Сварожичемъ**, и чесновиток богомъ же его творят. [...] еже молятся огневе под овиномъ, и **Вилам, и Мокоше, и Симу, и Ръглу, и Перуну, и Роду и Рожанице ...**»². «Слово святого Григория об идолах»: «... **начаша требы класти Роду и Рожаницамъ прежде Перуна б[ог]а ихъ ... но и ноне по оукраинамъ молятъ ему проклятому б[ог]у Перуну и Хорсу, и Мокоши, и Вилу**»³. «Откровение св. апостоломъ»: «... мнѣще боги многы **Пероуна и Хорса, Дыя, и Трояна, и иные мнози...**»⁴.**

Исходя из всего этого (библейское происхождение текста, случайность имён, включённых в список богов) следует признать — доверять рассказу летописца о постройке Владимиром святилища шести богов и «осквернении Русской земли человеческими жертвами», нельзя. А значит, сказать однозначно — строил Владимир языческое святилище или нет — невозможно, тем более нельзя рассуждать о смысле языческой реформы. Учитывая зыбкость самого факта строительства святилища, это, по меньшей мере, странно.

Рассказ о похоти Владимира, жёнах и детях, который идёт в летописи следом, вызывает вопросы не меньше. Е. Е. Голубинский в своё время недоумевал: «С какой стати отцы-христиане [Чехия и Болгария были в то время христианскими странами]

¹ Хождение Богородицы по мукам // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М., 1980. С. 168.

² Слово некоего христороубца, ревнителя по правой вере // Красноречие Древней Руси (XI – XVII вв.) / Сост., вступ. ст., комм. Т. В. Черторицкой. М., 1987. С. С.123, 124, 125.

³ Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Харьков, 1913. Т.2. С. 24–25.

⁴ Там же. С. 51.

имели бы охоту выдавать дочерей своих, а дочери-христианки с какой стати имели бы охоту идти замуж за усердного язычника?»¹ Исследователь склоняется к мысли, что князь был расположен к христианству с самого начала своего княжения и даже с детства. Е. Е. Голубинский не верит летописцу, что Владимир был «грубым сластолюбцем». Известие о многочисленных наложницах он считает выдуманным с целью резкого противопоставления двух периодов в жизни князя — языческом (когда он якобы был развратником) и христианском (окутанном благочестием)².

Сомнения в многожёнстве князя действительно возникают. Кроме первой жены Рогнеды и последней — Анны, летописец не сообщает, когда он обзавёлся всеми остальными. Не знает он и то, когда они родили 12 детей. Самой плодovитой оказалась несчастная Рогнеда, которой летописец приписывает 4-х сыновей и 2-х дочерей, то есть, начиная с 981 года (примерно) она рожала ежегодно вплоть до выбора вер в 986 году. Двух детей (зато каких!) родила болгарыня. Странно, что летописец не знает её имени, ведь она подарила Владимиру первых русских святых — Бориса и Глеба. Остальные жёны родили, если верить летописцу, по одному ребёнку.

Обращая внимание на вставной характер текста, А. А. Шахматов считает, что рассказ о похоти-многожёнстве и детях взят летописцем из Корсунской легенды, которую он сам и реконструирует³. Исследователь считает неуместным упоминания о детях Владимира (особенно Бориса и Глеба) в сюжете о блудной жизни князя. По его мнению, первоначально в летописи описывались только жёны князя, а детей вписал туда автор Начального свода⁴.

Другие источники о многожёнстве Владимира не сообщают. Если, конечно, не брать в расчёт позднее житие князя, в котором число жён увеличивается с 5 до 12-ти. Не совпадает с летописью и количество сыновей и дочерей, упоминаемых в других источниках. Титмар Мерзебургский знает 3 сыновей Владимира и 9 дочерей⁵. Первый сын — Святополк, второй — Ярослав. Третий по имени не называется. Ис-

¹ Голубинский Е. Е. История русской церкви... С. 152.

² Там же. С. 145.

³ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 136.

⁴ Там же. С. 137.

⁵ Титмар Мерзебургский. Хроника // Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. М., 1993. С. 140.

следователи предполагают, что это Борис (А. В. Назаренко¹) или Судислав (А. Л. Никитин²). Считается, что трёх сыновей Владимира упоминает Иоанн Скилица: «Скончались архонты росов Несислав и Иерослав и был избран править росами родственник скончавшихся Зинислав»³. Под «Несиславом», утверждает А. В. Назаренко, надо понимать Мстислава. Это «доказывается сходной транскрипцией этого имени на печати из Белгорода — МЕСІЮЛАВОС...»⁴. Имя Ярослава вполне узнаваемо. «Зинислава» он называет «непонятным»⁵ и отказывается отождествлять с каким-либо известным летописи князем. Трудным этот вопрос считает и М. В. Бибигов. На мой взгляд, под Зиниславом здесь может скрываться Изяслав Ярославич. Во-первых, именно он правил в Киеве после Ярослава. Во-вторых, имя его наиболее созвучно явно испорченному греческому варианту. В-третьих, у Скилицы не говорится, что он был их братом, а только родственником. Однако о трёх сыновьях Владимира говорит и скандинавская сага об Эймунде. Она называет: Бурислава, Ярицлейва и Вартилава⁶. Среди них надёжной интерпретации поддаётся только Ярослав. Из дочерей, по именам известны Предслава (Повесть временных лет⁷), Премислава⁸ и Добронега (Анналы краковского капитула, Галл Аноним⁹).

Изменение количества детей в летописи, скорее всего, не случайно. В перечне детей Владимира И. Н. Данилевский видит сопоставление с библейскими персонажами, которые указывают на некий тайный смысл. Уже само число детей — 12 — рассматривается им как «сигнал» о связи с Библией, где оно носит сакральный характер (12 колен Израилевых, 12 ворот небесного Иерусалима, 12 сыновей Иакова и 12 — Измаила, 12 апостолов)¹⁰. Список детей, по его мнению, восходит к следующему фрагменту книги Бытия: «Сынов же у Иакова было 12. Сыновья Лии: перве-

¹ Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. М., 1993. С. 167.

² Никитин А. Л. Основания русской истории... С. 250.

³ Цит. по кн.: Бибигов М. В. BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004. Т. 1. С. 100.

⁴ Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. С. 167.

⁵ Там же.

⁶ Рыдзевская Е. А. Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования 1978 г. М., 1978. С. 91.

⁷ Повесть временных лет. С. 60.

⁸ Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 50, 312.

⁹ Галл Аноним. Хроника и деяния польских князей // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 4. Западноевропейские источники / сост. перевод и комм. А. В. Назаренко. М., 2010. Прим. 29. С. 173.

¹⁰ Данилевский И. Н. Библия и Повесть временных лет (К проблеме интерпретации летописных текстов) // Отечественная история. 1993. № 1. С. 83.

нец Иакова Рувим, по нём Симеон, Левий, Иуда, Иссахар и Завулон. Сыновья Рахили: Иосиф и Вениамин. Сыновья Валлы, служанки Рахилиной: Дан и Неффалим. Сыновья Зелфы, служанки Лииной: Гад и Асир» (Быт. 35: 22–26). По его мнению, летописец через библейские образы стремился дать характеристику сыновьям великого князя (прежде всего, участникам событий 1015 года)¹. Не ясно только, почему летописец упомянул лишь о 10 сыновьях, заменив оставшихся 2 дочерьми, ведь второй перечень, находящийся в статье 988 года рассказывает именно о 12 сыновьях, а дочерей вообще не вспоминает. «Сравнение же самого Владимира с Иаковом, — считает Данилевский, — могло основываться на том, что оба эти персонажа незаконно захватили право на власть, принадлежавшее их старшему брату»². Недостоверным этот (как и второй) список детей Владимира считает и А. Л. Никитин³.

Дальнейшее летописное повествование, кроме Ярослава, знает Святополк (он известен и Титмару Мерзебургскому), Изяслава — он стал родоначальником полоцких князей, Мстислава — князя черниговского и тмутараканского (его упоминает Скилица), Бориса и Глеба — первые русские святые, культ которых известен не только на Руси (в 1072 году Ярославичи перезахоронили их мощи), Судислава (в первом списке его заменяет второй Мстислав) — в 1036 году Ярослав посадил его в поруб, в 1059 году братья Ярославичи освободили его оттуда (правда, имя его на этот раз не называется), а в 1063 году он умер⁴. Святослав упоминается ещё лишь однажды, как третья жертва Святополка, которого, по каким-то причинам не причислили к лику святых. Остальные сыновья Владимира — Вышеслав, Всеволод, Станислав и Позвизд — нигде, кроме второго списка детей князя (988 г.), не встречаются. Более того, Позвизд и Станислав в первом списке заменены безымянными дочерьми Рогнеды. По всей видимости, Владимир имел на самом деле не 12 или 10 (как выходит по первому списку), а 7 или 8 (если считать Святослава) сыновей, и 9 дочерей (если признавать правоту Титмара Мерзебургского), то есть, по меньшей мере, 16 или 17 детей. Старшим, видимо, был Изяслав, который не дожил до смерти

¹ Данилевский И. Н. Библия и Повесть временных лет... С. 85.

² Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. С. 172.

³ Никитин А. Л. Основания русской истории... С. 247.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 151, 162, 163.

отца, затем шли Святополк, Ярослав, Мстислав, Борис, Глеб и младший — Судислав (который пережил Ярослава на 10 лет) или Святослав (если он не был на самом деле дочерью). Вряд ли все они были детьми Рогнеды — 16–17 детей за 7 лет, пожалуй, многовато. Скорее всего, часть из них была детьми наложниц, а не мифических жён. От Рогнеды, вероятно, пошли Изяслав и основные соперники в борьбе за Киев — Святополк, Ярослав и Мстислав (их, видимо, и признавал Титмар Мерзебургский за законных сыновей), а так же дочь Предслава и, возможно, Премислава, и Добронег. Борис и Глеб, вероятно, были детьми Анны, христианской жены Владимира, как об этом повествуют поздние источники. Вряд ли греческие архиереи согласились бы причислить их к лику святых, если бы они были рождены язычником Владимиром в блуде и какой-то болгарыней (то ли бывшей христианкой, то ли мусульманкой), или того хуже — наложницей. Тут мелочей не бывает. «От греховнаго бо корени золь плодь бываеть...»¹, — замечает летописец. Для первых русских страсотерпцев подходит только происхождение от крестителя Руси и византийской царевны. Остальные — Святослав и Судислав — родились, скорее всего, от неизвестных наложниц, и на киевский стол не претендовали. От Анны (или частично от наложниц) родились и остальные 6 дочерей.

Согласно данным Титмара Мерзебургского, современника Владимира, сведения которого признаются весьма ценными (поскольку были записаны по горячим следам событий в 1014–1018 гг. со слов очевидцев), он действительно «был великим и жестоким распутником»². По его данным, князь киевский «носил венерин набедренник, усугублявший [его] врожденную склонность к блуду»³. Что именно «всеведущий» Титмар, подразумевает под «венериным набедренником», неизвестно. А. В. Назаренко счёл наиболее целесообразным привести буквальный перевод латинского «*lumbare venereum*»⁴. А. Ю. Карпов предполагает, что речь идёт о некоей повязке подобной веригам монахов-аскетов, которая должна была не возбуждать, а усмирять

¹ Повесть временных лет. С. 37.

² Титмар Мерзебургский. Хроника // Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. М., 1993. С. 140.

³ Титмар Мерзебургский. Хроника. С. 141.

⁴ В словаре И. Х. Дворецкого «*lumbare*» переводится как «повязка на чресла» (Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1976. С. 604).

похоть Владимира. По его мнению, об этой интимной подробности автор узнал у самих русов, оказавшихся на Западе во время междоусобицы 1015–1018 годов¹. Возможно, Титмар Мерзебургский имел в виду «венерин пояс», в котором, согласно Гомеру, заключались «любовь и желанья, шёпот любви, изъясненья, льстивые речи, не раз уловлявшие ум и разумных»². «Пояс Венеры» или «пояс Афродиты» — один из основных атрибутов античной богини любви. Устоять перед его чарами никто не мог, ни боги, ни люди. Странно только, что носил его Владимир. В древней Греции это делали обычно женщины.

Летописец, перечисляя количество и места расположения наложниц Владимира, фактически подтверждает правоту немецкого хрониста в том, что после крещения князь свой образ жизни не изменил. А. Ю. Карпов обратил внимание, что среди мест, где находились наложницы, летописцем называются те, которые он основал уже после крещения. «Так, триста наложниц содержались в Белгороде, — пишет он, — а ведь этот город, по летописи, был заложен князем только в 991 году»³.

Смысл сюжета о многожёнстве Владимира и похоти, овладевшей князем настолько, что ему мало было наложниц, и он насиловал замужних женщин и малолетних девиц, помогает понять сравнение Владимира с Соломоном. Перечисление жён Владимира по национальности восходит, по всей видимости, именно к перечню жён Соломона (взятого автором, как и весь текст о Соломоне из «Хроники Георгия Амартола»⁴): «...и поять жены [Соломон] от моавитянь, от аманитянь, от соурянь, от идоумеянь, от хетянь, от амореянь...»⁵. Появление пяти жён у Владимира (с последующим увеличением до 12-ти в поздних источниках) связано с желанием летописца приблизить русского князя к образу библейского царя Соломона, который почитался христианами как благочестивый и мудрый правитель, прообраз Премудрости Господней и создатель «Града Божьего». «*Бе бо женолюбець, яко же и Соломанъ: бе бо, рече, у Соломана женъ 700, а наложницъ 300. Мудръ же бе, а*

¹ Карпов А. Ю. Владимир Святой. М., 2015. С. 289.

² Гомер. Илиада. СПб., 2008. С. 199.

³ Карпов А. Ю. Владимир Святой. М., 2015. С. 287.

⁴ Вилкул Т. Л. Древнеславянский перевод Хроники Георгия Амартола в Повести временных лет и Новгородской Первой летописи младшего извода // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 2 (56). С. 14.

⁵ Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе. Т. 1. С. 148.

*наконец погibe; се же не веголоосъ, а наконец обрете спасенье»*¹. В этих словах летописца осуждения нет. Сближая русского князя и библейского царя, летописец старается **оправдать** Владимира, а не противопоставить два периода в его жизни. Он признаёт, что князь был распутником и многожёнцем, но ведь и мудрый Соломон был таким. Летописный Владимир, более того, превосходит библейского царя. В летописи он идёт путём Соломона, но в обратном порядке. Если Соломон — строитель храма и мудрец — был побеждён похотью женской в конце жизни, то Владимир наоборот движется от похоти к строительству храма. Запоздалое причисление Владимира к лику святых (в конце XIII или начале XIV века), может быть, связано с тем, что о распутстве князя (до и, самое главное, после крещения) было хорошо известно греческим патриархам. Слава безудержного сластолюбца настолько крепко прилипла к Владимиру, что отрицать её было невозможно, даже спустя сто лет — в то время, когда писал летописец. По большому счёту в оправдании Владимира заключён смысл всего повествования о нём. Его слава, как распутника и насильника, была главным препятствием для этого.

Под **981** годом стоят краткие сообщения о походах Владимира — на поляков, у которых он отбил Перемышль и Червен, и на вятичей, на которых возложил дань «с плуга», как и его отец. Под **982** годом значится повторный поход на вятичей.

По мнению А. Л. Никитина, походы Владимира 981, 982 и 983 годов «принадлежат к области литературы» и на самом деле вряд ли происходили. Рассказ о походе на вятичей повторяет сюжеты (имеется в виду дань хазарам по шелягу от плуга) об отце его Святославе и Олеге (который ходил на радимичей в 885 г.). Война с поляками (из-за червенских городов) была невозможна в связи с тем, что Польша не владела в то время Перемышлем и Червенем. На это указывал В. Д. Королюк, который детально разобрал всю историографию данного вопроса и источниковую базу². На него и опирается А. Л. Никитин. Правда, В. Д. Королюк не отрицает факт самого похода, считая, что противниками Владимира были не поляки, а хорваты и дулебы.

¹ Повесть временных лет. С. 37.

² Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964. С. 79-82.

Под **983** годом после краткого упоминания похода на ятвягов, летописец возвращается к теме языческих жертвоприношений, оставленную им в статье 980 года незавершённой. Тогда он предпочёл описание женской «прелести», одолевшей Владимира. По его словам, бояре и старцы решили бросить жребий на девицу и отрока. Кому выпадет доля, того и принести в жертву богам. Причиной жертвоприношения называется победа над ятвягами. Жребий пал на сына одного варяга, «прекрасного лицом и душою». Варяг тот прибыл из Греческой земли, жил на месте, где будет позже построена Десятинная церковь и исповедовал христианство. Выдать своего сына он отказался, назвав русских богов деревом, которое сейчас есть, а завтра сгниёт. «Ваши боги, – говорил он, – не едят и не пьют, и не говорят, ибо сделаны руками из дерева. Настоящий бог – один, тот, которому поклоняются греки. Он сотворил небо и землю, звёзды, солнце, луну и человека, и поселил на земле. А ваши боги что сделали? Они сами сделаны!» Горожане возмутились такой наглости, вооружились, пришли на двор варяга и обоих – и отца, и сына — убили: разнесли двор и подсекли сени, на которых они стояли. Всё это происходило, отмечает летописец, по наущению дьявола, который надеялся поселиться на Руси, поскольку здесь не было апостолов и пророки ничего не предрекали. Не знал он, что пророк говорил: «И назову людей не моих моими людьми»¹, и что апостолы разошлись по всей земле, а слова их — по всей вселенной. *«Аще и тѣлом апостоли не суть сдѣ были, но ученья ихъ аки трубы гласятъ по вселенгѣй, их же ученьемъ побѣждаемъ противнаго врага, попирающее подѣ нози...»*² — пишет летописец.

А. А. Шахматов считает, что начало статьи (о ятвягах) восходит к Древнейшему своду, а рассказ о первых мучениках-христианах на Руси присоединён автором Начального свода. В более полном виде — с указанием на имена (или имя только младшего) этот рассказ читается в Прологе (под 12 июля). По мнению исследователя, создатель Древнейшего свода знал эту легенду, и даже пользовался ей, но по каким-то причинам в состав летописи не включил³. Легендарность рассказа подчёркивает и А. Л. Никитин. Он обращает внимание на употребление лексем «*невегласи*»

¹ Повесть временных лет. С. 176.

² Там же. С. 39.

³ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 145–147.

и «варяги», которые не встречаются в ранних источниках. Употребление слова «варяги» в рассказах о Владимире А. Л. Никитин считает анахронизмом. По его мнению, термин «варяг», впервые зафиксированный византийским хрисовулом в 1060 г., укоренился на Руси не ранее первой четверти XII в.»¹.

Под **984** годом рассказывается о воеводе Владимира по имени Волчий Хвост, который одолел радимичей на реке Пищане. С тех пор, утверждает летописец, русь дразнит радимичей, говоря «Пищанцы от волчьего хвоста бегают»². А радимичи платят дань Руси и повоз везут.

А. Л. Никитин обращает внимание, что этот же «Волчий Хвост» упоминается в Новгородской Первой летописи, как воевода Святополка³. В «Повести временных лет» его имя в этом месте опущено⁴. И год, который, скорее всего, случаен, и реальность самого похода можно поставить под сомнение. Сюжет явно возник на основе поговорки и объясняющей её легенды. Хорошо заметна попытка летописца использовать любые источники, чтобы наполнить княжение Владимира событиями.

Под **985** годом говорится о походе Владимира с дядей Добрыней на болгар (волжских или дунайских не ясно). И здесь не обошлось без народной приметы. Осмотрев пленников, Добрыня будто бы сказал: «...Все они в сапогах. Этим дани нам не давать — пойдём, поищем себе лапотников»⁵. Владимир заключил с болгарами мир и вернулся в Киев.

Вторая часть повествования о деяниях Владимира начинается сразу после описания похода на болгар. Под **986** годом в «Повести временных лет» помещён большой рассказ **о выборе веры**. Пришли, пишет летописец, болгары-магометане к Владимиру и сказали: «Ты, князь, мудр и смыслен (умён), а закона не знаешь, уверуй в закон наш и поклонись Магомету»⁶. «И какова же вера ваша?» — спросил Владимир. «Веруем Богу, — ответили они, — и учит нас Магомет так: совершать

¹ Никитин А. Л. Основания русской истории. С. 88.

² Повесть временных лет. С. 176.

³ ПСРЛ. Т. 3. С. 175.

⁴ Никитин А. Л. Основания русской истории. С. 55.

⁵ Повесть временных лет. С. 176.

⁶ Там же.

обрезание, не есть свинины, не пить вина, зато по смерти, говорит, можно творить блуд с жёнами. Даст Магомет каждому по семидесяти красивых жён, и изберёт одну из них красивейшую, и возложит на неё красоту всех; та и будет ему женой. Здесь же, говорит, следует предаваться всякому блуду. Если кто беден на этом свете, то и на том»¹. И другую всякую ложь говорили, замечает летописец, о которой и писать стыдно. Владимиру понравилось всё, что говорилось о блуде, а вот воздержание от свиного мяса и запрет пить хмельные напитки его не устроили: «*Руси есть веселье питье: не можемъ бес того быти*»² — сказал он.

Следом за мусульманами пришли немцы, посланные римским папой. Они заявили: «Земля твоя такая же, как и наша, а вера ваша не похожа на веру нашу, так как наша вера — свет; кланяемся мы Богу, сотворившему небо и землю, звёзды и месяц и всё, что дышит, а ваши боги — просто дерево»³. «И в чём заповедь ваша?» — спросил Владимир. «Пост по силе, — ответили они, — если кто пьёт или ест — всё во славу Божию». «Вот и идите, откуда пришли» — неожиданно и без всякой связи с ответом немцев сказал Владимир. «...Ибо отцы наши не приняли этого»⁴.

Узнав о происходящем в Киеве, к великому князю пришли хазарские иудеи. «Слышали мы, — сказали они Владимиру, — что приходили болгары и христиане, уча тебя каждый своей вере. Христиане же веруют в того, кого мы распяли, а мы веруем в единого Бога Авраамова, Исаакова и Иаковля»⁵. «И каков закон ваш?» — задал уже традиционный вопрос русский князь. «Обрезаться, — ответили они, — не есть свинины и зайчины, соблюдать субботу»⁶. После этого Владимир неожиданно спросил (как будто знал слабые места иудеев): «А где земля ваша?»⁷ Хазарские евреи ответили: «В Иерусалиме»⁸. «Точно ли она там?» — усомнился князь. Иудеям пришлось признаться: «Разгневался Бог на отцов наших и рассеял нас по различным странам за грехи наши, а землю нашу отдал христианам»⁹. На что Владимир заме-

¹ Там же.

² Там же. С. 39.

³ Там же. С. 176.

⁴ Повесть временных лет. С.176.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 177.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

тил: «Как же вы иных учите, а сами отвергнуты Богом и рассеяны? Если бы Бог любил вас и закон ваш, то не были бы вы рассеяны по чужим землям. Или и нам того же хотите?».

Последним пришёл грек-философ, который начал с «брани» по отношению к другим религиям. «Слышали мы, что приходили болгары и учили тебя принять свою веру, — сказал он, — вера же их оскверняет небо и землю, и прокляты они сверх всех людей, уподобились жителям Содома и Гоморры ... Ибо, подмывшись, вливают эту воду в рот, мажут ею по бороде и поминают Магомета. Так же и жёны их творят ту же скверну, и ещё даже большую: [от совокупления мужчины и женщины вкушают¹]]². Услышав это, Владимир будто бы плюнул и сказал: «Нечисто это дело»³. После этого философ продолжил: «Слышали мы и то, что приходили к вам из Рима научить вас вере своей. Вера же их немного от нашей отличается: служат на опресноках, то есть на облатках (тонких пресных лепёшках, наподобие вафли), о которых Бог не заповедал, повелев служить на хлебе, и поучал апостолов, взяв хлеб: «Сие есть тело моё, ломимое за вас...». Так же и чашу взял и сказал: «Сия есть кровь моя нового завета». Те же, которые не творят этого, неправильно веруют»⁴. Владимир спросил: «Приходили ко мне евреи и сказали, что немцы и греки веруют в того, кого они распяли, так ли это?». Философ подтвердил: «Воистину веруем в того; их же пророки предсказывали, что родится Бог, а другие, — что распят будет и погребён, но в третий день воскреснет и взойдёт на небеса. Они же одних пророков избивали, а других истязали. Когда же сбылись пророчества их, когда сошёл он на землю, был он распят и, воскреснув, взошёл на небеса, от них же ожидал Бог покаяния 46 лет, но не покаяться, и тогда послал на них римлян; и разбили их города, а самих рассеяли по иным землям, где и пребывают в рабстве»⁵. Владимир поинтересовался: зачем же Бог сошёл на землю и принял страдания? Ответ на этот вопрос представляет собой пространный рассказ, который принято называть «Речью фило-

¹Этот текст в переводе Д. С. Лихачёва пропущен. Он есть в древнерусском варианте «Повести»: «от совокупленья мужьска и женьска вкушаютъ» (Повесть временных лет. С. 40.).

² Повесть временных лет. С. 177.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Повесть временных лет. С. 177.

софа». В нём греческий миссионер раскрывает основные положения христианского вероучения.

Первая часть «Речи» содержит пересказ Ветхого завета. Грек подошёл к объяснению вопроса — зачем бог сошёл на землю — основательно, начав с первых дней создания мира. Божественное творение было настолько прекрасным, говорил философ, что ему позавидовал старший из ангелов, которого звали Сатанаил. «Сойду на землю, и овладею ею, и буду подобен Богу, и поставлю престол свой на облаках северных»¹ — передаёт его мысли грек-философ. За это «мыслепреступление» Сатанаил был свергнут с небес, и главным ангелом вместо него назначен Михаил. Затем Бог занялся животным миром: сотворил китов, рыб, гадов, птиц и человека. Следом в «речи» излагается история грехопадения человека, затем говорится о Каине и Авеле, Сифе, «скотском» образе жизни его потомков, повлекшем за собой желание Бога истребить всё живое, о строительстве праведником Ноем ковчега, потопе, расселении и умножении людей от его сыновей Сима, Хама и Афета, столпотворении и разделении языков. «Итак, — говорил грек, — разделились люди на 71 язык и разошлись по всем странам, и каждый народ принял свой нрав ... приносили они жертвы рощам, колодцам и рекам и не познали Бога»². Здесь грек-философ приводит хронологические расчёты: от Адама до потопа, по его утверждению, прошло 2242 лет, а от потопа до разделения языков — 529. Дьявол ввёл людей в большое заблуждение, и стали люди создавать кумиров: одних — деревянных, других — медных, третьих — мраморных, а также золотых и серебряных. Первым язычником, который начал создавать идолов, по словам философа, был Серух. Он делал изваяния в честь умерших людей — бывших царей, героев, волхвов и прелюбодеек. Далее говорится о жизни Авраама, Исаака, Исава, Иакова и Моисея, десяти казнях египетских и исходе евреев из Египта. Затем — об Иисусе Навине, Давиде, Соломоне и разделении еврейского царства надвое — на Иерусалимское и Самарийское. Затем грек-философ перешёл к пророчествам, предрекавшим сошествие Иисуса Христа, его распятие и воскрешение. Первым пророком, сообщает философ, был Осия. За-

¹ Там же.

² Там же. С. 178.

тем пришли — Иеремия, Иезекииль, Малахия, Исая и Амос. Все они говорили о гневе и угрозах Господа своему избранному народу и об избрании других народов вместо евреев. В качестве подтверждения пророчества о явлении Христа, философ привёл слова Давида, Исаяи, Михея, Иеремии, Захарии, Осии, снова Исаяи, затем опять Иеремии, Давида и Ездры. Много пророчествовали о нём, говорил грек-философ, и всё сбылось. «Когда же это всё сбылось или ещё только сбудется?» — задал недоумённый вопрос Владимир. «Всё уже сбылось» — ответил грек. На этом первая часть «речи» заканчивается.

Вторая часть «Речи философа», посвящена Новому Завету. После повторного указания на то, что евреи избивали пророков и о наказании их пленом в Ассирии, грек перешёл к истории об Иисусе Христе. В правление иноплеменника Ирода, в год 5500, говорил он, послан был Гавриил в Назарет к деве Марии, родившейся в колене Давидовом, сказать ей: «Радуйся, обрадованная, Господь с тобою!»¹ От этого она зачала в утробе Слово Божие, и родила сына, и назвала его Иисус. Жизнь и страдания Христа описаны философом кратко. Он рассказал о приходе волхвов к новорождённому Спасителю, избииении младенцев Иродом, бегстве Марии с младенцем в Египет и возвращении обратно. Когда Иисус вырос и ему было 30 лет, продолжал грек, начал он творить чудеса — воскрешать мёртвых, очищать прокажённых, исцелять хромых. Избрал он 12 учеников и проповедовал им царство небесное. Когда Иоанн крестил Иисуса в Иордане, отверзлись небеса и сошёл Дух в образе голубя и послышался голос: «Вот сын мой возлюбленный, его же благоизволил»². Затем грек-философ рассказал о Пилате, который не хотел казнить Спасителя, но всё-таки отдал его на расправу; о казни Христа на лобном месте, его воскрешении на третий день; о сошествии Духа Святого на апостолов. Владимир спросил после этого: «Почему родился он от жены, был распят на дереве и крестился водою?»³ Философ объяснил: так Бог отомстил Дьяволу, который использовал всё это на погибель человечества. По вине женщины человек был изгнан из рая (теперь женщина рождает Спа-

¹ Повесть временных лет. С. 184.

² Там же.

³ Там же. С. 185.

сителя), с древа вкусил Адам запретный плод (теперь деревом Бог победил Дьявола), а водой было погублено первоначальное человечество (а теперь будет спасено).

В конце своей речи грек-философ сказал главное: установил Бог единый день, в который он, сойдя с небес, будет судить живых и мёртвых и воздаст каждому по делам его. Праведнику — царство небесное, красоту, веселие без конца и бессмертие вечное, а грешникам — мучение огненное. Мучиться будут все, кто не примет крещение. Сказав это, грек показал некую «запону», на которой был изображён Суд Божий. Справа — праведники, объяснял он, они идут в рай, а слева — грешники, они идут в ад. Владимир будто бы вздохнул после этих слов и сказал: «Хорошо тем, кто справа, горе же тем, кто слева»¹. Философ тут же воскликнул: «Если хочешь с праведниками справа стать, то крестись»². Здесь по логике вещей князь должен был согласиться с радостью, однако Владимир неожиданно отказался: «Подожду ещё немного» — сказал он³. По словам летописца, князь хотел разузнать обо всех верах, прежде чем принимать решение.

Исследователи, как правило, не доверяют этому рассказу и считают описанные в данной статье события малодостоверными или вовсе невероятными. По словам Е. В. Голубинского, летописец просто не мог слышать, что именно говорили послы Владимиру, даже если он стоял бы в то время во дворе у князя, а он писал сто с лишним лет спустя⁴. Действительно, «речи» героев повествования в древнерусских летописях и в целом литературе (и не только древнерусской, но и средневековой вообще), явление распространённое и является литературным приёмом, а не передачей реальных слов упомянутых лиц. Взять хотя бы популярную в то время «Александрию», изрядно сдобренную всевозможными речами и частными письмами Александра Македонского и других персонажей, которые никому и никогда на самом деле не были известны.

Н. К. Никольскому кажется странным, что Владимира «сворачивают» в свою веру магометане, немцы, хазары и греки, а славяне с той же целью во дворе русского

¹ Там же.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 1. Ч. 1. С. 111.

князя не появляются. Князь отправляет послов к болгарам-мусульманам, немцам и грекам, и совершенно забывает о тех, кто был просвещён ещё Кириллом и Мефодием, о ком рассказывала русская летопись, описывая события столетней давности (под 898 г.)¹.

М. В. Левченко называет посольства к Владимиру легендарными, но факт появления византийского посла считает реальным². По его мнению, греки приходили просить военную помощь, а не склонять князя в свою веру. И только желание Владимира жениться на принцессе Анне подняло вопрос о крещении князя и его страны.

И. Н. Данилевский обращает внимание на то, что язычник Владимир, беседуя с послами, фактически изъясняется библейскими фразами. По его мнению, знаменитый ответ Владимира мусульманам — *«Руси есть веселье питье: не можемъ бес того быти»* — восходит к библейской книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова. Речь идёт о следующей фразе: **«Вино полезно для жизни человека, если будешь пить его умеренно. Что за жизнь без вина? Оно сотворено на веселие людям (Выделено мною. — А. П.). Отрада сердцу и утешение душе — вино, умеренно употребляемое вовремя; горесть для души — вино, когда пьют его много, при раздражении и ссоре»** (Сир. 31:31–34). И. Н. Данилевский полагает, что «истинный смысл реплики, приписанной летописцем Владимиру, в летописном контексте становится ясным только при обращении к Толковой Палее»³, где говорится о вине, понимаемом как символ крови Христовой. «Другими словами, — пишет он, — ответ Владимира прообразует принятие им христианства»⁴. Не уверен, что суть летописной фразы и выстроенный исследователем смысловой ряд действительно воспроизводят замысел летописца. Владимир этими словами отвечал на запрет пить вино в мусульманстве. Скорее всего, летописец ни на что не намекал, а просто сослался на Библию, оправдывая потребление вина на Руси. Если и есть здесь намёк, то он, скорее всего, в том, что пить надо «вовремя» и «умеренно». Приписав Владимиру библейское изрече-

¹ Никольский Н. К. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры: к вопросу о древнейшем русском летописании. Л., 1930. С. 9.

² Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 353.

³ Данилевский И. Н. Повесть временных лет... С. 98.

⁴ Там же.

ние, он по привычке сказал лишь часть высказывания, предполагая, что читатель поймёт его и так.

Что касается «Речи философа», вывод исследователей обычно неутешителен: она не принадлежит настоящему проповеднику будто бы поучавшему русского князя, а составлена самим летописцем или вставлена им в готовом виде. Е. Е. Голубинский «Речь философа», и последовавшее за ней испытание вер, считает «позднейшим вымыслом»¹. Исследователь полагает, что переход русского князя из язычества в христианство в принципе мог быть следствием удачной проповеди греческого миссионера, но подтверждений этому не находит. Если бы существовали факты прихода к Владимиру послов, полагает Е. Е. Голубинский, то об этом должны были написать митрополит Иларион, Иаков Мних и Нестор в «Сказании о Борисе и Глебе», а они пишут только о том, что Владимир принял христианство сам собой, без всякого посредства и участия². Иларион утверждает прямо противоположное, Иаков знает только о влиянии на Владимира бабки, княгини Ольги, а Нестор в «Сказании» говорит исключительно о божественном провидении³.

А. А. Шахматов обращает внимание на искусственность летописной версии крещения Руси в целом. По его мнению, она скроена из самых разных источников. Один из них заканчивался крещением Владимира от философа и был составлен по мотивам болгарского рассказа о крещении Бориса⁴. По словам А. А. Шахматова, «русское сказание перелицевало болгарское»⁵. Наш компилятор в данном случае поступил почти так же, как Нестор, который использовал болгарское житие Саввы для составления жития Феодосия Печерского, и, как переписчик «Изборника 1073 года», заменивший в послесловии имя болгарского царя Симеона именем князя Изяслава (Святослава)⁶. В основе другого источника он видит «Корсунскую легенду». А. А. Шахматов (в отличие от Н. К. Никольского, который называл источником вне-летописный рассказ — «Слово о том, како крестися Владимир, возмя Корсунь»)

¹ Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 1. Ч. 1. С. 105.

² Там же. С. 120.

³ Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 1. Ч. 1. С. 122.

⁴ Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира. СПб., 1906. С. 9–10.

⁵ Шахматов А. А. Один из источников летописного сказания о крещении Владимира. Харьков, 1904. С. 74.

⁶ Шахматов А. А. Указ. соч. С. 74.

считает «речь» написанной самим летописцем на основе общего для летописи и Краткой Палеи источника. Таковым он признаёт «Хронограф по великому изложению» (названный так В. М. Истриным), который в свою очередь имел одним из источников «Хронику Георгия Амартола»¹.

Р. В. Жданов считает, что материал для рассказа о предложении вер и «Речи философа» был взят летописцем из Хронографической Палеи или из Хронографа (более вероятно, по его мнению), от которого произошла эта Палея².

Н. И. Милютенко отмечает, что «изложение Р[ечи]Ф[илософа] представляет собой мозаичное соединение нескольких византийских хроник: Иоанна Малалы, Георгия Амартола, Георгия Синкелла, краткой хроники типа Var. 30 (Бодлеанская библиотека, Оксфорд)»³. По её мнению, наиболее вероятно, «что отдельные сведения не выбирались по крупницам из нескольких источников, а были взяты из какого-то одного хронографического сочинения»⁴. При этом Милютенко считает, что «Хронограф по великому изложению» не был в числе источников «Речи философа»⁵. Исследовательница приходит к выводу о существовании двух групп источников — неизвестного хронографического сочинения (содержащего всю эту мозаику выдержек из греческих хроник) и толкований святых отцов на Писание⁶.

Т. Л. Вилкул, вслед за Шахматовым считая «Речь философа» произведением летописца, в качестве источников «Речи» называет «Хронику Георгия Амартола», «Хронику Малалы» и «Книгу Юбилеев», иначе «Малое Бытие» (например, сюжет о младенце Моисее)⁷. Однако в отличие от Шахматова, она обращает внимание на то, что в Новгородской Первой летописи (которую Шахматов рассматривает как отражение Начального свода, более раннего чем «Повесть временных лет») есть не только следы «Хроники Георгия Амартола», переработанной в предполагаемом «Хроно-

¹ Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира. С. 146, 147.

² Жданов Р. В. Крещение Руси и Начальная летопись // Исторические записки / отв. ред. Б. Д. Греков. М., 1939. Т. 5. С. 25.

³ Милютенко Н. И. К вопросу о некоторых источниках Речи Философа // Труды отдела древнерусской литературы. 2004. Т. 55. С. 13.

⁴ Там же. С. 13.

⁵ Там же. С. 15.

⁶ Там же. С. 17.

⁷ Вилкул Т. Л. О происхождении «Речи Философа» // *Palaeoslavica*. 2012. № XX/1. С. 9, 10, 14.

графе по великому изложению», но и полного перевода «Амартола», которым пользовался автор «Повести»¹.

Н. П. Похилько указывает на то, что в «Речи философа», несмотря на преобладание ветхозаветных событий, изложенных лаконично и с заметным самоограничением, есть места, не обязательные с точки зрения христианского канона (большая часть заимствованные из византийских хроник). К их числу она относит сюжет о ключевом персонаже богомильских мифов — Сатанаиле. В «Речи философа», отмечает она, «пересказываются те ветхозаветные события и с такими акцентами, которые могли быть актуальны для полемики с богомилами, павликианами и язычниками: Творение мира, падение человека, Ноев потоп, столпотворение, кумиротворение, история патриархов Авраама, Иакова, Моисея, пророчества «об отвержении жидовстве», о Воплощении, Страстях и Воскресении [и др.]...»². По её мнению, «Речь философа» первоначально была составлена для огласительных целей (как наставление, принимающим христианство). «Огласительное чтение превратилось в «беседу» под пером летописца-редактора, — считает она, — который хорошо представлял древнюю церковную практику традиционного оглашения в его трехчастном структурировании»³.

Как бы то ни было, действительно летописец поместил в летопись обычное для таких случаев огласительное поучение, имевшееся у него под рукой, и отредактировал его или же сочинил всё сам, используя различные источники — в любом случае, автор летописи воспроизводил не реальные события, связанные с крещением князя Владимира, а предполагаемые, те, которые, по его мнению, должны были происходить согласно канону обращения язычника в христианство. В этом смысле, происхождение текста, которым пользовался летописец, ничего не меняет. Главное то, что он не имеет никакого отношения к деятельности крестителя Руси.

¹ Вилкул Т. Л. Древнеславянский перевод Хроники Георгия Амартола в Повести временных лет и Новгородской Первой летописи младшего извода. С. 13.

² Похилько Н. П. «Речь философа» в Повести временных лет: вопрос функции и адресата // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма (МАИАСК). Севастополь; Тюмень; Нижневартовск, 2016. Вып. 8. С. 428.

³ Похилько Н. П. «Речь философа» в Повести временных лет: вопрос функции и адресата. С. 438.

Под 987 годом летописец поместил историю об испытании вер. Собрал Владимир бояр своих и старцев градских, сообщает автор «Повести», и рассказал им обо всех посольствах, приходивших к нему. «Чудно их было слышать, — делился впечатлениями князь, — чужое бранят, а своё восхваляют, говорят, если кто перейдёт в их веру, то, умерев, снова восстанет, если же в ином законе будет, то на том свете гореть ему в огне. Что скажите?» Бояре и старцы заметили по этому поводу: «Никто своего не бранит, а только хвалит. Если хочешь узнать всё как есть, пошли к ним своих мужей, пусть разузнают, как они на самом деле служат Богу». Так и решили. Избрали самых умных мужей и отправили сначала к болгарам-мусульманам, а затем к немцам и грекам. Ни мусульманская, ни христианская служба западного образца им не понравилась. Зато от греческих обычаев служения они были в неописуемом восторге. «Ходили мы в Болгарию, — ответствовали послы князю и боярам, — смотрели, как они молятся в храме, то есть в мечети, стоят там без пояса; сделав поклон, сядет и глядит туда и сюда, как безумный, и нет в них веселья, только печаль и смрад великий. Не добр закон их. И пришли мы к немцам, и видели в храмах их различную службу, но красоты не видели никакой. И пришли мы в Греческую землю, и ввели нас туда, где служат они Богу своему, и не знали — на небе или на земле мы: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой, и не знаем, как и рассказать об этом, — знаем мы только, что пребывает там Бог с людьми, и служба их лучше, чем во всех других странах. Не можем мы забыть красоты той, ибо каждый человек, если вкусит сладкого, не возьмёт потом горького; так и мы не можем уже здесь пребывать»¹. Бояре вспомнили про Ольгу. «Если бы плох был закон греческий, то не приняла бы его бабка твоя Ольга, а была она мудрейшая из всех людей»² — заметили они. Тогда Владимир спросил: «Где примем крещение?». Дружина ответила: «Где тебе любо»³. Но и в этот раз летописец ничего не стал писать о крещении князя. Осталось неясно, где и, когда он решил креститься, и крестился ли вообще.

¹ Повесть временных лет. С. 186.

² Там же.

³ Там же.

Многим исследователям процедура «испытания вер» кажется сомнительной. Е. Е. Голубинский допускает, что миссионеры могли приходить к Владимиру с поведью своей веры, а вот отправлять своих послов для испытания вер, он считает, князь не мог¹. «Соглядания» обрядов, по словам исследователя, не дают и не могут дать ни малейшего понятия о вере². Ситуацию, в которой Владимир сначала отказался от язычества, а потом стал искать истинную веру, он полагает невероятной. «Если он решился оставить своё язычество, — пишет Е. Е. Голубинский, — то это могло быть только так, что вместо него он решился принять в то же время другую известную веру, но не могло быть так, чтобы он сначала решился оставить язычество, а потом начал выбирать себе другую веру; он мог решиться оставить одну веру только вместе ... и нераздельно с тем, как решился принять другую»³.

О. М. Рапов, опираясь на мнение А. А. Шахматова об искусственности и недостоверности данного рассказа, выражает недоумение: зачем понадобилось Владимиру, отказавшему немцам в 986 году, посылать людей для испытания католичества? Как могло русское посольство посетить Царьград в 987 г., если после битвы под Сердикой между Русью и Византией были весьма напряжённые отношения? Почему русские послы в Константинополе имеют дело то с одним безымянным царём, то с двумя — Василием и Константином?⁴ «Создаётся впечатление, — пишет он, — что текст представляет собой компиляцию из произведений различных авторов»⁵.

Ряд исследователей обращают внимание на сообщение среднеазиатского врача-естествоиспытателя Шарафа аз-Замана Тахира ал-Марвази (конец XI – начало XII вв.), в котором сообщается о посольстве русского князя к хорезмшаху: «Случилось у них так, что приняли они христианство в 300/912–913 году. А когда стали христианами, притупила вера их мечи, закрылись перед ними двери добычи, и принесло им [это] вред и крах. Стало недоставать им средств к жизни, и захотели они [обратиться] в ислам ... Направили послов к правителю Хорезма, группой в 4 человека из

¹ Голубинский Е. Е. Указ. соч. С. 112.

² Там же. С. 113.

³ Там же. С. 117.

⁴ Рапов О. М. Русская церковь в IX– первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 218–219.

⁵ Там же. С. 219.

[числа] приближённых царя. У них [есть] независимый царь, [который] называет сам себя и титулуется буладмир [Владимир] ... Прибыли послы их в Хорезм, выполнили свою миссию, [получив] разъяснение от хорезмшаха, так что захотели в ислам. Послал к ним хорезмшах учителей, чтобы научить их закону ислама и обратить в ислам»¹. Сходное известие содержится у персидского писателя из Индии Мухаммеда ал-Ауфи (XIII в.): «... Они отправили послов к хорезмшаху; послов было четверо, из родственников царя, правившего вполне самостоятельно и носившего титул буладмира ... Когда послы пришли к хорезмшаху, он очень обрадовался их желанию принять ислам, пожаловал им почётные подарки и отправил одного из имамов, чтобы научить их правилам ислама. После этого они все сделались мусульманами»².

В. В. Бартольд, писавший до открытия рукописи Марвази, отмечает: «Едва ли можно смотреть на рассказ Ауфи как на подтверждение летописного известия об испытании вер и сношениях Владимира с мусульманскими народами»³. По его мнению, легенда о принятии русскими ислама могла возникнуть под влиянием ошибочного представления о корсунском походе или о походе Владимира Ярославича, как о войне за веру⁴.

Подобную позицию занимает и Б. Н. Заходер, который был знаком с обоими источниками: «Посольство в Хорезм и принятие ислама какими-то русами, приближёнными и родственниками князя Владимира, очевидно, могло произойти только некоторое время спустя после даты крещения. Это, кажется, единственное, что можно считать достоверным. В остальном нет никаких данных, чтобы судить о правдоподобности или о времени возникновения этого сообщения»⁵. Сопоставляя с другими антихристианскими памфлетами, исследователь считает рассказ Марвази примитивной компиляцией. Первоначальная версия, по его мнению, сложилась в XI

¹ Ал-Марвази. Природа животных // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. Восточные источники. С. 60–61.

² Ауфи. Сборные рассказы и блестящие предания // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. Восточные источники. С. 62.

³ Бартольд В. В. Арабские известия о русах. С. 857.

⁴ Там же. С. 858.

⁵ Заходер Б. Н. Ещё одно раннее мусульманское известие о славянах и русах IX–X вв. // Известия всесоюзного географического общества. М.; Л., 1943. Т. 75. Вып. 6. С. 39.

веке в Хорезме, на основе хазарской устной традиции и отражает впечатление, произведённое крещением Руси¹.

С. П. Толстов, анализируя текст Марвази, пришёл к выводу, что он составлен (частично) на основе антихристианского памфлета, вышедшего из русской среды и отражает особенности политики князя Владимира, который действительно хотел вначале принять ислам².

И. У. Будовниц считает все рассказы о миссионерах легендарными³. А. П. Новосельцев, признавая полулегендарность сообщений, полагает, что они могут иметь «какую-то реальную основу». «Владимир, — пишет он, — вполне мог именно в Хорезме наводить справки об исламе, а заодно выяснять и политическое состояние главных государств мусульманского мира»⁴.

Современный историк И. А. Гагин рассматривает сообщения в контексте отношений Руси и Волжской Булгарии: «Не вызывает сомнений, — утверждает он, — что болгарским дипломатам на самом деле удалось заинтересовать Владимира и в Булгар было отправлено ответственное посольство, что зафиксировано летописцем» [имеется в виду послы-испытатели вер]. Указанные источники, он называет опровергающими летописную точку зрения об «испытании вер». Картина ему кажется несколько иной. Вслед за Новосельцевым он полагает, что сообщения Марвази и Ауфи могут иметь «какую-то реальную основу» и такой основой он, как и Новосельцев, видит стремление Руси к выяснению политического состояния мусульманского мира⁵.

Представления о «какой-то реальной основе» в данных сообщениях, как и само выражение, носят «гадательный» характер, и полностью игнорируют содержание источников. Думаю, правы те исследователи, которые отказывают им в достоверности. На рассказ об испытании вер сведения восточных авторов похожи только на

¹ Заходер Б. Н. Ещё одно раннее мусульманское известие о славянах и русах IX–X вв. С. 41.

² Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. С. 261.

³ Будовниц И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.) М., 1960. С. 75.

⁴ Новосельцев А. П. Восток в борьбе за религиозное влияние на Руси // Введение христианства на Руси. М., 1987. С. 69.

⁵ Гагин И. А. Попытка исламизации Киевской Руси: к вопросу социально-политических и культурных контактов Волго-Камской Булгарии и Руси в X веке // Официальный сайт историка Игоря Анатольевича Гагина. 2006. Режим доступа: http://www.i-gagin.ru/content_art-10.html

первый взгляд. Посольства, согласно обоим источникам, отправляются уже крещёным русским царём и не для испытания ислама, а для того, чтобы принять ислам. Конечный результат сообщений Марвази и Ауфи — исламизация Руси — не соответствует действительности и убеждает в легендарности и даже анекдотичности всего сюжета. Делать из него какие-либо выводы — в том числе о направлении и характере политики Руси в отношении мусульманских стран — крайне рискованно.

Продолжением рассказа об испытании вер является описание похода на греческий город Херсонес (Херсон), называемый в летописях Корсунём. Здесь выясняется, что князь до этого времени так и не крестился. Согласно летописи, в **988** году Владимир пошёл с войском на Корсунь. Что послужило поводом и причиной для похода — не говорится. Корсуняне затворились в городе, пишет летописец, а Владимир встал у городских стен со стороны пристани на расстоянии полёта стрелы. Несмотря на долгую осаду и угрозы простоять здесь три года, горожане не сдавались. Так продолжалось до тех пор, пока некий муж по имени Анастас не помог русскому князю. Он пустил Владимиру стрелу с запиской: «Перекопай и перейми воду, идёт она по трубам из колодцев, которые за тобою с востока»¹. Прочитав её, Владимир будто бы посмотрел на небо и сказал: «Если сбудется это, — сам крещусь!». Он повелел исполнить то, что советовал Анастас, после чего город действительно сдался. Войдя в Корсунь, Владимир послал к царям Василию и Константину письмо с требованием отдать ему в жёны сестру императоров. К слову сказать, речь о ней в летописи заходит впервые. «Вот взял уже ваш город славный; слышал же, что имее-те сестру девицу; если не отдадите её за меня, то сделаю столице вашей то же, что и этому городу»² — угрожал русский князь. Греческие цари, узнав о требовании, опечалились, но согласились, поставив условием крещение князя: «Не пристало христианам выдавать жён за язычников. Если крестишься, то и её получишь, и царство небесное восприимешь, и с нами единоверцем будешь. Если же не сделаешь этого, то не сможем выдать сестру за тебя»³. Владимир противиться не стал: «Скажите царям вашим так: я крещусь, — велел он передать посланцам императоров, — ибо ещё

¹ Повесть временных лет. С. 187.

² Там же.

³ Там же.

прежде испытал закон ваш и любя мне вера ваша и богослужение, о котором рассказали мне посланные нами мужи»¹. Переговоры, однако, на этом не закончились. Греческие цари, согласно летописи, упростили сестру, которую звали Анна (её имя называется в этом месте впервые), и послали к Владимиру, говоря: «Крестись, и тогда пошлём сестру свою к тебе»². Владимир в ответ: «Пусть пришедшие с сестрою вашею и крестят меня»³. Цари снарядили делегацию в Херсонес, но Анна опять зартачилась: «Иду, как в полон, лучше бы мне здесь умереть» — заявила она. Императоры снова принялись её уговаривать: «Может быть, обратит тобою Бог Русскую землю к покаянию, а Греческую землю избавишь от ужасной войны, — говорили они. — Видишь ли, сколько зла наделала грекам Русь? Теперь же, если не пойдёшь, то сделают и нам то же»⁴. Пришлось ей отправиться в Корсунь.

После прибытия царицы в город, сообщает летописец, разболелся Владимир глазами, и не видел ничего. Автором летописи это преподносится как очередной знак с небес. Анна, по его словам, сказала ослепшему князю: «Если хочешь избавиться от болезни этой, то крестись поскорей; если же не крестишься, то не избудёшь недуга своего»⁵. Владимир последовал совету, решив: «Если вправду исполнится это, то поистине велик Бог христианский»⁶. Крестил Владимира епископ корсунский с попами в церкви Святого Василия на торгу. После крещения князь тут же прозрел. «Теперь узнал я истинного Бога»⁷ — воскликнул он. Следом за крещением был совершён обряд венчания Владимира и Анны.

В этом месте летописец отмечает, что кроме предлагаемой им версии, существуют и другие. Одни утверждают, что крестился князь в Киеве, другие — Васильеве, а третьи — *«инако скажуть»*. Все они неверные. Так говорят, по его словам, «не знающие истины».

Крестив русского князя, корсунские попы стали учить его правильно верить. Сущность истинного вероучения передаётся летописцем через толкование «Символа

¹ Там же.

² Там же.

³ Повесть временных лет. С. 187.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

веры». Говори так, учили попы: «Верую во единого Бога Отца Вседержителя, Творца неба и земли ... и во единого Сына рождённого, в единый Дух Святой, исходящий ... Бог Отец, вечно существующий, пребывает в отцовстве, нерожденный, безначальный, начало и первопричина всему, только нерождением Своим старший, чем Сын и Дух; от Него же рождается Сын прежде всех времён, Дух же святой исходит вне времени и вне тела; вместе есть Отец, вместе Сын, вместе и Дух Святой. Сын же подобосущен [должно быть — единосущен] Отцу, только рождением отличаясь от Отца и Духа. Дух же пресвятой подобосущен Отцу и Сыну и вечно сосуществует с ними. Ибо Отцу отцовство, Сыну сыновство, Святому же Духу исхождение. Ни Отец переходит в Сына или Духа, ни Сын в Отца или Духа, ни Дух в Сына или в Отца: ибо неизменны их свойства... Не три бога, но один Бог, так как божество едино в трёх лицах <...>»¹. «От латинян не принимай учения», — продолжали поучать попы, вера их искажена: они не поклоняются иконам, пишут крест на земле, а потом топчутся по нему, называют землю матерью, а небо — отцом. Первоначально латиняне верили одинаково с нами, — говорили попы, — участвовали во всех соборах. Но после седьмого собора Пётр Гугнивый захватил папский престол и извратил веру».

Получив наставления, Владимир стал собираться обратно. Поставив в Корсуне церковь, и взяв с собою медную квадригу с двумя изваяниями, он отправился в Киев. Вместе с ним и царицей последовали Анастас и корсунские попы с мощами святого Климента и Фива, иконами и церковными сосудами. Вернувшись в Киев, Владимир велел опрокинуть идолов — одних изрубить, а других сжечь. Перуна приказал стащить по Боричеву спуску к Ручью и бить палками. После экзекуции его бросили в Днепр, сопровождали до порогов и там бросили. Когда волокли громовержца по ручью к Днепру, сообщает летописец, многие киевляне плакали. Затем Владимир велел горожанам на следующий день прийти к реке для крещения, угрожая стать врагом всем, кто ослушается. Приказ князя, по данным летописи, был воспринят с восторгом и ликованием. Киевляне с радостью пошли, говоря: «Если бы не было это

¹ Там же. С. 187–188.

хорошим, не приняли бы этого князь наш и бояре»¹. Вместе с греческими попами Владимир вышел к Днепру, где собрались горожане. И взрослые, и дети стояли в воде — одни по шею, а другие по грудь. Младенцев матери держали на руках. Стоя на месте, попы совершили молитвы. «И была видна радость на Небе и на земле, — пишет летописец, — по поводу стольких спасаемых душ; а дьявол говорил, стаяя: «Увы мне! Прогоняют меня отсюда! Здесь думал я обрести себе жилище, ибо здесь не слышно было учения апостольского, не знали здесь Бога, но радовался я служению тех, кто служил мне. И вот уже побеждён я невеждой, а не апостолами и не мучениками; не буду уже царствовать более в этих странах»². Крестившись, люди разошлись по домам, а Владимир, порадовавшись спасению своего народа, приказал рубить церкви и устанавливать по местам, где раньше стояли идолы, в том числе, на холме, где сам же ранее поставил Перуна. Здесь он построил церковь во имя святого Василия. По другим городам тоже стали строить церкви, определять в них попов и крестить людей. Стал забирать князь у лучших мужей детей на обучение книжное, а матери плакали о них, как по мёртвым, ибо не утвердились ещё в вере христианской. По его словам, это означало свершение пророчества, гласившего: «В те дни услышат глухие слова книжные, и ясен будет язык косноязычных»³. Помиловал нас крещением и обновлением духа Господь, пишет древнерусский книжник, не по делам нашим, а по собственной воле. Далее помещено пространное рассуждение о вере и спасённых душах, составленное из библейских текстов. Так говорит летописец.

В связи с крещением киевского князя и его сыновей летописец снова (первый раз он это сделал под 980 г.) перечисляет детей Владимира, на этот раз не упоминая матерей: «Было же у него двенадцать сыновей: Вышеслав, Изяслав, Ярослав, Святополк, Всеволод, Святослав, Мстислав, Борис, Глеб, Станислав, Позвизд, Судислав»⁴. Следом идёт перечисление столов, переданных Владимиром своим сыновьям. Вышеславу достался Новгород, Изяславу — Полоцк, Святополку — Туров, Ярославу — Ростов, Глебу — Муром, Святославу — Деревская земля, Всеволоду — Влади-

¹ Повесть временных лет. С. 190.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 191.

мир, Мстиславу — Тмутаракань. После смерти Вышеслава, замечает летописец, на его место был переведён Ярослав, а в Ростове посажен Борис.

Сразу после сюжета о сыновьях в летописи рассказывается о строительстве Владимиром городов (крепостей) около Киева для обороны от печенегов. «И сказал Владимир: «Не хорошо, что мало городов около Киева». И стал ставить города по Десне, и по Остру, и по Трубежу, и по Суле, и по Стугне. И стал набирать мужей лучших от славян, и от кривичей, и от чуди, и от вятичей и ими населил города, так как была война с печенегами»¹.

Рассказ о походе на Корсунь (Херсонес) полон различных странностей и нелепостей. Ничего не говорится о причинах похода и даже о его поводе. Владимир просто идёт в поход на греческий город. Прошёл целый год после испытания вер, и, казалось бы, уже принятого решения креститься, причём именно от греков. Рассказчик, описывая осаду и пребывание Владимира в Херсонесе, демонстрирует знание местной топографии. Именно поэтому многие исследователи склонны видеть в качестве источника рассказа местную «Корсунскую легенду» (оставленную клириками-корсунцами, служившими в Десятинной церкви)². Странно вот что. Владимир, согласно рассказу летописца, расположился на расстоянии полёта стрелы в районе гавани. Анастас советует князю перекрыть водопровод, который у него сзади с востока. Но «сзади с востока» у Владимира на самом деле было море (Карантинная бухта), а не холмы с водопроводом³. Кроме того, как показали археологические раскопки, с античных времён в каждом доме в Херсонесе были специальные колодцы для сбора питьевой воды⁴. Перекрытие водопровода ничего бы не дало. В житии Владимира особого состава вместо Анастаса стреляет и советует варяг Ждьберн (Жьберн). А. А. Шахматову (и другим исследователям) это кажется более правдоподобным. Но и здесь дорога, по которой в город доставляли припасы (её в житийной версии князь велел перекопать) находится с востока, то есть опять же не на суше, а в

¹ Повесть временных лет. С. 191.

² Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира. С. 82.

³ Якобсон А. Л. Крым в средние века. М., 1973. С. 16, 20; Романчук А. И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Тюмень, 2008. Т. 1. С. 199.

⁴ Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 50, 51; Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века. М., 2003. С. 82.

море. Уроженец Севастополя, историк и краевед А. Л. Бертъе-Делагард, который признавал сведения летописи о топографических особенностях Херсонеса достоверными, вынужден был склоняться в этом вопросе к данным жития Владимира, а не летописи. Представить, как в город доставлялись припасы со стороны Большой бухты (Севастопольский рейд), то есть с востока от херсонесской гавани, можно, а вот обнаружить там водопровод нельзя при всём желании. Исследователь очень живо и образно воспроизводит этот сложный процесс: судовщики незаметно по ночам входили в Большую бухту, укрываясь там от непогоды. Плохая сторожевая служба русов позволяла им перетаскивать продовольствие к мысу, а оттуда горожане уже сами на мелких лодках перевозили припасы через Карантинную бухту в город¹. А что же тогда Владимир велел перекопать? Ведь в житии доставка в город продовольствия была пресечена путём перекапывания дороги. Бертъе-Делагард выходит из этого затруднения изящно: перекопать путь, по его мнению, означало поставить в этом районе сторожевой отряд, который там окопался. Почему? — потому что, в обычном смысле перекапывание пути ничего бы не дало². Иначе говоря, исследователю, чтобы обосновать своё мнение, приходится прибегать к различным допущениям: судовщики укрывались в Большой бухте, пробирались к мысу, стража Владимира была плохой, жители города сами перевозили припасы на небольших лодках — ничего этого нет в источнике. Он вынужден предпочитать более поздний источник (житие), а потом и исправлять его, исходя из соображений здравого смысла. Ясно, что иного способа признать топографические подробности осады Корсуня достоверными невозможно, а это значит только одно — ничего общего к реальной топографии местности указания летописи, и тем более жития Владимира, не имеют.

В рассказе Владимир действует вне времени и пространства, как былинный герой. Вот русское войско осадило город и тут же — корсунцы стали изнемогать. Переговоры о браке с Анной, которые Владимир ведёт с византийскими императорами, проходят так, будто между Херсонесом и Константинополем нет никакого расстояния. На самом деле описанные летописцем передвижения послов туда-сюда

¹ Бертъе-Делагард А. Л. Как Владимир осаждал Корсунь. СПб., 1909. С. 20.

² Бертъе-Делагард А. Л. Как Владимир осаждал Корсунь. С. 20.

(3 раза) потребовали бы около полумесяца (это при хорошей скорости судов в 8 узлов (14,8 км/час) и без учёта остановок и приёмов у василевсов, раздумий и того подобного, как будто императоры встречали послы в порту, а Владимир их ожидал в херсонесской гавани). Учитывая, что безопасное передвижение по Чёрному морю возможно было только с мая по сентябрь¹ — а в мае – июне 988 года, скорее всего, только началась осада Херсонеса (если следовать хронологии летописи) — уместить всё это в рамках одного года просто невозможно. В житийной версии похода Владимир осаждал город 6 месяцев (в некоторых редакциях — 9), а посольство в Царьграде находится 8 дней². Значит, переговоры о женитьбе и крещении должны были отойти на следующий 989 год. А по летописи Владимир за один 988-й год успел добраться до Крыма, посоревноваться с корсунцами по переноске земли, заморить их голодом, а потом жаждой, провести напряжённые переговоры с императорами, дожидаться Анны, креститься, жениться, вернуться в Киев (это, примерно, ещё 40 дней³), свергнуть Перуна и крестить киевлян, а потом ещё построить крепости для борьбы с печенегами.

Болезнь Владимира накануне крещения (в летописи он ослеп, в житии — ослеп и покрылся струпьями) напоминает рассказ о крещении Константина Великого в «Хронике Георгия Амартола» (на что исследователи давно обратили внимание): «Константину же после отцовской смерти случилось разболеться ему так, что ни волхвов предсказания и выдумки, ни врачебное искусство, ни растворы зелий для питья не могли исцелить его недуг <...> И епископ тотчас повелел купель водную поставить. И, совершив подобающее, крестил царя <в воде>, и тотчас он вышел из купели здоровым, оставив телесные струпья в воде, как чешую рыбью»⁴. Н. И. Серебрянский отметил библейские истоки этого сюжета⁵. В «Деяниях апостолов» есть похожий рассказ о крещении ослепшего апостола Павла: «Анания пошёл и вошёл в дом и, возложив на него руки, сказал: брат Савл! Господь Иисус, явившийся тебе на

¹ Бертъе-Делагард А. Л. Как Владимир осаждал Корсунь. С. 7.; Рапов О. М. Русская церковь в IX– первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988. С. 235.

² Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира. С. 28.

³ Поппэ А. Политический фон крещения Руси (русско-византийские отношения в 986–989 годах) // Как была крещена Русь. 2-е изд. М., 1990. С. 226.

⁴ Матвеев В. А., Щеголева Л. И. Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола). С. 262–263.

⁵ Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития. М., 1915. С. 11.

пути, которым ты шёл, послал меня, чтобы ты прозрел и исполнился Святого Духа. И тотчас как бы чешуя отпала от глаз его, и вдруг он прозрел (выделено мною. — А. П.); и, встав, крестился, и, приняв пищи, укрепился» (Деян. 9:17–18).

Символ веры, описанный в месте, где корсунские попы учат Владимира правильно верить, некоторые исследователи считают арианским (что, конечно, странно). П. Заболотский увидел в этом свободное отношение летописца к оригиналу. Просто ошибкой, по его мнению, это быть не может¹. «В самом деле, — пишет он, — как толковать слова летописного исповедания: «Отець нероженъемъ *старей* Сыну и Духови?» «Старей» можно понимать ... в смысле качественном или временном; как при первом, так и при втором толковании мысль с точки зрения православных догматов еретическая: или Бог Отец следовательно *выше* Сына и Духа, или *старше* по времени»². Нельзя оправдать и термин «подобосущий» вместо «единосущий» — полагает П. Заболотский. П. И. Потапов напротив уверен: из летописного текста Символа веры вытекает, что «природа всех лиц Св. Троицы однородна, единосущна, а не подобосущна»³. Никакой ереси он здесь не видит. А само слово «*подобосущень*», по его мнению, попало в летопись случайно (по недосмотру) из второго перевода Исповедания Синкелла, сделанного малообразованным переводчиком, следившим за буквальной точностью перевода, а не за его смыслом⁴. А. Г. Кузьмин пишет по этому поводу следующее: «Разница в написании этих слов в греческом языке действительно заключалась лишь в одной букве. Первый Никейский собор ввёл понятие *homousios* — единосущность, а ариане (т.н. омийцы) добавляли «йот» — *homojousius*, т.е. подобосущность»⁵. При этом сам Кузьмин склоняется к мнению П. Заболотского, отмечая вслед за ним «старейшиство» Бога Отца по отношению к Сыну и Духу. Судя по толкованию Символа веры в летописи, он всё-таки соответствует ортодоксальному догмату, принятому на Никейском соборе, то есть все ипостаси Троицы признаются здесь единосущными: «... Бог Отец, вечно существую-

¹ Заболотский П. К вопросу об иноземных письменных источниках «Начальной летописи» // Русский филологический сборник. Т. 45. № 1-2. С. 29.

² Там же.

³ Потапов П. И. К вопросу о литературном составе летописи // Русский филологический сборник. 1910. Т. 63. № 1. С. 7.

⁴ Потапов П. И. Указ. соч. С. 11–12.

⁵ Кузьмин А. Г. Западные традиции в русском христианстве // Введение христианства на Руси. С. 37.

щий, пребывает в отцовстве, нерождённый, безначальный ... только нерождением своим старший, чем Сын и Дух; от него же рождается Сын прежде всех времён (то есть, он, как и отец, существует вечно), Дух же Святой исходит вне времени и вне тела; вместе есть Отец, вместе Сын, вместе и Дух святой. Сын же подобосущен Отцу, только рождением отличаясь от Отца и Духа»¹. По смыслу, в данном месте должно было стоять именно «единосущен», а не «подобосущен». В противоположность арианам, автор данного текста не считает Бога Сына ниже Бога Отца, не говорит о том, что он появился позже (коль скоро он рождён и его когда-то не было). Значит, это не более чем ошибка переписчика. Каким образом она оказалась незамеченной, а потом и многократно повторяемой — это уже другой вопрос.

Стенания дьявола о потере своего жилища после крещения Руси, в котором неслышно было учения апостольского и не знали Бога, противоречат рассказу о посещении киевских гор апостолом Андреем. Объясняется это тем, что автор «Повести временных лет» пользовался в этом месте уже готовым рассказом о крещении, взяв его у своего предшественника (автора Начального свода или более раннего). Легенда об апостоле Андрее, как считает А. А. Шахматов, была вставлена самим автором «Повести временных лет»². Сделав это, летописец не стал приводить в соответствие оба текста.

Новый список детей Владимира, поимённо описывающий 12 сыновей князя, противоречит старому списку (под 980 г.), в котором говорилось о 10 сыновьях, двух дочерях и упоминались сразу два Мстислава (в новом списке он один). По мнению И. Н. Данилевского, данный перечень сыновей «направлен на то, чтобы дать оценку самому Владимиру»³ и восходит к родословию одного из библейских персонажей — Измаилу: «Вот родословие Измаила, сына Авраамова, которого родила Аврааму Агарь Египтянка, служанка Саррина; и вот имена сынов Измайловых, имена их по родословию их: первенец Измаилов Наваиоф, за ним Кедар, Адбеел, Мивсам, Мишма, Дума, Масса, Хадад, Фема, Иетур, Нафиш и Кедма. Сии суть сыны

¹ Повесть временных лет. С. 188.

² Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и её источники. С. 149; Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 448.

³ Данилевский И. Н. Библия и Повесть временных лет. С. 85.

Измайловы, и сии имена их, в селениях их, в кочевьях их. Это двенадцать князей племён их» (Быт. 25. 12–16). Отождествляя Владимира с Измаилом, считает Данилевский, (Измаил был старшим сыном Авраама и рабыни Агари), летописец намекает на то, что и русский князь был «робичичем» (хотя об этом ранее и совершенно открыто говорила Рогнеда).

Подробности осады Корсуня с псевдотопографическими деталями, описание крещения Владимира по библейскому образцу, вдруг возникшие «иные версии» крещения, новый список детей, противоречащий старому заставляют настороженно отнестись к рассказу летописца. В то же время сомневаться в самом факте похода на город оснований нет. Сведения «Повести временных лет» о взятии Корсуня и женитьбе Владимира на Анне подтверждаются другими источниками. О захвате русами Херсонеса писал Лев Диакон и «намекал» Титмар Мерзебургский. О военной помощи русов императору Василию сообщал Михаил Пселл. О женитьбе Владимира на Анне и последующем крещении Руси писали византийские хронисты Иоанн Скилица (и повторивший его Георгий Кедрин), Иоанн Зонара, армянский историк Асохик, арабский хронист Яхья Антиохийский (и схожий с ним Ал-Мекин). Однако ход событий описываются ими совершенно по-другому.

Лев Диакон (конец X в.) крещение Руси обходит молчанием, но у него (в отличие от других авторов) есть прямые сведения о захвате русами Херсонеса: «И на другие тягчайшие беды указывал восход появившейся тогда звезды, а также напугавшие всех огненные столбы, которые показались затем поздней ночью в северной части неба; ведь они знаменовали взятие тавроскифами Херсона и завоевание мисьянами Веррии»¹.

Титмар Мерзебургский сообщает о женитьбе короля Руси Владимира на греческой царевне и принятии им христианства, намёком касаясь и его вражды с империей ромеев: «...коснусь несправедливости, содеянной королём Руси (Rusci) Владимиром. Он взял жену из Греции по имени Елена (Helena), ранее просватанную за Оттона III, но коварным образом у него восхищенную. По её настоянию он [Владимир] принял святую христианскую веру, которую добрыми делами не украсил, ибо

¹ Лев Диакон. История. С. 90–91.

был безудержным и жестоким распутником и чинил великие насилия над слабыми данайцами (Danai)»¹. Последняя фраза, как полагают исследователи, намекает на захват Владимиром Херсонеса².

«Продолжатель» Льва Диакона — Михаил Пселл (пер. пол. XI в.) пишет о военной помощи, оказанной русами императору Василию Болгаробойце: «Царь Василий порицал неблагодарных ромеев, и поскольку незадолго, перед тем явился к нему отряд отборных тавроскифских воинов, задержал их у себя, добавил к ним других чужеземцев и послал против вражеского войска. Те застали неприятелей врасплох, готовившихся не противника побить, а вина попить, многих убили, а остальных рассеяли, и поднялся среди мятежников бунт против самого Фоки»³.

Близкую Михаилу Пселлу информацию даёт Иоанн Зонара (пер. пол. XII в.): «Когда Дельфина [патриций, соучастник Варды Фоки] стал лагерем у Хризополя, император внезапно напал на него с народом русским, — ибо вступил в родство с князем русским Владимиром чрез выдачу (за него) сестры своей Анны, — и легко завладевает противниками»⁴.

О военной помощи русов и женитьбе на Анне русского князя упоминает Иоанн Скилица (конец XI в.): «Он ведь призвал их на помощь в войне, сделав архонта Владимира зятем благодаря своей сестре Анне»⁵. Кедрин (вслед за Скилицей) пишет о помощи русов Василию в битве под Хрисополем и мимоходом о женитьбе Владимира на Анне: «...ибо он [Василий] успел призвать их [русов] на помощь и сделать князя их Владимира своим родственником (...зятем), женив (его) на сестре своей Анне...»⁶.

Подобные сведения содержатся и у армянского историка Степаноса Таронского (Асохика). Наряду с данными о женитьбе царя русов на сестре императора и его крещении (вместе со страной), он отмечает, что отряд русов, состоявший из 6 тысяч пеших воинов, оставался в Империи и после разгрома Варды Фоки: «[1000 г.]

¹ Титмар Мерзебургский. «Хроника» // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 4. Западноевропейские источники. С. 72–73.

² Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. С. 166.

³ Михаил Пселл. Хронография. М., 1978. С. 10.

⁴ Цит. по кн.: Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1901. Т. 1. Ч. 1. С. 253.

⁵ Цит. по кн.: Бибиков М. В. BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2004. Т. 1. С. 66.

⁶ Цит. по кн.: Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1901. Т. 1. Ч. 1. С. 252–253.

В самый день отъезда последнего [абхазского царя Багарата] в греческом лагере произошла схватка из-за ничтожной причины ... Из пехотного отряда рузов [русов] какой-то воин нёс сено для своей лошади ... их было 6000 человек пеших, вооружённых копьями и щитами, которых просил царь Василий у царя рузов в то время, когда он выдал сестру свою замуж за последнего. В это же самое время рузы уверовали в Христа»¹.

Рассказ Яхьи Антиохийского (начало XI в.) наиболее полон, хотя и несколько запутан: «И стало опасным дело его [императора Василия], и был им озабочен царь Василий по причине силы его [Варды Фоки] войск и победы его над ним. И истоцились его богатства, и побудила его нужда послать к царю русов, — а они его враги, — чтобы просить их помочь ему в настоящем его положении. И согласился он на это. И заключили они между собой его договор о свойстве, и женился царь русов на сестре Василия, после того как он поставил ему условие, чтобы он крестился и весь народ его страны, а они народ великий ... И послал к нему царь Василий впоследствии митрополитов и епископов, и они окрестили царя и всех, кого обнимали его земли, и отправил к нему сестру свою, и она построила многие церкви в стране русов. И когда было решено между ними дело о браке, прибыли войска русов также и соединились с войсками греков, которые были у царя Василия, и отправились все вместе на борьбу с Вардою Фокою морем и сушей в Хрисополь. И победили они Фоку, и завладел царь Василий приморскою областью, и захватил все суда, которые были в руках Фоки»² <...> «И выступил [989 г.] царь Василий и брат его Константин со своими войсками и с войсками русов и столкнулись с Вардой Фокой в Абидосе — а это близко от берега константинопольского — и победили Фоку; и был он убит в субботу 13 нисана (апреля) того же года, то есть третьего мухаррема 379, и была голова его принесена в Константинополь и там выставлена. И была продолжительность его бунта один год и семь месяцев»³.

¹ Из «Всеобщей истории» Степаноса Таронского Асохика // «Крещение Руси» в трудах русских и советских историков. М., 1988. С. 302.

² Яхья Антиохийский. История // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. Восточные источники. С. 106.

³ Яхья Антиохийский. Император Василий Болгаробойца: извлечения из летописи / Перевод и издание барона В. Р. Розена. СПб., 1883. С. 25.

Подобный рассказ приводит и Абу Шуджа (вт. пол. XI века, продолжатель Ибн Мискавайха). «Когда их [Василия и Константина] положение поколебалось, они вступили в переговоры с царём русов и попросили у него помощи. На это он предложил им выдать за него замуж их сестру. Они оба на это согласились. Но женщина воспротивилась отдать себя тому, кто разнится с ней в вере. Начались об этом переговоры, которые закончились вступлением царя русов в христианство. Тогда брак был заключён, и женщина была подарена ему [царю русов]. Он послал им обоим на помощь великое множество своей дружины, причём все были большой силы и отваги. Когда помощь прибыла в Константинополь, они переправились через море на кораблях для встречи с Вардисом [Фокой]. Тот, глядя на них, не придавал им значения и подшучивал над ними: как это они так самонадеянны в своём предприятии! Едва они высадились на берег и оказались на одной земле с врагом, как разгорелся между ними бой, и победителями вышли русы. Они убили Вардису [Фоку], и войска его рассеялись»¹. В переводе Абу Шуджи, которым пользовался А. Поппэ, есть некоторые расхождения. После слов о выдаче замуж византийской принцессы, говорится: «Царь же русов отправил часть крестившихся с ним воинов, людей сильных и мужественных, на помощь им»².

Многие перечисленные источники одновременны или хронологически близки описываемым событиям, и все они (частью независимо друг от друга) увязывают крещение Руси и князя Владимира с восстанием Варды Фоки, помощью, оказанной русским князем императору Василию в подавлении мятежа и женитьбой Владимира на сестре императора Анне. Остаётся неясной последовательность событий и датировка некоторых из них (битва под Хрисополем, взятие Херсонеса, брак и крещение Владимира). По этим вопросам ведётся длительная и непрекращающаяся полемика.

Е. Е. Голубинский считает, что Владимир взял Корсунь до оказания помощи византийским императорам. Иначе ему пришлось бы одновременно воевать с греками и оказывать им помощь. «...Людям, с которыми воюют, — пишет он, — не ока-

¹ Абу Шуджа Ар-Рудравири. Продолжение книги испытаний народов и осуществления заданий // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. Восточные источники. С. 108.

² Поппэ А. Политический фон крещения Руси... С. 209.

зывают в то же время помощи»¹. Крайней датой взятия города он называет 13 апреля 989 года — время разгрома Варды Фоки под Авидосом. Крещение самого Владимира он относит к 987 году (со ссылкой на Иакова Мниха и «Житие Бориса и Глеба» Нестора)².

В. Г. Васильевский, опираясь на данные Ал-Мекина и Ибн-ал-Атира, которые, по его мнению, обладали хорошими и современными событиями источниками, предположил личное участие Владимира в подавлении восстания Варды Фоки. Изучив целый комплекс данных, подтверждающих или опровергающих эту мысль, он оставил вопрос открытым. «Мы привели целый ряд свидетельств, — пишет он, — но только одно из них говорит прямо и недвусмысленно в пользу арабского свидетельства о личном присутствии Владимира в Константинополе. Вопрос должен пока остаться нерешённым»³. Особую надежду исследователь возлагал на издание подлинного греческого текста Иоанна Скилицы, в латинском переводе которого есть упоминание о том, что император Василий, переправляясь через пролив, поручил командовать флотом русскому князю Владимиру (Bladimero). Кедрин, который копировал текст Скилицы, эти слова не приводит. Остаётся неясным — латинский переводчик позволил себе вольность и добавил текст от себя или Кедрин его опустил?⁴ Этот вопрос и надеялся разрешить с помощью нового перевода В. Г. Васильевский. Время похода на Корсунь он увязывал с небесными явлениями, отмеченными Львом Диаконом и арабскими хронистами. По его мнению, город был взят после появления огненных столбов (указано Львом Диаконом) 7 апреля 989 г. (датировано по ал-Мекину)⁵.

М. В. Левченко поход на Корсунь относит к периоду между апрелем — июнем 989 года⁶. Для уточнения даты похода Владимира он привлекает данные Льва Диакона, Яхьи Антиохийского и Ал-Мекина об огненных столбах (северном сиянии?), которые видели в Каире, (7–12 апреля). Согласно сообщению Льва Диакона, небес-

¹ Голубинский Е. Е. История русской церкви. М., 1901. Т. 1. Ч. 1. С. 131.

² Там же. С. 130.

³ Васильевский В. Г. Русско-византийские отрывки // Труды В. Г. Васильевского. СПб., 1909. Т. 2. Вып. 1. С. 98.

⁴ Васильевский В. Г. Русско-византийские отрывки. С. 93.

⁵ Там же. С. 100.

⁶ Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 360.

ное явление предшествовало (так трактует его слова Левченко, ссылаясь на перевод В. Г. Васильевского) взятию русами Херсонеса. На июнь, по словам М. В. Левченко, приходится явление кометы, освещавшей небосклон в течение 20 дней, начиная с 27 июня. О ней сообщают армянский историк Асохик, (он датирует её серединой августа 989 года) и Яхъя Антиохийский, по данным которого, появление кометы относится к 27 июля (у Левченко — июня) того же года: «И появилась звезда хвостатая на западе в ночь на воскресенье ... (27 июля 989)»¹. М. В. Левченко придерживается мнения, что поход Владимира был вызван нежеланием Василия выполнять условия договора. Захватывая Корсунь, русский князь вынуждал императора отдать ему в жёны Анну².

А. Поппе (1978 г.), признавая, что Херсонес был взят Владимиром в промежутке между двумя небесными явлениями (7 апреля — 27 июля 989 года) считает, что поход «имел целью поддержать византийского императора, шурина Владимира, и был направлен на подавление мятежа»³, а не для того, чтобы вынудить Василия исполнить договорённости. По мнению А. Поппе, ни одна из сторон не была заинтересована в срыве соглашения. Он полагает, что Херсонес мог примкнуть к мятежу Фоки, поскольку в его власти были тогда все провинции империи, расположенные на малоазийском побережье Чёрного моря, без поддержки которых Херсонес выжить не мог⁴. Однако ни один источник даже не намекает на это. В качестве доказательства польскому исследователю служит лишь хронология событий, которую он сам же и восстанавливает, частично с опорой на источники, частично исходя из логики и расчётов. Переговоры о военной помощи начались, по его мнению, когда Василий узнал о мятеже Фоки. Он сразу же отправил посольство в Киев, наделив его всеми необходимыми полномочиями. Это должно было случиться не позже мая — июня 987 года. До Киева посольство могло добраться в лучшем случае за тридцать, в худшем за пятьдесят суток⁵. На сбор войска в несколько тысяч человек ушло бы ещё несколько месяцев. В конце апреля или в мае 988 года русы могли выдвинуться

¹ Яхъя Антиохийский. Император Василий Болгаробойца... С. 29.

² Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. С. 359–360.

³ Поппе А. Политический фон крещения Руси... С. 212.

⁴ Там же. С. 222.

⁵ Поппе А. Политический фон крещения Руси... С. 226.

в путь. До Константинополя войско могло добраться за месяц¹. Некоторое время, по его мнению, было затрачено на подготовку и акклиматизацию русского корпуса. Сражение под Хрисополем Поппэ переносит на январь — февраль 989 года². Владимир, полагает исследователь, должен был прибыть под Херсонес не ранее осени 988 года, когда и началась осада, завершившаяся после 7 апреля 989 года. Крещение русского князя, считает он, произошло до прибытия Анны, 6 января 988 года, а киевлян — на Троицу, летом 988 года³.

Некоторые построения исследователя кажутся убедительным. Известно, что русский корпус остался служить Василию и после подавления мятежа Варды Фоки. Есть данные об участии русов в болгарской кампании 991 года и на востоке империи с 995 года⁴. Маловероятно, чтобы Владимир, продолжая помогать византийскому василевсу, одновременно предпринял осаду Херсонеса, обеспечивая себе право на руку сестры императора⁵.

Н. М. Богданова полагает, что сначала Владимир захватил Корсунь, а потом уже к нему прибыло посольство о помощи. Она ссылается на то, что после договора Святослава 971 года и до корсунского похода Русь не была враждебна Византии. Между тем Яхья, сообщая о посольстве греков к Владимиру, называл русов врагами Империи⁶. По её мнению, русское войско, которое участвовало в битве при Хрисополе и Авидосе (Абидосе), было отправлено к Василию в апреле–сентябре 988 года. Мнение о том, что Херсонес был взят после явления огненных столбов, которые видели в Каире 7 апреля 989 года, она отвергает. Н. М. Богданова считает отождествление явлений, описанных Львом Диаконом и Яхьей Антиохийским неверным. Последний имел в виду не северное сияние, считает она, а извержение вулкана. Описание огненных столбов арабским хронистом действительно напоминает извержение вулкана: «И случились в Каире в ночь на субботу 27-го Зу-л-Хидджи 378 (7 апреля

¹ «Движение вниз по Днепру заняло бы от двадцати до тридцати дней, каботаж по Чёрному морю — шесть дней. Быстроходная военная флотилия могла, таким образом, пройти расстояние от Киева до Константинополя за двадцать шесть — тридцать дней и даже при меньшей скорости войти в Босфор в июне» (Поппэ А. Политический фон крещения Руси... С. 228).

² Поппэ А. Политический фон крещения Руси... С. 232.

³ Там же. С. 236–237.

⁴ Поппэ А. Политический фон крещения Руси... С. 213.

⁵ Там же. С. 213–214.

⁶ Богданова Н. М. О времени взятия Херсона князем Владимиром // Византийский временник. М., 1986. Т. 47. С. 42.

989) гром и молния и буря сильная и не переставали они до полуночи. Потом покрылся мраком от них город и была тьма, подобия которой не видывали, до самого утра. И вышло с неба подобие огненного столба и покраснели от него небо и земля весьма сильно. И сыпалось из воздуха премного пыли, похожей на уголь, которая захватывала дыхание, и продолжалось это до четвёртого часа дня»¹. Поход русов на помощь византийским императорам и взятие Херсонеса Владимиром она относит к 988 году потому, что эта датировка не противоречит данным о явлении кометы летом 989 года. Если, убрать первое ограничение — 7 апреля 989 г. (что Богданова и делает) — то, его действительно, можно датировать и 988 годом. Отвергая сделанный В. Г. Васильевским перевод текста Льва Диакона о явлении огненных столбов, она предлагает собственный вариант — столбы не «предсказывали» (как у Васильевского), а «указывали» (а значит, предшествовали) взятию тавроскифами (русами) Херсонеса. То есть поход состоялся не после, а до появления в небе огненных столбов². Главным мотивом, основанным на полном доверии русской летописи, здесь служит желание подтвердить достоверность сведений «Повести временных лет».

О. М. Рапов датирует взятие Корсуня апрелем — маем 990 года. С лета 988 г. по апрель 989 года Владимир выступает в источниках как друг и союзник византийских василевсов, отмечает он. Русский князь помогает императору Василию одолеть Варду Фоку в битве под Хрисополем (лето 988 г.) и Авидосом (апрель 989 г.). До осени 989 года Владимир ждал и даже ходил к порогам встречать Анну, но так и не дождался своей суженой. Поняв, что греки его обманули, он осадил Херсонес, надеясь принудить василевсов выполнить условия договора. Рапов полагает, что подтверждением того, что Херсонес не мог быть взят ранее 990 года, может служить явление кометы, которая была видна на небе в конце июля — августе 989 года³ и страшное землетрясение в Константинополе, случившееся после него — согласно Льву Диакону, в день великомученика Димитрия (26 октября)⁴. Иоанн Геометр,

¹ Яхья Антиохийский. Император Василий Болгаробойца... С. 28–29.

² Богданова Н. М. О времени взятия Херсона князем Владимиром. С. 46.

³ Считая указания Льва Диакона и Яхьи Антиохийского на огненные столбы разными явлениями, он отождествляет комету, которая предвещала взятие Корсуня и комету Галлея, которую видели в конце лета 989 года.

⁴ Лев Диакон. История. С. 91.

Асохик и Яхъя Антиохийский¹ однозначно указывают на то, что землетрясение это было в 989 году². Следовательно, считает О. М. Рапов, данные Льва Диякона позволяют говорить о том, что русы взяли Корсунь после 26 октября 989 года. Исходя из того, что разрыв между греками и русами произошёл после Авидосского сражения, исследователь делает вывод, что осада Херсонеса началась осенью 989 года, продолжалась 9 месяцев (здесь он ссылается на житие князя Владимира особого состава) и закончилась в мае 990 года³.

А. Л. Никитин, ссылаясь на данные Яхьи Антиохийского и некоторые другие источники, возвращается к идее Васильевского о том, что Владимир лично участвовал в подавлении восстания Варды Фоки, и утверждает, что князь крестился в главном храме Константинополя Святой Софии и там же венчался на Анне⁴.

А. А. Роменский считает, что наиболее вероятным временем похода на Корсунь является лето 987 года. Осада города началась в августе – сентябре 987 года (в более поздней работе он указывает на июнь – июль 987 года⁵), а сдался Херсонес в апреле – мае 988 года после 9-месячной блокады (марте – апреле 988 г.). Основным доказательством для него являются события в империи, отражающие изменения в политической обстановке того времени. Исследователь обращает внимание на то, что наиболее плачевным положение василевса Василия было весной 988 года (об этом писал В. Г. Васильевский⁶ и другие), когда он издал эдикт об отмене постановлений против развития монашества. Следовательно, переговоры между императором и русским князем не могли начаться раньше апреля 988 года. До этого момента, полагает он, Русь действовала в союзе с болгарами⁷.

Действительно, надежды исследователей решить проблему с помощью сопоставления небесных явлений, отмеченных Львом Дияконом и арабскими хронистами, оказались тщетными. Историография вопроса свидетельствует, что возможны

¹ Там же. Примечания. С. 222.

² Рапов О. М. Русская церковь. С. 230.

³ Там же. С. 238.

⁴ Никитин А. Л. Основания русской истории... С. 248.

⁵ Роменский А. А. Корсунский поход князя Владимира: обстоятельства осады и захвата города // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. № 1 (63). С. 13.

⁶ Васильевский В. Г. Русско-византийские отрывки. С. 57–58.

⁷ Роменский А. А. Ещё раз о причинах Корсунского похода Владимира Святославича // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Збірник наукових праць. Харьков: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2011. Вип. 14. С. 49–50.

различные толкования, дающие довольно широкий разброс мнений. Взятие Корсуня Владимиром датируется исследователями с опорой на одни и те же источники — от 988 до 990 года. Неясным остаётся последовательность событий: данные «Повести временных лет» противоречат указаниям Иакова Мниха (в летописи Владимир крестится в Корсуне, а в «Памяти и похвале» Иакова — поход на Корсунь происходит на третий год после крещения); ещё больше смуты вносит учёт житийных версий событий (6 или 9 месяцев осады города, водопровод или дорогу перекопал Владимир, Анастас или варяг Ждьберн пустил стрелу с запиской); нет точных данных о том, зачем и в какое время Владимир отправляется на греческий город — до оказания помощи византийским императорам или после, чтобы вынудить их выполнить соглашение о браке с Анной. Летопись, «Память и похвала» Иакова, жития Владимира об этом не сообщают (они вообще не знают о помощи грекам ничего). Лев Диакон говорит о взятии Херсона тавроскифами, но молчит о помощи Владимира в подавлении мятежа Фоки; Яхья Антиохийский, Асохик и другие авторы сообщают о помощи, но ни слова не говорят о взятии русами Херсона. Однозначно решить все эти вопросы пока не представляется возможным. Можно предложить только очередную версию событий. При этом придётся пренебречь подробным рассказом русской летописи, поскольку он никак не согласуется с данными других источников (кроме самого факта крещения и захвата Владимиром Херсонеса).

Как известно, в распоряжении исследователей есть только две точные даты: 4 апреля 988 года — эдикт об отмене постановлений Никифора Фоки и 13 апреля 989 г. — разгром Варды Фоки под Авидосом. Эдикт, изданный Василием в начале апреля 988 года, был актом отчаяния. Все беды, которые обрушились на империю, связываются автором документа с постановлением Никифора против монахов: «... законы о Божиих церквах и богоугодных домах, изданные нашим предшественником Кир-Никифором, были причиной и корнем всех настоящих бедствий ... ибо с тех пор, как это законодательство вошло в силу, мы до настоящего дня (4 апреля 988 г.) не видели никакого добра в нашей жизни...»¹. Этот момент в правлении Василия можно признать высшей точкой кризиса, вынудившего его обратиться к своему вра-

¹ Цит. по кн.: Васильевский В. Г. Русско-византийские отрывки. С. 58.

гу Владимиру (свидетельство Яхьи Антиохийского и других арабских авторов): к тому времени болгары взяли Веррию, а Варда Фока захватил всю Малую Азию. Тогда же, по всей видимости, Владимир обрушился на Корсунь. Не думаю, что это произошло после оказания помощи грекам. Участие русского корпуса в делах империи после сражения под Авидосом, свидетельствует о том, что отношения Руси и Византии оставались дружественными и после разгрома мятежников.

Несчастья Василия начались после поражения от болгар 17 августа 986 года. После этого болгары должны были захватить Веррию (Василий вернул город только в 991 г.). В этом же году восстал Варда Скляр, а 15 августа 987 года начался мятеж Фоки. Вряд ли русский князь ждал этого момента (тогда уже бушевал мятеж Скляра), и совсем невозможно — 988 года. В этом случае, не осталось бы времени на захват Херсонеса и переговоры о браке и крещении. Поход Владимира в Крым, скорее всего, начался в апреле 987 года — обычное время для навигации по Днепру, к устью реки он должен был подойти в начале — середине июня. Стало быть, Херсонес мог быть взят им, примерно, в конце июня или, если осада затянулась, осенью того же года. Вряд ли город оказал русам серьёзное сопротивление, ввиду того, что мятежник Фока контролировал единственный путь к Херсонесу (через Гераклею в Вифинии), а об участии города в мятеже данных нет. Свидетельство жития Владимира о 6-месячной или 9-месячной осаде, можно поставить под сомнение — более ранние источники об этом не сообщают, а жития возникли поздно, и сведения о времени осады могли быть просто выдуманы. Когда Василий обратился к русскому князю за помощью, Владимир мог ещё находиться в Корсуне. В этом случае у него было около полумесяца — месяц на переговоры с императором, стало быть, апрель — май 988 года. В июне Владимир должен был креститься в Корсуне вместе со своим воинством (шестью тысячами отборных воинов, о которых пишет Асохик) и отправиться вместе с ними (свидетельство Абу Шуджа) в Константинополь решать вопрос о браке и инсигниях (которых он, очевидно, и добивался). В своё время В. Г. Васильевский (предполагавший личное участие Владимира в подавлении мятежа Фоки), высказывал мысль, что «в истории о присылке регалий первоначально

разумелся не Владимир Мономах, а Владимир Святой»¹. Брак, видимо, был заключён в Константинополе, поскольку отправлять Анну в Корсунь во время мятежа (мимо подконтрольных Фоке провинций) было опасно. Владимир с царскими регалиями, новой женой и частью войск отправился на Русь (снова через Корсунь) уже после подавления мятежа Фоки, то есть в мае – июне 989 года. Крещение Киева и его окрестностей в этом случае можно отнести к августу – сентябрю 989 года.

Что касается сообщения Льва Диакона об огненных столбах, предвещавших (или знаменовавших) взятие Херсона тавроскифами (русами) и Веррии мисянами (болгарами), вероятно, имелась в виду всё та же комета 975 года, напугавшая империю. Лев Диакон рассматривал появление новой кометы в 989 году как её возвращение и связывал с землетрясением 26 октября 989 г.

Итак, составляя свой рассказ о крещении Руси, летописец воспользовался различными версиями, которые нашёл у своих предшественников, соединил их вместе, выбрав один из трёх вариантов. Скорее всего, первый его источник завершался крещением Владимира в Киеве, второй — в Васильеве, а третий в Корсуне (он и был поддержан автором «Повести временных лет»). Рассказ летописца о крещении Владимира и Руси выдаёт полное незнание автором подлинных событий: ему ничего не известно о восстании Варды Фоки в Византийской империи, просьбе о помощи императора Василия и участии русов в подавлении мятежа, то есть всего того, что привело в конечном итоге к смене религии в Русской земле. Ему были известны только отзвуки этих событий: он знал, что Владимир ходил на Корсунь (не знал когда и зачем), что крестился на 10 лето после гибели Ярополка (то есть в 988 году), женившись перед этим на византийской царевне Анне, и жил в крещении 28 лет. Степень достоверности представленной им истории крайне низкая и нуждается в серьёзной корректировке. Без критического анализа опираться на летописные данные по этому вопросу нельзя.

Третья часть рассказа о жизни и деятельности Владимира начинается с описания благих свершений князя. Под **989** годом говорится о начале строительства Де-

¹ Васильевский В. Г. Русско-византийские отрывки // Труды В. Г. Васильевского. СПб., 1909. Т. 2. Вып. 1. С. 98.

сятинной церкви. Для её возведения Владимир набрал мастеров из Византии. Здесь же сказано, что после сооружения храма он украсил её иконами, передал туда сосуда и кресты (всё, что вывез из Корсуня) и поручил храм Анастасу.

Сведения летописи о начале строительства храма Богородицы не совпадают (как об этом было сказано ранее) с версией Иакова Мниха, согласно которой, Владимир заложил церковь на 4-е лето после крещения, то есть в 991 году. По данным археологических раскопок Десятинная церковь датируется с трудом. Храм был разрушен во время монгольского нашествия и сохранился плохо. Археологические раскопки не позволили установить тип храма. Существуют три основные версии: 1) шестистолпный, подобный Успенскому собору Киево-Печерского монастыря (М. К. Каргер); 2) крестово-купольный с изолированными боковыми рукавами пространственного креста, подобно Спасскому собору в Чернигове (Н. В. Холостенко, А. И. Комеч, Ю. С. Асеев); 3) центрически организованный крестово-купольный, окружённый галереями, подобно Софии Киевской (О. Повстенко, Г. Ф. Корзухина, Г. Н. Логвин)¹. Судя по тому, что здание было возведено по византийским технологиям проектирования и строительства, его действительно возводили греческие мастера. Основным материалом для строительства послужила квадратная плинфа (некоторые кирпичи имеют греческие клейма), уже в XI веке уступившая место прямоугольной (как у Софийского собора). Для храма характерна черепичная кровля (в домонгольское время больше нигде не встречается) и кирпичная кладка в технике утопленного ряда². Всё это позволяет датировать храм концом X века.

Что касается Анастаса, кроме «Повести временных лет» и поздних источников, его никто не знает. Последний раз в «Повести» Анастас упоминается под 1018 годом. Согласно летописи, после избиения поляков Святополком *«Болеславъ же побеже ис Кыева, възма именье и бояры Ярославле и сестре его, и Настаса пристави Десятиннаго ко именью, бе бо ся ему ввериль лестью»*³. Предполагается, что именно его подразумевает Титмар Мерзебургский, когда пишет, что «прибывших [Боле-

¹ Ёлшин Д. Д. Софийский собор и Десятинная церковь: к вопросу об архитектурных параллелях // Архитектурное наследие. Вып. 54. М., 2011. С. 27.

² Ёлшин Д. Д. Софийский собор и Десятинная церковь: к вопросу об архитектурных параллелях. С. 27.

³ Повесть временных лет. С. 63.

слава и Святополка] с почестями, с мощами святых и прочим всевозможным благолепием встретил архиепископ этого города»¹. Позже, по данным Титмара Мерзбургского, Болеслав отправил это самого архиепископа на переговоры к Ярославу². Можно полагать, что Анастас (в отличие от житийного Ждьберна) лицо историческое и очень похоже на то, что «Повесть временных лет» оказалась права, называя его человеком, который помог Владимиру захватить Корсунь. И наш летописец, и немецкий хронист в один голос свидетельствуют — корсунский поп умел входить в доверие.

Под **991** годом (990 год в «Повести временных лет» отсутствует) помещено краткое сообщение о строительстве Белгорода, заселённого тем же способом, что и безымянные города-крепости, о которых рассказывалось в конце статьи 988 года. Этот метод освоения нового пространства не является оригинальным. Летописец изложил типичный способ заселения нового города, практиковавшийся в то время киевскими князьями и русскими царями в XVII веке. Об этом мне уже приходилось писать³. Археологические материалы действительно позволяют отнести строительство города к временам князя Владимира. Однако подтвердить дату постройки, указанную здесь, они не могут. Одним из оснований датировки является конструкция вала города, типичная для конца X столетия. Она предполагает сочетание срубов внутри вала и кладку из сырцового кирпича⁴.

Статья **992** года посвящена основанию Переяславля. Начинается рассказ с упоминания о походе на хорватов, после возвращения из которого, Владимир пошёл встречать печенегов на Трубеж — левобережный приток Днепра. И встали русичи на одной стороне реки, а печенеги на другой, и никто не решался перейти. Наконец печенежский князь предложил решить дело единоборством. Владимир согласился, но долго не мог найти подходящего воина. Один старый муж предложил князю опробовать его меньшего сына, который остался дома. «Однажды, — говорил старец, — я бранил его, а он мял кожу, так он рассердился на меня и разодрал кожу ру-

¹ Титмар Мерзбургский. Хроника // Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. С. 142.

² Там же. С. 143.

³ Поляков А. Н. Киевская Русь как цивилизация. 2-е изд. С. 120.; Поляков А. Н. Особенности древнерусской цивилизации // Вестник ОГУ. 2016. № 12. С. 93.

⁴ Древняя Русь. Город. Замок. Село. С. 67.

ками»¹. Во время испытания юноша вырвал кусок кожи с мясом у пробежавшего мимо быка. «Можешь бороться» — одобрил его выбор Владимир. И не ошибся. Поединок с печенегом завершился безоговорочной победой кожемяки, который просто взял и удавил огромного печенега руками. Владимир после этого заложил город у того брода, где состоялся бой с печенегами и назвал его Переяславлем, «ибо перенял славу отрок тот»² — поясняет летописец. Юношу князь сделал «великим мужем», и отца его тоже.

Рассказ имеет все признаки народного предания. Название города достаточно прозрачно. Оно произошло от личного имени «Переяслав» — перенявший, унаследовавший славу³. Трудно сказать, что здесь является причиной, а что следствием: название города послужило основой для легенды или легенда отражает реальное событие. Археологические раскопки показали, что «валы детинца и окольного города были сооружены одновременно в технике, характерной для времени Владимира Святославича: сочетание деревянных конструкций с сырцово-кирпичной кладкой»⁴. Более ранних сооружений найти не удалось.

Три последующих года летописец ничем не заполнил: 993-й в «Повести временных лет» отсутствует вообще, а два других (994 и 995) пустые. Под 996 годом снова рассказывается о завершении строительства Десятинной церкви. «Увидел Владимир, — пишет летописец, — что церковь построена, вошёл в неё и помолился Богу, говоря так: “Господи Боже! Взгляни с неба и воззри. И посети сад свой. И сверши то, что насадила десница твоя, — новых людей этих, сердце которых ты обратил к истине познать тебя, Бога истинного. Взгляни на церковь твою, которую создал я, недостойный раб твой, во имя родившей тебя матери приснодевы Богородицы. Если кто будет молиться в церкви этой, то услышь молитву его, ради молитвы пречистой Богородицы”. И помолившись Богу, сказал он так: “Даю церкви этой святой Богородицы десятую часть от богатств моих и моих городов”. И установил так, написав завет в церкви этой, сказав: “Если кто отменит это, — да будет про-

¹ Повесть временных лет. С. 192.

² Повесть временных лет. С. 192.

³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. 3. С. 241.

⁴ Древняя Русь. Город. Замок. Село. С. 70.

клят”. И дал десятую часть Анастасу Корсунянину. И устроил в тот день праздник великий боярам и старцам градским, а бедным роздал много богатств»¹.

К этому рассказу примыкает сказание об основании церкви Преображения в Василеве. Пришли печенеги к Василеву, сообщает летописец, и вышел против них Владимир с небольшой дружиной. Проиграв битву, он спрятался под мостом, где пообещал поставить церковь в городе, если ему удастся избежать смерти. Когда же это случилось, он выполнил обещанное и устроил великий пир, наварив для этого 300 мер хмельного мёда, а бедным раздал 300 гривен. Праздник длился, по словам летописца, восемь дней. Возвратившись в Киев в день Успенья святой Богородицы, он вновь устроил большой праздник. И так он делал постоянно, отмечает летописец.

Затем рассказывается о многочисленных пирах, которые устраивал Владимир и о его отношении к дружине. Узнав из Библии, что благословен тот человек, который милует и даёт займы, князь приказал снарядить телеги и, наложив в них хлеба, мясо, рыбу, плоды, мёд и квас в бочках, возить их по городу, выискивая больных, нищих и беспомощных. Он разрешил всякому желающему приходить на княжий двор и брать, всё что захочется, даже деньги из казны. Бояре, гриди, сотские, десятские и лучшие мужи могли пировать у князя в его присутствии и в его отсутствии. Однажды они посетовали, что едят деревянными ложками. Услышав это, Владимир велел сделать им серебряные, заметив: «Серебром и золотом не найду себе дружины, а с дружиною добуду серебро и золото, как дед мой и отец с дружиною доискались золота и серебра»². Так поступал князь потому, что любил дружину и с нею совещался об устройстве земли своей, и о войне, и о законах. И жил Владимир в мире со всеми странами, пишет автор летописи.

Завершается статья 996 года рассказом об отношении князя Владимира к разбойникам. После крещения, отмечает летописец, князь жил в страхе Божьем, перестав наказывать разбойников. В результате количество разбоев многократно увеличилось. Епископы ему пояснили: «Ты поставлен Богом для наказания злым, а доб-

¹ Повесть временных лет. С. 192–193.

² Повесть временных лет. С. 193.

рым на милость. Следует тебе казнить разбойников, но расследовав»¹. Тогда Владимир отверг виры и начал казнить преступников. Видимо, доходы казны после этого упали, и те же епископы и старцы сказали ему: «Войн много у нас; если бы была у нас вира, то пошла бы она на оружие и на коней»². Владимир вновь согласился и стал жить по заветам отца и деда.

Статья довольно содержательная и состоит из нескольких самостоятельных рассказов. Летописная датировка завершения строительства Десятинной церкви совпадает с датой, которая вычисляется на основе данных Иакова Мниха (на 9 лето после крещения). Текст сообщения, как заметил И. Н. Данилевский, не смотря на «эффект присутствия автора», имеет истоки в Библии. «... Едва ли не все «подробности», — отмечает он, — связанные непосредственно с именем Владимира Святославича, заимствованы из библейского описания строительства Соломоном Храма Господня в Иерусалиме»³. Исследователь обращает внимание на то, что подобная традиция использования текстов Священного писания бытовала на протяжении всего летописного периода. В качестве примера он приводит рассказ о разводе Василия III с Соломонией Сабуровой, построенном на основе текста «Протоевангелия Иакова». «Приведенные сопоставления, — делает заключение И. Н. Данилевский, — показывают, что данные описания вряд ли можно использовать в качестве источника, который способен дать адекватное представление о том, «как всё было на самом деле». Зато мы получаем уникальную информацию о том, какой смысл вкладывал летописец в описание строительства в Киеве и Василеве»⁴. Речь идёт о сопоставлении Владимира и Соломона.

Сведения о милостынях, которые Владимир раздавал больным и нищим, подтверждаются Титмаром Мерзебургским: «Услыхав от своих проповедников о горящем светильнике, названный король [Владимир] смыл пятно содеянного греха [речь идёт о блюде], усердно [творя] щедрые милостыни»⁵. Впрочем, как замечает А. В.

¹ Там же. С. 194.

² Там же.

³ Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. С. 108.

⁴ Там же. С. 110.

⁵ Титмар Мерзебургский. Хроника // Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. С. 141.

Назаренко, это может быть всего лишь клише. Аналогичные похвалы он раздавал венгерскому королю Гезе и супруге Болеслава Эмнильде¹.

Пирьы Владимира, кроме текста данной статьи, воспеты в русских былинах, в которых выступают в качестве одного из общих мотивов повествования². Историками они признаются важной частью общественной и государственной жизни Киевской Руси. И. Я. Фроянов отмечает: «Пир князя с дружиной относится к числу заурядных летописных сцен»³. А. Ю. Карпов в качестве основы княжеских пиров видит «представления славян о единении князя с подвластной ему землёй, о щедрости как одной из необходимых добродетелей князя и изобилии как проявлении дарованной ему свыше сверхъестественной силы»⁴. Правда, отождествлять былинного Владимира и реального Владимира Святославича полностью нельзя, как нельзя относить подобную деятельность князя только к указанному в летописи времени.

Рассказ о введении казней вместо вир и возвращение к ним обратно призван показать, по всей видимости, глубину преобразования личности Владимира. Он не только раздаёт милостыни, очень щедр ко всем, живёт в страхе Божьем, но ещё и во всём слушается епископов. Завершающая фраза о том, что Владимир стал жить по заветам отца и деда, позволяет И. Н. Данилевскому усматривать в этом противоречие, поскольку они не были христианами⁵. Он считает, что выражение «*И живяше Володимерь по устроенью отьню и дедню*»⁶ восходит к библейскому тексту: «И возлюбил Соломон Господа, ходя по уставу Давида, отца своего» (4 Цар. 3:3). Впрочем, летописец мог иметь в виду только «взимание вир» вместо казни, введённой по настоянию епископов. В этом случае противоречия не возникает. Тем не менее, библейские истоки у данного выражения вполне вероятны.

Под **997** годом в «Повести временных лет» помещено предание о «белгородском киселе». Согласно летописи, Владимир отправился тогда в Новгород собирать воинов для борьбы с печенегами. А печенеги, воспользовавшись отсутствием князя,

¹ Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. С. 177.

² Фроянов И. Я., Юдин Ю. И. Былинная история. СПб., 1997. С. 103.

³ Фроянов И. Я. Киевская Русь: очерки социально-политической истории // Фроянов И. Я. Начала русской истории. М., 2001. С. 551.

⁴ Карпов А. Ю. Владимир Святой. М., 2015. С. 292.

⁵ Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы... С. 168.

⁶ Повесть временных лет. С. 56.

осадили Белгород. В городе начался сильный голод. Горожане собрались на вече, и решили сдаться. Один старец, который отсутствовал на собрании, узнав о решении, попросил людей потерпеть ещё три дня. Он посоветовал собрать в городе по горсти овса, пшеницы или отрубей. Повелел женщинам сделать болтушку, из которой варят кисель, и налить её в кадь, врытую в землю. Другую кадь наполнили сладкой сытой, сделанной из мёда, взятого из княжеской медуши. После этого белгородцы пригласили в город печенегов, и заявили им: «Зачем губите себя? Разве можете перестоять нас? Если будете стоять и 10 лет, то что сделаете нам? Ибо имеем мы пищу из земли. Если не верите, то посмотрите своими глазами»¹. И показали им бочки, врытые в землю. Сварили кисель, накормили печенежских посланцев и дали им с собой. После этого осада города была снята.

Данный рассказ воспроизводит народную легенду и практически не касается деятельности самого Владимира. Главным героем здесь выступает некий старец, придумавший способ обмануть печенегов и снять осаду. Князь только упоминается в начале повествования — он будто бы отправился в Новгород, собирать воинов. Тем самым оправдывается его отсутствие и полная непричастность к обороне города, который он *«бе бо любя»*.

Вплоть до 1014 года, предваряющего описание смерти Владимира, помещён ряд кратких, несвязанных между собой, известий. Два года — 998 и 999 гг. — не заполнены. Затем несколько статей касаются полоцкой тематики (1000-й, 1001-й, 1003-й), после чего летописец снова возвращается к событиям в столице. Под 1000-м годом говорится о смерти некой Малфриды (кто это, не поясняется) и матери Ярослава Рогнеды. Под 1001 годом стоит известие о смерти Изяслава — сына Владимира и отца Брячислава (оба — Изяслав и Брячислав — полоцкие князья). Следующий (1002) год снова пустой. Под 1003 годом сообщается о смерти Всеслава Изяславича, внука Владимира. Под 1007 годом (1004, 1005 и 1006 гг. — пустые) говорится о перенесении святых в Десятинную церковь. Каких именно не поясняется. После очередного пропуска ряда лет (1008, 1009, 1010), под 1011 годом упоминается смерть

¹ Повесть временных лет. С. 194.

царицы Анны, жены Владимира. Следующие — 1012 и 1013 годы — снова не заполнены событиями.

Исследователи обычно признают эти записи достойными доверия. А. А. Шахматов и А. А. Куник полагают, что они восходят к синодику или помяннику киевских князей. А. А. Гиппиус считает, что известия правильней возводить к примитивным анналам («малым анналам»), которые, как и данный текст, в значительной степени состоят из записей смертей¹. Проверить эти догадки трудно, если вообще возможно — других источников об этих же событиях неизвестно. Некоторые вопросы возникают в связи с упоминанием Титмаром Мерзебургским мачехи Ярослава Владимировича. Немецкий хронист, рассказывая о захвате Болеславом и Святополком Киева, пишет: «Там же [в Киеве] была мачеха упомянутого короля [Ярослава], его жена и девять сестер ...»². Ввиду того, что в летописи под 1011 годом отмечается смерть царицы Анны (которая и была мачехой Ярославу), исследователи склонны думать, что Владимир после этого успел ещё раз жениться. Назывались даже конкретные имена, кто бы это мог быть³. Однако ни один из источников (в том числе и летопись) не сообщает о двух браках Владимира после крещения. Более того, известно, что в отличие от «Повести временных лет», Иоанн Скилица пишет о том, что Анна умерла после смерти Владимира. А. В. Назаренко, комментируя этот факт, отдаёт предпочтение русской летописи, ссылаясь на то, что Титмар Мерзебургский отмечает, что супруга Владимира (Анна) «покоилась рядом с мужем в Десятинной церкви»⁴. Речь идёт о фразе: «похоронен [Владимир] в большом городе Киеве в церкви мученика Христова папы Климента рядом с упомянутой своей супругой, [так что] саркофаги их стоят на виду посреди храма»⁵. Считается, что под «упомянутой супругой» князя подразумевается Анна, ошибочно названная Титмаром Еленой⁶. Однако Иоанн Скилица сообщает, что Анна умерла в 1020 году⁷. Если

¹ Гиппиус А. А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама. С. 50.

² Титмар Мерзебургский. Хроника // Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. С. 142.

³ Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. С. 192.

⁴ Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. С. 192.

⁵ Титмар Мерзебургский. Хроника // Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. С. 141.

⁶ Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. С. 163.

⁷ Бибииков М. В. BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси. М., 2009. Т. 2. С. 316.

так, Тимар, конечно, ничего бы не написал о ней, ибо сам скончался в 1018 году. Кто в таком случае назван мачехой Ярослава — непонятно. Возможно, под мачехой имеется в виду всё же Анна (если верны данные Скилицы), другой не было, а саркофаг, рядом с которым был устроен гроб Владимира, принадлежал Рогнеде, которая действительно к тому времени умерла.

Под **1014** и **1015** годами рассказывается о смерти Владимира. Новгородский князь Ярослав, пишет летописец под 1014 годом, отказался отправлять две тысячи гривен в Киев — сумму, которую всегда посылали новгородские посадники в столицу (тысячу гривен раздавали в Новгороде гридям). Владимир велел готовиться к походу на Новгород, но заболел. Ярослав, согласно летописи (с этого начинается уже статья 1015 г.), собираясь воевать с отцом, нанял варягов. Владимир поручил возглавить войско, собранное для похода на Новгород, Борису. Но тут на Русь напали печенеги, и Борис отправился отражать их набег. В это время Владимир скончался. Умер князь, согласно летописи, в Берестове 15 июля. Его смерть поначалу утаили, опасаясь Святополка, который был тогда в Киеве. Затем ночью разобрали помост между двумя клетями, завернули усопшего в ковёр и спустили верёвками на землю. Князя положили на сани и отвезли в Киев, в Десятинную церковь. Узнав о смерти князя, киевляне сошлись у храма и плакали по нём, как по заступнику и кормильцу. Владимира положили в мраморный гроб и похоронили.

После этого в летописи помещено похвальное слово Владимиру. «То новый Константин великого Рима, — пишет летописец, — как тот крестился сам и людей своих крестил, так и этот поступил так же. Если и пребывал он прежде в скверных похотных желаниях, однако впоследствии усердствовал в покаянии... Мы же, христиане, не воздаём ему почестей, равных его деянию. Ибо если бы он не крестил нас, то и ныне бы ещё пребывали в заблуждении дьявольском, в котором и прародители наши погибли ...»¹. Вся остальная часть статьи 1015 года посвящена рассказу об убиении Бориса, Глеба и Святослава.

Дата смерти Владимира — 15 июля 1015 года — обычно не подвергается сомнению. Предполагается, что она восходит к церковным записям, как и другие точ-

¹ Повесть временных лет. С. 195–196.

ные даты X – первой половины XI столетий¹. Детали и обстоятельства обряда погребения Владимира — вынос тела из хором путём разбора помоста между двумя клетями и транспортировка в Киев на санях — вызывают разногласия. Одни исследователи обычай нести покойника на санях связывают с языческим наследием². Другие — с преобладанием санного транспорта в лесной зоне и большей их древностью, особенностями половозрастных различий и высоким статусом саней, то есть с бытовыми, а не религиозными мотивами³. Обычай нести покойника на санях в Древней Руси отразился во многих источниках. Ряд случаев упоминает летопись: кроме Владимира на санях несли Ярослава Владимировича (февраль 1054 г.), Глеба Владимировича (май 1072 г. при перезахоронении), Изяслава Ярославича (1078 г.), Святополка Изяславича (апрель 1113 г.). Подобный способ запечатлён на книжных миниатюрах: в сани кладут Владимира Святославича, Бориса и Глеба. Масса данных в различных источниках XVI–XVII веков: на санях несли первую жену Ивана Грозного Анастасию (1560 г.), княгиню Марию Владимировну (1628 г.), царицу Агафью Симеоновну (1681 г.)⁴ и др. Всесезонность (и зимой, и летом) использования саней, свидетельствует о ритуальном его значении в похоронном обряде. Можно это рассматривать как наследие языческой эпохи или как суеверие, возникшее уже после крещения, в любом случае здесь отражаются не христианские, а народные представления о посмертном пути человеческой души. Нельзя сказать точно, откуда летописец почерпнул информацию о том, что Владимира везли в Киев на санях, возможно и то, что это выдумка, отражающая обычай, бытовавший в его время. Вынос тела через пролом в стене стоит в этом же ряду.

В посмертном панегирике Владимира раскрывается замысел всего рассказа летописи о нём, основная мысль, которую летописец стремится донести до читателя: *«Се есть новый Костянтинъ великого Рима, иже крестивъся сам и люди своя: тако и съ створи подобно ему. Аще бо бе и прежде на сквернъную похоть желая, но после же прилежа к покаяню, яко же апостоль вещаваеть... Дивно же есть се,*

¹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. С. 26; Повесть временных лет. С. 449.

² Повесть временных лет. С. 470.; Карпов А. Ю. Владимир Святой. С. 358.

³ Васильев М. И. Сани в русском погребальном обряде: история изучения и проблема интерпретации // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 162.

⁴ Васильев М. И. Сани в русском погребальном обряде: история изучения и проблема интерпретации. С. 154, 155, 158.

*колико добра створилъ Русьстей земли, крестивъ ю. Мы же, хрестьяне суще, не въздаем почестья противу оного възданью...»*¹. Согласно этому тексту, Владимир — это новый Константин. Он крестился сам и крестил своих людей. Да, он был распутником, но только, когда пребывал во тьме язычества, а после крещения, он усердствовал в покаянии (и, следовательно, искупил свой грех). Поэтому Владимир достоин почестей, равных его деянию. Идея эта, по всей видимости, не принадлежала летописцу. Примерно то же самое, что и автор «Повести временных лет» (но в сжатом виде), в середине XI века писали Илларион, Иаков Мних и летописец конца XI века.

Согласно замыслу основное место летописец уделил процессу преобразования князя: вначале Владимир — язычник, пребывающий во тьме язычества, распутник и многожёнec (статья 980 г. – 2,5 страницы + рассказ о жертве под 983 г. – 0,5 страницы); затем происходит выбор веры и крещение (это основной текст о Владимире, занимающий 15,5 страниц); и, наконец, он строит храм и усердствует в покаянии (одна статья, говорящая о завершении строительства Десятинной церкви и рассказ о вирах – 1 страница). Итого, 19,5 страниц. Весь остальной текст о князе составляет 4,5 страницы — это краткие описания походов Владимира, сообщения о строительстве городов, воспроизводящие топонимические легенды, сказание о белгородском киселе (мало касающееся самого Владимира), ряд свидетельств о кончинах полоцких князей, ссора с Ярославом и смерть Владимира, а так же сам панегирик.

Выстраивая этот текст, летописец прибегал к библейским цитатам (скрытым и открытым), обращался к христианским авторитетам, использовал греческие хроники (прежде всего, Хронику Георгия Амартола, откуда он почерпнул многие фразы, некоторые образы и приёмы) и (возможно!) какое-то огласительное поучение, смешивая всё это с народными сказаниями и топонимическими легендами (поговорки «беда как в Родне», «Пищанцы Волчьего хвоста бегают», рассказы о Кожемяке и белгородском киселе).

Таким образом, основную часть известий о князе Владимире в «Повести временных лет» следует признать малодостоверной. Под вопросом датировка начала

¹ Повесть временных лет. С. 58.

княжения Владимира в Киеве (980 год). Скорее всего, она не верна. Более надёжной кажется дата Иакова Мниха (978 г.), хотя и её происхождение непонятно. Условными являются и последующие даты вплоть до смерти князя в 1015 году. Некоторые из них, правда, частично верны — крещение Владимира в 988 году, возможно, завершение строительства Десятинной церкви в 996 году. Другие — близки к действительности — строительство Белгорода в 991-м и Переяславля в 992 году. Рассказ о походе на Полоцк, убийстве отца и надругательстве над Рогнедой имеет легендарное происхождение. Трудно, если вообще возможно, сказать что в нём правда, а что выдумка, основанная на представлениях потомков о князе Владимире. Описание войны и убийства Ярополка обнаруживает следы устной традиции (говорящее имя воеводы Блуда, поговорка «беда как в Родне», исчезновение времени-пространства). В этом же ряду и долгая борьба с Варяжко (без фактов и событий), место которой в летописи совсем не нашлось. Сведения о рождении Святополка «от двух отцов» и бывшей монашки имеет целью объяснить «окаянство» убийцы первых русских святых. На самом деле, никакой жены «монашки» у Ярополка, скорее всего, не было (поскольку Святослав не возвращался в Киев из балканского похода, и, стало быть, подарить сыну никого не мог). Сюжет о варягах содержит в себе отголоски работы летописца над какой-то устной легендой (обман князем варягов и их беззубый ответ, ссылки на факты, которые в «Повести» отсутствуют). Рассказ о строительстве святилища шести богов — Перуна, Хорса, Дажьбога и других — построен на скрытых цитатах библейских книг (или имеет библейское происхождение) и вместе с описанием человеческих жертвоприношений призван показать ужасы языческой эпохи. Список самих богов, по всей видимости, случаен. Многожёнство Владимира независимыми источниками не подтверждено. Известны только две его жены — Рогнеда и Анна. Реальность походов 981–983 годов (и особенно их датировка) может быть поставлена под сомнение. Главное деяние Владимира — крещение Руси — описано не так, как проходило на самом деле. Летописцу ничего не было известно о действительных факторах, повлиявших на решение Владимира окрестить страну: восстание Склира и Варды Фоки, обращение императора Василия за помощью, подавление мятежа при поддержке русов, с последующим сохранением русского корпуса в Визан-

тии, договор о браке с царицей Анной как условия помощи. Автор летописного повествования о крещении воспользовался разноречивыми источниками, обработал их и создал фантастическую историю о крещении князя и Киева. Достоверным в этой истории является только сам факт похода на Корсунь и только сам факт крещения Владимира, и связь этого факта с браком на византийской царевне. Полностью вымышленными являются сюжеты о выборе и испытании вер. Количество детей подогнано под библейский образец с целью показать особый статус крестителя Руси, его связь с библейскими образцами.

Достоверными являются такие факты, как распутство князя и (возможно) его щедрость по отношению к дружине и горожанам, основная часть перечня детей Владимира. Строительную (крепости, города и Десятинная церковь) и законодательную деятельность князя также нельзя поставить под сомнение. Вероятно, соответствует действительности и дата смерти Владимира и некоторые детали, связанные с этим (вынос тела через пролом между клетями, перевозка на санях).

Событийно рассказ о княжении Владимира довольно скуден: начало княжения, совмещенное с постройкой языческого святилища и характеристикой Владимира как блудника — выбор веры и крещение — строительство Десятинной церкви и характеристика Владимира как благодетеля. Всё остальное — краткие упоминания о походах (скорее всего, недостоверные) и общие рассуждения о характере Владимира до и после крещения, перечень сыновей и жён, легенды связанные с ним только опосредованно.

Следует помнить, сведения «Повести временных лет» о Владимире нуждаются в тщательной проверке и подтверждении другими источниками. В случае, если возникают противоречия с ними, целесообразней отдавать предпочтение другим, более надёжным источникам.

«Повести временных лет» — очень важный и интересный источник о начале древнерусского государства и цивилизации, который несёт нам основную информа-

цию об этом процессе, рассказывает о героях того времени. Однако степень доверия к этому источнику в значительной степени завышена.

Известно, как поступал автор «Повести», когда ему не хватало материала, а взять его было не откуда. Примером может служить «Легенда о посещении славян апостолом Андреем». Она полностью недостоверна. Летописец встраивает создаваемую им историю путешествия апостола в известные всем греческие сказания, рассказывающие о его пребывании в Херсоне и Синопе. Упомянув их, летописец отправляет Андрея по несуществующему маршруту. Рассказывает о таких деталях путешествия, как бани, которые апостол будто бы видел. Делается это для того, чтобы читатель поверил в достоверность его слов, ведь славяне и в правду моются в банях и именно так, как он описывает. В рассказ внедряются некоторые детали из других путешествий Андрея (воздвижение крестов в местах пребывания).

Целиком выдуманным является сообщение о призвании варягов. Оно выполнено на основе библейских сказаний с целью «оправдания» русского имени, перевода Руси из разряда «апокалиптических», обречённых на уничтожение, в число «избранных» богом народов. Изгнание чужой элиты (варягов) — призвание справедливой власти (варягов-руси) — речи послов, указывающие на богатство страны, являются общим мотивом в христианской традиции, восходящим к библейским образцам, и не оставляют место реальным событиям.

Если автор «Повести временных лет» располагал какими-либо письменными документами, он подвергал их переработке, необходимой ему для раскрытия замысла. Например, летописец использовал «Хронику Георгия Амартола» и «Житие Василия Нового» как основные источники о походе Игоря 941 года. В виду того, что нам известны тексты обоих произведений, можно наглядно видеть, как поступал в таких случаях летописец. Реальный ход боевых действий, который можно было бы описать на основе «Хроники Амартола» им опущен полностью. Из хроники были взяты лишь указание на численность ладей Игоря (10 тысяч), упоминание о патриции Феофане и стране Вифинской, а так же описание бесчинств русов при разорении Суда (с вбиванием гвоздей в голову пленным). Основной текст был заимствован из «Жития Василия Нового». Но и он в нужных местах был подправлен: вместо фра-

зы жития «побеждена была русь и били их греки бежавших» он написал — «и в жестоком сражении едва одолели греки». От себя летописец ещё добавил год похода — 941 (полагают, что он его вычислил на основе указания Амартола на индикт) и имя Игоря. Следующий (победоносный) поход Игоря 944 года греческие (и какие-либо другие) источники не упоминают. Летописец составил его из цитат «Хроники Амартола», посвящённых борьбе Империи с болгарами и печенегами.

«Хроника Георгия Амартола» была использована им и при описании похода Аскольда и Дира. От себя летописец добавил год похода — 866 (кстати, неправильный), указание на 14-й год правления Михаила (откуда он взял это определение — не ясно) и имена князей (ни в каких переводах Амартола, ни в греческом оригинале их нет). На этот раз неизвестно, соответствует ли указание летописи действительности. Имя Игоря в походе 941 года подтверждается, например, современником событий Лиудпрандом Кремонским, а имена Аскольда и Дира никаким другим источником по истории этого похода неизвестны.

Серьёзным образом был подвергнут исправлениям и источник (вероятно, греческий) о войне Святослава на Балканах (968–971 гг.). Как и в случае с походом Игоря, ход боевых действий (судя по всему, известный летописцу) им был совершенно переиначен, так что события в его описании фактически развиваются в обратном порядке, и Святослав не проигрывает грекам, а побеждает их. В связи с этим можно подозревать летописца и в том, что он поправил или переработал в нужном для себя ключе попавшие ему в руки договоры с греками (911 и 971 гг.).

В извращённом свете преподнесена летописцем история посещения княгиней Ольгой Константинополя. Автора вовсе не интересует причина и ход поездки княгини в столицу Империи. Он описывает выдуманную историю о желании Константина Багрянородного (известного своим негативным отношением к бракам с варварами) жениться на Ольге, создаёт образ мудрой княгини, указавшей «путь истины» её внуку Владимиру. Рассказ о мести Ольги за убийство Игоря, по всей видимости, является целиком построенным на фольклорных источниках, к самой Ольге не имеющих отношение.

Как ни странно, летописец обладал скудными и часто недостоверными фактами о княжении князя Владимира Святославича, и о главном его свершении — крещении Руси. Автору «Повести временных лет» ничего не было известно о восстании Варды Фоки, просьбе о помощи со стороны Василия и связанных с ней дальнейших событиях — переговорах, требовании брака с Анной, крещении как условия заключения брака. До него дошли только отголоски этих событий (поход на Корсунь и крещение там Владимира). В остальном книжник пользовался данными своих предшественников, легендами и преданиями, имеющими мало общего с действительным ходом событий.

Всё это позволяет говорить, что наши представления о начале древнерусского государства, основанные на «Повести временных лет», большей частью не соответствуют действительности. Они скорее легендарны или, как выражался М. Т. Каченовский, баснословны, нежели достоверны.

2 Становление Руси по данным материальной культуры

2.1 Развитие Восточной Европы в IX–X веках

Данные материальной культуры, полученные благодаря раскопкам археологов, позволяют иначе взглянуть на ход образования Киевской Руси. Конечно, археологические находки, наряду с другими историческими источниками, толкуются по-разному, и, в свою очередь, нуждаются в подтверждении. На выводы и построения археологов (как и остальных историков) влияют особенности научного мировоззрения и уровень подготовки авторов, методика и шире — методология — исследования, характер источников, ценности и личные качества. Подобно другим исследователям некоторые из них пытаются переписать историю, «... «опрокидывая», — как говорил А. И. Ракитов, — в неё свои представления, страсти, ожидания, свои социальные симпатии и антипатии»¹. Это верно. Однако верно и другое — честное и объективное археологическое исследование позволяет увидеть реальную картину прошлого и даёт возможность лучше и правильней понять письменные источники, в том числе такие сложные и противоречивые, как «Повесть временных лет».

Славяне. Судя по археологическим раскопкам, в IX веке восточные славяне жили традиционным для себя образом и не предпринимали никаких шагов, направленных на социальные, политические или культурные изменения. «Археологические памятники исследуемой поры, — подчёркивает И. И. Ляпушкин, — поселения и могильники, сравнительно бедны и однообразны. Их различия сводятся преимущественно к некоторым деталям обряда погребения, да к отдельным чертам жилищно-хозяйственных построек и поселений в целом, обусловленным, очевидно, с одной стороны, природными условиями, а с другой — окружающей средой»².

Восточные славяне строили главным образом неукреплённые посёлки (особенно на традиционной территории обитания). Городища возводились чаще всего на вновь осваиваемых землях. Однако и в том, и в другом случае, «...общая планировка внутри их мало чем различалась. Поселения были застроены небольшими полу-

¹ Ракитов А. И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М., 1982. С. 17.

² Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.): историко-археологические очерки. Л., 1968. С. 27.

земляночными жилищами, покрытыми двух- или трёхскатной земляной крышей, и хозяйственными постройками, преимущественно также полуземляночными, но ещё меньших размеров. Жилые постройки занимали серединную часть площадки поселения, а хозяйственные и производственные размещались по краю»¹. Ни улиц, ни дворов, не было.

Во время раскопок повсюду встречается обычный для славян набор вещей: наральники, железные серпы с отогнутой ручкой, ручные жернова, косы-горбуши, мотыги-тёсла, втульчатые двушипные наконечники стрел, ножи с волнитообразным навершием, калачевидные кресала, деревянные вёдра с железными душками, лепная керамика — неорнаментированная или орнаментированная слабо (полосы, волнистые линии, косые насечки, зигзаги, пальцевые защипы, выполненные по сырой глине).

Следов материального и тем более социального расслоения не прослеживается. «... Среди известных исследователям жилищ в самых разных районах лесостепной полосы, — отмечает И. И. Ляпушкин, — нет возможности указать такие, которые по своему архитектурному облику и по содержанию найденного в них бытового и хозяйственного инвентаря выделялись бы богатством»². Кладов этого времени немного³.

Погребения представляли собой грунтовые могильники (на традиционной территории) и небольшие курганы (на новых землях) с одинаковым обрядом — сожжением на стороне и помещением праха в глиняных горшках или урнах. В курганах урны обычно размещались в верхней части насыпи. При этом практически все погребения не содержат вещей. В редких случаях попадаются предметы быта. «Погребальный инвентарь большинства славянских погребений, — пишет В. Г. Ивакин, — преимущественно беден: глиняные горшки, мелкие металлические предметы, изделия из кости и стекла. Для кремационного обряда восточных славян характерна традиция культового разбивания на похоронах глиняной посуды»⁴. Дорогие укра-

¹ Ляпушкин И. И. Указ. соч. С. 133.

² Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства... С. 167.

³ Там же. С. 163.

⁴ Ивакин В. Г. Киевские погребения X века // *Stratum plus*. 2011. № 5. Отд. оттиск. С. 10.

шения, мечи, шлемы, доспехи и другое оружие, свидетельствующие о выделении аристократии и воинов-профессионалов, нигде не встречаются.

Картина однообразной и бедной жизни славян Восточной Европы, которую нарисовал И. И. Ляпушкин ещё в 60-годы XX века, была подтверждена последующими исследованиями. Представления о восточных славянах с тех пор не изменились. Вот несколько примеров. «Наш анализ, — отмечают А. С. Щавелев и А. А. Фетисов, — показал полный экономический и политический вакуум в Среднем Поднепровье, полное отсутствие признаков политического и торгового центра у Киева до конца IX в.»¹. То же самое утверждает и украинский археолог А. В. Комар: «Каких-либо предметов престижной культуры IX в. – украшений, оружия, монет, импортов – в комплексах культуры Луки-Райковецкой на территории Киева пока не обнаружено»². «Ювелирный комплекс пражско-корчакской [и лука-райковецкой] культуры, — подчёркивает С. С. Рябцева, — сравнительно беден и невыразителен...»³.

Увидеть в обществе с такой материальной культурой систему связей людей, переживающих стадию военной демократии (как это делали в советское время) или вождества (как делают сейчас), можно только при очень большом желании. Более всего оно напоминает социальную систему, основанную на первобытных, кровнородственных связях. Хаотичная застройка поселений с тяготением жилищ к его центру, а хозяйственных построек к периферии и отсутствие дворов, скорее всего, говорит о том, что жители таких посёлков вели совместное хозяйство. А это важнейший признак, отличающий родовую общину от соседской (основанной на посемейном использовании общей собственности). Отсутствие имущественного расслоения и бедность вещевого набора славянских археологических культур усиливают впечатление.

В IX веке у восточных славян намечаются глубокие перемены в хозяйственной жизни. К этому времени относятся первые следы перехода от подсеки и перело-

¹ Щавелев А. С., Фетисов А. А. К исторической географии Восточной Европы IX в. 2. Карта скандинавских комплексов и артефактов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 год: Экономические системы Евразии в раннее Средневековье / Отв. ред. тома А.С. Щавелев. М., 2017. С. 282.

² Комар А. В. Киев и Правобережное Поднепровье. С. 315.

³ Рябцева С. С. Древнерусский ювелирный узор: основные тенденции формирования. СПб., 2005. С. 274.

га в земледелии (основном занятии славян) к трёхполью, которое позволяет многократно увеличить производительность земли (в 10–15 раз). О применении трёхпольного севооборота свидетельствуют находки озимой ржи (городище Свила I). Кроме того, появляется дуговая и шлейная упряжка, дающая возможность использовать в качестве тягловой силы лошадь, которая в два раза эффективнее волов (следовательно, есть возможность увеличить площадь посевов). Тогда же славяне осваивают соху, которой можно обрабатывать тяжёлые почвы. В дальнейшем всё это вывело земледелие на новый уровень и сформировало одну из основных предпосылок для создания цивилизации и государства — необходимая степень развития производящего хозяйства, позволяющая содержать социальные слои, освобождённые от труда (публичная власть, землевладельцы и т.п.)¹.

Норманны. На севере будущей Руси в это время появляются скандинавы. Влекло их сюда не «обилие» земли финно-угров и славян, а серебро, шедшее в Прибалтику сплошным потоком по Волжскому пути. Норманнские древности сосредоточены исключительно на торговых путях, в местах, где образовывались международные торговые фактории (Ладога, Тимерёво, Гнёздово). Балтийско-Волжский путь начал функционировать в VIII веке. Этим временем датируются первые клады серебряных дирхемов в Швеции². В середине VIII столетия появляется поселение в Ладоге³. Торговля по волжскому пути развивалась неравномерно. Она знала взлёты и падения. А. П. Толочко выделяет следующие этапы: резкий подъём в 780–810 годы, затем спад с 820-го по 850-й год, потом новый подъём до 860-х годов, далее опять спад. «С началом X века наблюдается новый рост торговли, достигающей наибольшего расцвета в середине X века: в 940-х годах, — отмечает А. А. Толочко, — поступило почти сорок процентов всех дирхемов за X век. Начиная с 970-х годов объёмы торговли постепенно падают, пока, наконец, поток серебра не иссякает на рубеже X—XI веков»⁴.

¹ Поляков А. Н. Киевская Русь как цивилизация. 2-е изд. С. 81–82.

² Толочко А. П. Очерки начальной руси. Киев; СПб., 2015. С. 173.

³ Носов Е. Н. Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда, 2012. С. 102.

⁴ Толочко А. П. Очерки начальной руси. С. 177.

Считается, что норманны к середине IX столетия уже освоили значительные пространства Восточной Европы. «Об этом свидетельствует, — пишет Е. А. Мельникова, — появление вдоль пути торгово-ремесленных поселений, военных стоянок и контрольных пунктов, где повсеместно в большем или меньшем количестве представлен скандинавский этнический компонент»¹. В качестве таковых она называет Ладогу, Городище под Новгородом, Крутик у Белоозера, Сарское городище под Ростовом, Холопий городок на Волхове, Петровское и Тимерёво на Верхней Волге². По мнению А. С. Щавелева и А. А. Фетисова, на территории Руси в IX веке скандинавы постоянно жили только в Ладоге и городище под Новгородом. «До конца IX в., — утверждают они, — лишь два археологических комплекса содержат в себе материалы, которые отражают факт стационарного проживания гендернополного социума выходцев из Скандинавии, это – Ладога и Рюриково городище. Здесь представлены артефакты, которые отразили все основные аспекты «северной» материальной и духовной культуры»³. В качестве основания для такого вывода им служит наблюдение за формированием комплексов скандинавских древностей на территории Восточной Европы. «Безусловным ... доказательством присутствия скандинавов на определенной территории (археологических памятниках), — считают они, — являются, конечно, не столько сами отдельные предметы определенной технологии или стиля, сколько следы инокультурных «северных» традиций: элементы домостроительства, погребального обряда, технологии изготовления бытовых предметов, предметы культа»⁴. Что касается Ладоги, сомневаться в этом не приходится. Кроме скандинавских вещей различного назначения (овальная фибула, обломок железной шейной гривны из четырёхугольной в сечении проволоки, колесовидные бляшки, деревянная палочка и бронзовая пластинка с руническими надписями, фризско-скандинавские гребни) здесь есть и дома северного типа (характерные для финнов и скандинавов), и могильник IX–X веков с захоронениями в ладье, которые

¹ Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия. М., 2011. С. 446.

² Мельникова Е. А. Указ. соч. С. 446.

³ Щавелев А. С., Фетисов А. А. К исторической географии Восточной Европы IX в. 2. Карта скандинавских комплексов и артефактов. С. 293–295.

⁴ Там же. С. 291.

сопровождаются вещами скандинавского происхождения (урочище Плакун)¹. Относительно Рюрикова городища не всё так однозначно. Здесь много скандинавских вещей. По словам Е. Н. Носова, «по числу находок скандинавского круга древностей Рюриково городище сейчас является самым богатым поселением на всей территории Восточной Европы ... Оно в этом отношении намного превосходит Ладогу и непосредственно следует за крупнейшими центрами самой Скандинавии»². Однако в городище не найдено домов «северного типа», как в Ладоге. Нет и скандинавского могильника. Зато есть «срубные дома подквадратной формы с ... печами-каменками в одном из углов»³, характерные для славян, которые сопровождаются лепной керамикой, аналогичной сельским поселениям округи (наиболее массовый материал, обнаруженный на городище). Есть славянские хлебные печи, двушипные наконечники стрел, шиферное пряслице, височное кольцо славяно-балтского стиля⁴.

Следы скандинавов, зафиксированные на Изборском, Витебском, Сарском и Супрутском городищах, рассматриваются А. С. Щавелевым и А. А. Фетисовым как следствие транзитной торговли⁵. В Изборске — славянском раннегородском центре — обнаружены типичные для скандинавов наконечники копий и стрел ланцетовидной формы, что может быть, по их мнению, импортом или маркером присутствия здесь небольшого отряда норманнов-наёмников. Говорить о наличии на поселении скандинавской доминирующей элиты, они считают, нельзя⁶. В Сарском городище — в это время племенной центр финно-угров — обнаружены топор скандинавского типа, несколько ножей, кресало, «фризские» костяные гребни. На Супрутском городище — контрольно-административном пункте Хазарского каганата на реке Упе — удила в стиле Борре, щитообразная подвеска; ладьевидные браслеты. Вместе с тем, «на городище найдено значительное количество предметов торгового инвентаря

¹ Носов Е. Н. Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда, 2012. С. 104–106.

² Там же. С. 114–115.

³ Там же. С. 113.

⁴ Носов Е. Н. Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье. С. 114.

⁵ Щавелев А. С., Фетисов А. А. К исторической географии Восточной Европы IX в. 2. Карта скандинавских комплексов и артефактов. С. 298.

⁶ Там же. С. 299.

(детали пяти весов и 23 гири), фрагменты амфор, украшения балтского и финно-угорского типов, находки салтовского и североевропейского происхождения»¹.

В X веке присутствие скандинавов в регионе становится более заметным и распространяется на другие территории. Возникают колонии норманнов в районе Смоленска (Гнёздово) и Ярославля (Тимерёво)². И там, и там, наряду с погребениями местного населения, появляются могилы, с обрядами характерными для скандинавов: сожжение в ладье, погребение на месте кремации с воткнутым в кострище сломанным мечом, сожжения с захоронением в урне, поставленной на глиняную или каменную вымостку, сожжения под курганом, окружённым кольцевидной каменной кладкой. По данным А. А. Фетисова, около 10 % раскопанных в Гнёздово курганов и 12 % в Тимерёво содержат оружие. Т. А. Пушкина, В. В. Мурашёва и Н. В. Ениосова говорят о 17 % гнёздовских курганов, имеющих предметы вооружения³. Правда, в половине из них обнаружены только наконечники стрел⁴. В остальных — мечи каролингского типа, скрамасаксы, копья. Кроме оружия, курганы содержат амулеты скандинавских типов, наборы конского снаряжения, стеклянные сосуды и ритоны, металлические котлы, торговый инвентарь, игральные шашки из кости и стекла, остатки золотного шитья⁵. Долю «дружинного» (фактически скандинавского) населения Гнёздова, А. А. Фетисов вычисляет по количеству погребений с оружием. «Учитывая, что в Гнёздове численность постоянного населения колебалась от 400 до 600 человек, — пишет он, — можно предположить, исходя из процентного соотношения погребений с оружием, что численность воинского отряда здесь должна была составлять около 50–80 человек»⁶. Подобные военные «гарнизоны» он отмечает в Тимерёво, Супруте и Бирке⁷.

Необходимо отметить, что наряду с норманнами, окрестности Волжского пути в Приильменьи и Верхнем Поволжье активно осваивали и другие жители балтийско-

¹ Там же.

² Там же. С. 307–308.

³ Пушкина Т. А., Мурашёва В. В., Ениосова Н. В. Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. С. 247.

⁴ Фетисов А. А. «Дружинная культура» Древней Руси // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010. М., 2012. С. 415.

⁵ Пушкина Т. А., Мурашёва В. В., Ениосова Н. В. Гнёздовский археологический комплекс. С. 248.

⁶ Фетисов А. А. «Дружинная культура» Древней Руси. С. 416.

⁷ Там же. С. 416, 418.

го побережья. Особенно бросаются в глаза следы пребывания здесь балтийских славян. Об этом говорит наличие в археологических памятниках керамики южнобалтийского типа, металлических, костяных и деревянных изделий, характерных для славян балтийского побережья. «...Впечатляют, — подчёркивает В. В. Фомин, — как масштабы распространения керамики южнобалтийского облика (фельдбергской и фрезендорфской), охватывающей собой обширную территорию Восточной Европы (она доходила до Верхней Волги и Гнёздова на Днепре...), так и удельный вес её среди других керамических типов ... многих памятников Северо-Западной Руси (Старой Ладogi, Изборска, Рюрикова городища, Новгорода, Луки...)[от 30 % до 80 %]»¹. Большое влияние балтийских славян на развитие севера и северо-востока будущей Руси не могут отрицать и сторонники норманнской теории. Фактически то же самое, что и Фомин, пишет полемизирующий с ним Л. С. Клейн: «...керамика Севера восточнославянской Руси IX века (Рюриково городище, Изборск и другие) в значительной части очень близка керамике Южной Балтики»². Это может говорить, по его мнению, о массовом переселении в эти места балтийских славян³. Берестяные грамоты, в которых отражается разговорный язык новгородцев XI – XV веков, указывают, согласно исследованиям А. А. Зализняка, на близость древненовгородского диалекта к западнославянскому, прежде всего севернолехитскому⁴. «Западные корни псковских и новгородских первоначальников, — пишет В. Л. Янин, — подтверждаются данными курганной археологии и антропологии; они ощущаются при сравнении наименований новгородских и польских деревень, новгородских и польских личных имён, восходящих к дохристианскому периоду. Изучение истории весовых единиц и денежных систем также показывает наличие в Древней Руси двух областей с разной экономической и внешнеторговой направленностью»⁵. Справедливости ради необходимо заметить, что существует и другая точка зрения. Против сближения новгородских и балтийских славян выступает О. Н. Трубачёв. Он отмечает отсутствие общих для ильменских и западных славян новообразований. «...Мы

¹ Фомин В. В. Варяги и варяжская Русь. С.451–452.; Кузьмин А. Г. Начало Руси. М., 2003. С.305.

² Клейн Л. С. Спор о варягах... С.219.

³ Там же. С.220.; См. так же: Пчелов Е. В. Рюрик. М., 2010. С.131.

⁴ Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997. С.138.; Клейн Л. С. Спор о варягах... С.219, 220.

⁵ Там же.; См. также: Рыбина Е. А. Новгород и Ганза. М., 2009. С.29 – 33.

не станем вести древних новгородцев от западнославянских лехитов, — пишет О. Н. Трубачёв, — да и общие архаизмы в языке у тех и у других с научной точки зрения не могут служить для этого достаточным резонансом, каким в случае совместных языковых переживаний могли бы быть только общие новообразования. А таковых как раз не имеется...»¹.

Русы. На юге — ядре формирования древнерусской цивилизации и государства — движение начинается во второй половине IX века, но существенные изменения наблюдаются только в X столетии. «Основное направление культурных изменений в Правобережном Киевском Приднепровье IX в. обусловлено очевидной сменой левобережного вектора культурных связей населения региона правобережным. Не позже первой трети IX в. прекращают функционирование волынцевские поселения в Киеве, Бучаке, Григоровке, Столпягах»². Киевское Поднепровье становится зоной распространения лука-райковецкой культуры. Группа носителей роменской культуры заселяет северный склон Старокиевской горы.

Заметные перемены происходят в конце IX столетия на Подоле. В отличие от привычных для этих мест полуземлянок здесь строятся жилища срубного типа, похожие на новгородские, ладожские и полоцкие³. Срубы делались из сосновых бревен диаметром от 16 до 25 см с выпуском остатков длиной 20—30 см (рубка в обло). Чашки замков и паз вырубались в нижнем бревне. Для утепления между венцами прокладывался мох⁴. Многие исследователи, имея в виду схожесть киевских и новгородских срубов, полагают, что переселенцы в Киев пришли с севера. Дендрохронологическая датировка первой постройки 887 годом даёт основания связать это событие с приходом в Киев Олега. Согласно «Повести временных лет» это произошло в 882 году. Даже с учётом погрешности из-за отсутствия надёжной шкалы, привязанной к местным абсолютным датам⁵, это кажется вполне возможным. Так, В. Я. Петрухин пишет: «Исследования киевского Подола продемонстрировали бли-

¹ Трубачёв О. Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 2005. С.15.

² Комар А. В. Киев и Правобережное Поднепровье. С. 306.

³ Толочко П. П. Массовая застройка Киева X—XIII вв. // Древнерусские города / отв. ред. В. В. Седов. М., 1981. С. 73, 77; Комар А. В. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // Ruthenica: Альманах історії та археології Східної Європи. 2005. №4. С.133.

⁴ Толочко П. П. Массовая застройка Киева X—XIII вв. С. 76.

⁵ Новое в археологии Киева / отв. ред. П. П. Толочко. Киев, 1981. С. 450.

зость его планировки, ориентированной на водный путь, скандинавским «викам» — ранние дендродаты (конец IX в.) относятся ко времени, когда Олег овладел городом (под 882 г...)...»¹. Иначе считает А. В. Комар. «...Материалы Подола конца IX – середины X в. ... не содержат ни единого предмета бесспорно скандинавского или «северного» происхождения» — отмечает он². Исследователь полагает, что появление нового типа построек на Подоле связано не с переселенцами, а с особенностями рельефа — весной его территория часто затапливалась. Культурные слои на Подоле, как показали археологические раскопки, нередко перекрыты слоями чистого песка³. «Здесь, разумеется, не подходил обычный для славян Киевского региона тип полуземляночного жилища, затопляемого во время наводнения, — пишет он, — естественным выбором стали наземные срубные постройки»⁴. Удивительно только то, что при этом полностью совпала технология рубки жилища киевских и новгородских построек⁵. Возможны ведь разные варианты: и рубка в лапу (в некоторых киевских срубных погребениях есть такие⁶), и чаша могла вырубаться в верхнем, а не нижнем бревне, и фундаменты могли быть другие и т.п. В пользу А. В. Комара можно сказать лишь то, что интерпретация археологических находок с опорой на летопись в данном случае непродуктивна. Следует учитывать, что летописная датировка условна, неизвестно откуда взята, а сам факт похода Олега ничем не подтверждён. Описание похода находится в контексте легендарных сведений, следующих логике и образцам библейских пророчеств⁷. Кроме того, срубные дома на Подоле строятся практически сразу в рамках усадьбы-двора. Археологам во многих местах удалось проследить планировку и границы усадеб до IX века⁸. Не исключено, что дворы здесь стали строить с самого начала, хотя более или менее надёжно о дворо-

¹ Петрухин В. Я. Вещий Олег и «могила в Ладого» // Земля наша велика и обильна: сборник статей, посвященный 90-летию А. Н. Кирпичникова. СПб., 2019. С. 324.

² Комар А. В. Киев и Правобережное Поднепровье. С. 316.

³ Толочко П. П. Массовая застройка Киева X—XIII вв. С. 73.

⁴ Комар А. В. Киев и Правобережное Поднепровье. С. 316.

⁵ Засурцев П. И. Постройки древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. М., 1959. Т. II. С. 264.

⁶ Толочко П. П. Историческая топография раннего Киева: реальная и вымышленная // *Ruthenica: Альманах історії та археології Східної Європи*. 2009. №8. С. 170.

⁷ Поляков А. Н. Начало Руси в "Повести временных лет" и норманнский вопрос // Социально-гуманитарные инновации: стратегии фундаментальных и прикладных научных исследований [Электронный ресурс]: материалы Всероссийской научно-практической конференции; Оренбург. гос. ун-т. — Электрон. дан. — Оренбург: ОГУ, 2019. —

1 электрон. опт. диск (CD-ROM). С. 50–51.

⁸ Толочко П. П. Массовая застройка Киева X—XIII вв. С. 73.; Новое в археологии Киева. С. 450.

во-уличной застройке Подола можно говорить только с начала X столетия¹. Ни Новгород, ни Ладога, не могли быть образцами в этом отношении. В Новгороде дворы появляются только в середине X века (как и сам Новгород). Хотя и здесь дворово-уличная застройка, по всей видимости, формируется с момента основания города. Во многих местах Новгорода, отмечает П. И. Засурцев, вместе с первоначальной дворовой застройкой появлялись и мостовые². «Трудно представить себе, — пишет он, — что все эти признаки, характерные именно для города, могли возникнуть сразу, сами по себе, без длительной подготовки. Поэтому, нам кажется, что первые поселенцы Кузьмодемьянской улицы (и других улиц к югу от неё) [нижний ярус мостовых здесь датируется 953 г.] пришли сюда с уже сложившимися городскими традициями»³. В Ладоге срубы подобные тем, что строили на киевском Подоле, появляются ещё в слоях VIII–IX веков и признаются славянскими. В X веке, когда Ладога становится частью Руси, этот тип жилищ становится господствующим, тогда же появляется дворово-уличная планировка⁴. Иначе говоря, Подол был первым в Восточной Европе, где реализовалась новая система застройки поселения. Поэтому север восточнославянского мира не мог быть аналогом киевских построек.

Двор — свидетельство обособленного в хозяйственном отношении положения семьи, а, значит, и новой территориальной системы связей в общине⁵. Жители Подола, по всей видимости, воспроизводили привычный для себя уклад, и этот уклад серьёзно отличался от местного. В отличие от остальных посёлков на территории Киева, каждый двор на Подоле представлял собой самостоятельный хозяйственный комплекс. Площадь домов в них была в два раза больше местных полуземлянок. Жилища лука-райковецкой и роменско-боршевской культур не превышали 10–20 кв. м⁶. Срубные постройки Подола достигали 40–60 кв. м⁷. По мнению А. В. Комара, оснований считать их жилищами новой киевской элиты, нет. «Концентрация «пре-

¹ Толочко П. П. Массовая застройка Киева X—XIII вв. С. 86, 90.

² Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. М., 1963. Т. IV. С. 86.

³ Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. С. 125.

⁴ Носов Е. Н. Некоторые вопросы домостроительства Старой Ладоги // Краткие сообщения института археологии. М., 1977. № 150. С. 10, 16.

⁵ Поляков А. Н. Киевская Русь как цивилизация. 2-е изд. С. 87.

⁶ Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства. С. 166.

⁷ Толочко П. П. Массовая застройка Киева X—XIII вв. С. 72.

стижных» предметов на подольских усадьбах, — пишет он, — отмечается лишь с XII в[ека]... В горизонтах X–XI вв., напротив, обычными являются загоны и постройки для скота, остатки навоза в хозяйственных частях усадьбы, многочисленные кости крупного рогатого скота, коз, свиней; детали рыболовных снастей и вёсла; зёрна проса, овса, пшеницы, огурцов, малины, лесные орехи и др.»¹. На мой взгляд, выводы из данных фактов следует делать другие. Люди, заселившие Подол, судя по характеру застройки, демонстрируют новые социальные отношения. Вели они, как видно из раскопок, комплексное хозяйство. Их нельзя в полной мере связывать только с торговлей или ремеслом, сельским хозяйством или промыслами. По сравнению с жилищами и застройкой других районов города первой половины X века они находятся на другом уровне и хозяйственного, и социального развития — нигде на киевских горах археологически не выявлены ни усадьбы, ни дома такого размера. Действительно, в X веке на Подоле мало встречается «престижных» предметов, но их нет и в других частях Киева того времени. Почти всё, что находят археологи, извлекается ими из могильников, а не из слоёв с жилой застройкой, что может быть связано с особенностями религии и традициями языческой эпохи.

Новый тип захоронений, который относят к так называемой «дружинной культуре», появляется в Киеве в середине X века. «В X в., — отмечает А. А. Фетисов, — она [дружинная культура] фиксируется только лишь в пределах киево-черниговского ядра (киевское Поднепровье и памятники Днепро-Деснинского междуречья...). В конце X – начале XI в. эта территория, по всей видимости, расширяется до границ, реконструированных А. Н. Насоновым, что фиксируется по выделенным пограничным дружинным погребениям ...»².

По данным В. Г. Ивакина, посвятившего погребениям X века специальный труд, в киевских некрополях прослеживается два похоронных обряда: сожжение и труположение. К первым относятся 13 захоронений, что составляет 8 % от учтённых им погребений (всего В. Г. Ивакин учитывает 155 курганов, ошибочно называя это число в качестве погребений с ингумацией). Сжигали покойников, по его данным,

¹ Комар А. В. Киев и Правобережное Поднепровье. С. 317.

² Фетисов А. А. «Дружинная культура» Древней Руси. С. 429.

на стороне (за исключением одного случая), что соответствует древней славянской традиции¹. Среди могил с ингумацией встречаются захоронения в погребальных камерах (срубках) — 16 погребений (10 % по расчётам Ивакина), деревянных гробах (70 погребений — 45 %) и прямо в могильных ямах (56 погребений — 36 %)². Ориентировка костяков различна. В некоторых могилах они лежат головой на север, юг или восток. Однако в подавляющем большинстве ингумаций костяки ориентированы на запад (83 % от изученных 111 курганов, в которых прослеживается ориентировка)³.

Особое внимание исследователей привлекают захоронения в камерах. Такие погребения сопровождаются богатым вещевым набором: оружием (мечи, наконечники стрел и копий, боевые топоры, скрамосаксы, железные умбоны и оковки щита, фрагменты кольчуги), снаряжением всадника (удила, стремяна, подковы, седла, пряжки от подпруги, псалии), бытовыми предметами, деталями костюма, украшениями, игровыми наборами, амулетами, монетами, остатками поминальной трапезы⁴. Среди них встречаются вещи скандинавского облика: скорлупообразные фибулы, золотые браслеты, женские украшения в стиле Эллинг и Хиденсе⁵. По этой причине дружинные курганы Киева и округи, особенно камерные, нередко воспринимаются исследователями, как признак присутствия скандинавов и даже считаются доказательством норманнского происхождения руси. Однако, как отмечает А. В. Комар, вещи скандинавского круга в киевских погребениях, как правило, единичны и никогда не образуют «чистый» закрытый комплекс, а сочетаются с предметами иных стилей — венгерского, восточного, моравского⁶.

Часть погребений — с ориентировкой на север, юг, восток и захоронения сидя — могла принадлежать норманнам. В славянских землях аналогичных могил не найдено, а среди балтов, финно-угров и скандинавов они имеются. «В Среднем Поднепровье такие захоронения встречены в небольшом числе в Киеве и на клад-

¹ Ивакин В. Г. Киевские погребения X века. С. 10.

² Там же. С. 12, 16.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же. С. 18.

⁵ Андросчук Ф. А. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева // *Ruthenica: Збірник наукових праць*. Т. 3. Київ, 2004. С. 33, 46.

⁶ Комар А. В. Киев и Правобережное Поднепровье. С. 322.

бище дружинного лагеря у с. Шестовицы»¹. Учитывая тот факт, что подобные погребения среди норманнов появляются позже, то есть в середине и второй половине X века (а до этого безраздельно господствует кремация, которая постепенно исчезает во второй половине X столетия²), их можно рассматривать как подражания местной элите. Установлено, что камерные погребения имеют континентальное происхождение³.

Другая часть камерных погребений — преобладающая — имеет ориентировку на запад и находит прямую аналогию в Великой Моравии. «И в Поморавье и на Руси, — отмечает С. С. Ширинский, — для погребений знати в эту эпоху характерно наличие пышного погребального инвентаря, предметов, подчёркивающих рыцарскую принадлежность погребённых, а иногда убитых женщин и рабов. И там и здесь как пережиток языческих трупосожжений в ранних могилах с трупоположением в могильной яме или над ней встречаются следы ритуальных, очистительных костров и отдельные кости животных — остатки стравы. Подтверждают сходство трупоположений с западной ориентировкой и находки в некоторых подобных погребениях ... крестов-тельников, крестов-накладок, а в одной из таких могил, ... печати с изображением Христа, привешенной на одно кольцо с языческим амулетом таранной косточкой бобра»⁴.

Видимо, основную массу киевских курганов (ингумации с западной ориентировкой костяков) оставили не норманны, а выходцы из Великой Моравии. Время гибели Великоморавского государства и появление в Среднем Поднепровье могил с аналогичной культурой погребения, совпадают. Они буквально следуют друг за другом. Моравия окончательно была завоёвана венграми в 907 году — первые курганы с ингумацией и богатым инвентарём в Киеве датируются серединой X века.

О переселении части населения из разгромленной Великой Моравии свидетельствуют также изменения в технике изготовления ювелирных изделий — в

¹ Ширинский С. С. Археологические параллели к истории христианства на Руси и в Великой Моравии // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 204.

² Фетисов А. А. «Дружинная культура» Древней Руси. С. 411–412.

³ Щавелев А. С., Фетисов А. А. К исторической географии Восточной Европы IX в. 2. Карта скандинавских комплексов и артефактов. С. 290.

⁴ Ширинский С. С. Археологические параллели к истории христианства на Руси и в Великой Моравии. С. 204.

Среднем Поднепровье в середине X столетия появляются тиснёные украшения, декорированные зернью и сканью, имеющие прямую связь с технологиями великоморавского ювелирного дела; складывается первый в Древней Руси парадный женский убор, включающий новый набор изделий¹. «Основной круг аналогий для данных типов украшений, — отмечает С. С. Рябцева, — происходит из западнославянских памятников, и распространение его на территории Руси может быть связано с продвижением сюда в X в. западнославянского населения [принёсшего с собой традиции Подунайского ремесла], фиксируемым и на других видах археологических источников (керамика, предметы конского снаряжения и т.д.)»². Знаменитые туры рога с серебряной оковкой из Чёрной могилы в Чернигове, повторяют технику и орнаментальные мотивы некоторых поясных блях из Микульчиц, Старого Места и особенно типичных великоморавских украшений — гомбиков³.

Срубная технология изготовления жилищ, построенных на Подоле, также могла быть принесена переселенцами из Великой Моравии. Если учесть, что вместе с новым типом жилищ в Поднепровье приходит и новый тип застройки (двор с деревянными вымостками, окружённый частоколом и уличная планировка), характеризующий и новые социальные отношения, это становится ещё более вероятным (на севере славянского мира социальные связи оставались ещё традиционными). Древнерусский город, облик которого, складывается в первую очередь в Киеве — «матери городов русских» — по своей структуре (детинец — предградье) и особенностям укреплений (вал, в основе которого деревянные клетки, забитые землёй) повторяет устройство и характер укреплений городов Великой Моравии⁴. Примечательно и то, что для древнерусского города, как и для великоморавского, свойственно преимущественное распространение вотчинного ремесла, сосредоточенного в усадьбах городской аристократии»⁵.

¹ Рябцева С. С. Древнерусский ювелирный убор: основные тенденции формирования. С. 277.

² Там же. С. 278.

³ Достал Бордживой. Некоторые общие проблемы археологии Древней Руси и Великой Моравии // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 84–85.

⁴ Достал Бордживой. Некоторые общие проблемы археологии Древней Руси и Великой Моравии. С. 86.

⁵ Там же. С. 85.

К данным археологических раскопок примыкает немало свидетельств письменных источников. Начнём с того, что «Повесть временных лет» вопреки «варяжской версии» происхождения Руси, помнит о моравской прародине и прямо заявляет, что поляне-русь и другие восточные славяне пришли с Дуная: «*Бе единъ языкъ словенскъ: словене, иже седяху по Дунаеви, их же прияша угри, и моравы, и чеси, и ляхове, и поляне, яже ныне зовомая Русь*»¹. И далее: «*В Моравы бо ходилъ и апостоль Павелъ училъ ту;... Тем же и словенску языку учитель есть Павелъ, от него же языка и мы есмо Русь, темъ же и нам Руси учитель есть Павелъ, понеже училъ есть языкъ словенскъ...*»². Великая Моравия была родиной славянской азбуки и литературы, которая легла в основу древнерусской письменной культуры. «Бытовой уклад южнорусской жизни, — отмечает Н. К. Никольский, — во многих отношениях воспроизводил формы быта западного славянства. Лексика древнерусского книжного языка сохранила следы заимствований церковных и не церковных терминов, сложившихся у западных соседей Киевской земли...»³. Среди западнславянских заимствований Н. К. Никольский называет: папежь (римский папа), оплаткъ (ритуальный пасхальный хлеб), перегъбы (плащ, накидка), сустуги (металлические застёжки), кмети (воины), цесарь (а не кесарь), вежа, дружина, каланды, заповедь, олтарь, поганый, полата, правая вера, епистолия, смыслен и другие⁴. Слова и традиции западнславянского (великоморавского) христианства, закрепившиеся в русской культуре отмечает и А. Г. Кузьмин. К ним он относит понятия «церковь», «алтарь», «агнец», «поп», «пастырь», «пост»; институт «десятины»; традицию мартовского (а не сентябрьского как в Византии) календарного года⁵. Обращает на себя внимание сходство княжеского именованья — Ростислав, Святополк — имена моравских князей, которые были популярны и на Руси⁶.

¹ Повесть временных лет. С. 15.

² Там же. С. 16.

³ Никольский Н. К. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры. С. 12.

⁴ Там же. С. 14–15.

⁵ Введение христианства на Руси. М., 1987. С. 46–47.

⁶ См. Майоров А. А. Историческая память о Великой Моравии и Верховская историко-географическая провинция // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 4. С. 71–77.

Сказанного, думаю, достаточно, чтобы сделать вывод — Русь как цивилизация формировалась в X веке под сильным влиянием великоморавских традиций общественной и культурной жизни. Ни викинги, ни балтийские или ильменские славяне не могли стать образцом для подражания, поскольку сами ещё не перешли на стадию цивилизации. В этом смысле Древнюю Русь можно считать одной из наследниц Великой Моравии.

Распространение нового типа погребений (ингумации, камеры), резко отличающегося от местного похоронного обычая, с богатым вещевым материалом, драгоценностями и оружием, фиксирует не только старт социальных изменений (действительных, а не воображаемых) и время появления здесь волны западнославянских переселенцев, но и начало Киевской Руси. Оно полностью совпадает с сообщениями современников о первых русских князьях (Игоре, Ольге, Святославе и Владимире) и русах, живущих в Киеве (Константин Багрянородный, Лев Диакон). Ничего другого не остаётся, как только признать именно русов основными носителями «дружинной» культуры в Среднем Поднепровье.

Это, на первый взгляд, противоречит свидетельствам ряда источников, что русы — народ, который сжигает своих мёртвых. Такого рода сведения можно обнаружить у Ал-Истахри, Ибн Фадлана, Льва Диакона и других. Однако существуют источники, сведения которых полностью совпадают с данными археологических раскопок. В их числе Ибн Русте и Гардизи. Ибн Русте, писавший в первой четверти X века, сообщает следующее: «Когда у них [русов] умирает кто-либо из знатных, ему выкапывают могилу в виде большого дома, кладут его туда и вместе с ним кладут в ту же могилу его одежду и золотые браслеты, которые он носил. Затем опускают туда множество съестных припасов, сосуды с напитками и чеканную монету. Наконец, в могилу кладут живую любимую жену покойника. После этого отверстие могилы закладывают, и жена умирает в заключении»¹. Всё это как раз и обнаруживают археологи в Киеве X столетия.

¹ Ибн Русте. Книга дорогих ценностей // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. Восточные источники. М., 2009. С. 50.

Противоречивые сведения о похоронных обычаях русов можно объяснить тем, что не все они придерживались одного обряда: среди них могли быть язычники, христиане и бывшие христиане, вновь вернувшиеся в язычество. Первоначально русы, видимо, как и все славяне сжигали своих умерших — пережитки этого прослеживаются в ранних камерных захоронениях в Киеве в виде остатков ритуальных костров. Часть из них, оставаясь язычниками, продолжала сжигать покойников (те самые 8 % погребений). Другая часть, приняв христианство, стала хоронить в гробах и ямах — их в киевских некрополях больше всего. Третья, оказавшись среди язычников, возможно, вернулась в язычество и стала погребать мертвых, используя смешанный обряд. Вероятно, именно к ним относится русская воинская верхушка.

Ещё одним объяснением может быть то, что в военных походах на соседние страны и народы участвовали не только сами русы, но и восточные славяне — их «пактиоты» (а они сжигали своих усопших), и скандинавы-наёмники (тоже предпочитавшие кремацию). «Учёные» греки, и арабы с персами, наблюдая за ними, не всегда могли различить, кто из них кто, и поэтому предпочитали называть всех заодно русами. Может быть, и путали. Возможно, путаницей объясняется сообщение Ибн Хаукала о том, что часть войска Святослава после разгрома Хазарского каганата ушла разорять Андалусию. Этой частью, видимо, были наёмные варяги-скандинавы, а не сами русы, которые тогда вместе с князем вернулись в Болгарию. В «Повести временных лет», не смотря на всю легендарность её сведений об этой эпохе, тоже отмечается, что Олег и Игорь в поход берут не только русь, но и словен, и варягов. Русская Правда надолго сохраняет деление участников судебного разбирательства на русинов, словен и варягов с колбьягами.

В IX веке, судя по всему, русь ещё обитала в пределах Великой Моравии, где-то между чехами и хорватами. Вместе с чешскими купцами, как показал анализ «Раффельштеттенского таможенного устава» (нач. X в.), сделанный А. В. Назаренко, русы приходили на рынки Баварского Подунавья, спускаясь вниз через Чешский лес¹. Близость русов хорватам объясняет сходство между Русской Правдой и Полицким статутом. Несмотря на то, что между ними большая хроноло-

¹ Назаренко А. В. Русь IX века: обзор письменных источников // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. С. 26.

гическая и географическая разница — Русская Правда составлена в XI веке (древнейший список датируется XIII столетием), а Полицкий Статут — в XV веке за тысячу километров от Руси — они имеют много общего. Оба памятника содержат такие понятия, как вражда, говедо, правда, челядь, свада, овен, ближний, рота, дружина, дым и другие. Только в Русской Правде и Полицком статуте встречается «вервь» как наименование общины¹. Всё это, конечно, требует объяснения. Б. Д. Греков, посвятивший монографию данному вопросу, отмечает: «Очень важно было бы найти объяснение терминологической близости этих двух памятников славянского права. Почему у других древних памятников славянского законодательства нет такого совпадения? Случайным это обстоятельство быть не могло. Такое совпадение заставляет предполагать какую-то длительную близость культурных отношений русского и хорватского народов»². Правда, сам он ответа не нашёл. «Автор настоящей работы [Б. Д. Греков] должен, к сожалению, повторить признание хорватского учёного [Мажуранича] и лишь поставить перед историками, филологами и археологами эту проблему как очередную. Может быть, общими усилиями историков, лингвистов и археологов удастся хотя бы частично разгадать эту загадку»³. Мне кажется, основным препятствием для решения этой проблемы была и остаётся «Повесть временных лет», рисующая такой путь развития Руси, который оставляет за скобками любую возможность её связей с хорватами, когда бы то ни было. На мой взгляд, есть только один выход в этой ситуации — признать, что хорваты и русы жили когда-то рядом, и это «когда-то» не находит себе другого времени и места, как только IX век, и как только Великую Моравию. После разгрома Великоморавского государства пути их разошлись в разные стороны, да так, что они между собой больше не встречались никогда. Ещё одному варианту — русы и хорваты в то время входили в одну культурную общность — мешает отождествление ряда западных источников русов с ругами.

¹ Греков Б. Д. Полица: опыт изучения общественных отношений в Полице в XV–XVII вв. М., 1951. С. 196.

² Там же. С. 196.

³ Там же. С. 196–197.

Такое местопребывание русов — между чехами и хорватами — вписывается и в данные Баварского географа, который помещал их между славянами и хазарами. В виду того, что в Среднем Поднепровье IX столетия следов пребывания русов нет, помещать их следует только в пределах Моравии рядом с хорватами. Вряд ли можно отождествлять с русами, как это делает В. В. Седов, волынцевскую археологическую культуру¹, или салтовскую, как Е. С. Галкина, и уж тем более лука-райковецкую и роменскую.

Становится более или менее ясной судьба так называемого «Русского каганата», следы которого искали по всей Восточной Европе. Начавшись (если доверять данным Бертинских анналов) в конце 30-х годов IX века, он не успел сложиться в полноценное государство, потому что был завоёван моравскими князьями (поэтому и не оставил никаких особых материальных следов).

Отождествлять русов с норманнами надёжных оснований нет. Согласно археологическим раскопкам, скандинавы, оседавшие в Восточной Европе в торговых факториях (Гнёздове, Ладоге, Тимерёво), предпочитали захоронения в ладье или с обрядом порчи оружия, а основным типом погребения в Киеве и округе в это же время является ингумация в камере или могильной яме. Погребений в ладье здесь вообще нет. Наоборот, там, где появлялись русы, следы норманнов (и вещевого набор, и характерные захоронения) исчезали. Безусловный факт — по мере продвижения Руси по Восточной Европе, скандинавские древности пропадают, а не учащаются. «Действительно, — пишет А. П. Толочко, — на рубеже X–XI веков, когда Киевское государство начинает осваивать территории севера и востока, затухает коммерческая активность на Волжском пути, фактически прекращают свое существование связанные с ней протогородские центры [те самые Гнёздово, Тимерёво, Ладога и т.п.], а их место заступают основанные заново и на новых местах города, вызванные к жизни совершенно другой системой экономических и политических отношений»².

¹ Критику этой гипотезы см.: Воронятов С. В. Волынцевская «культура» и «Русский каганат» // Альманах молодых археологов 2005. По материалам II международной студенческой научной конференции «Проблемы культурогенеза и древней истории Восточной Европы и Сибири». СПб., 2005. С. 199–210.

² Толочко А. П. Очерки начальной руси. С. 175.

Никаких следов после себя норманны в Восточной Европе не оставили. Если бы не раскопки археологов, мы никогда бы не узнали, что они тут были. В древнерусском языческом пантеоне нет богов скандинавского происхождения, древнерусский язык (и русский как его наследник) не испытал влияния норманнских языков (за исключением небольшого набора лексических заимствований), скандинавская топонимика — важный показатель постоянного пребывания народа — на Руси отсутствует. Об этом же свидетельствует и политическая терминология — она вся славянская, без исключения: князь, вече, дружина, тысяцкий, посадник, сотский, десятский. Правда, считается, что слово «князь» германского происхождения. Однако оно характерно для всех славянских языков и заимствовано ещё во времена праславянского единства, и не у норманнов, а у германцев¹.

Ни один письменный источник прямо не связывает русов и норманнов друг с другом. Даже «Повесть временных лет». Здесь говорится только о том, что род, давший новое имя полянам (и сгинувший затем бесследно), относился к варягам, наряду с другими северными народами. В. Л. Янин, цитируя летопись, справедливо замечает по этому поводу: «Те варяги, которые были призваны в бассейн Ильменя и Волхова, не были ни шведами (Свеями), ни германцами (Урманями), ни британцами (Англянами), ни готландцами (Готами); они называли себя Русью»². Не признают русов своими и скандинавские саги. Исследования норманнского фольклора показали, что «суровые сказки викингов» никого не знают из русских князей ранее Владимира. Ни одна из них не утверждает, что Владимир был родственником какому-либо норманнскому конунгу или имел скандинавского предка и нигде не говорит о том, что шведы или какое-либо норманнское племя носило имя «русь» (на это обратил внимание ещё в XIX веке С. А. Геденов). И Владимир, и все остальные русские князья кажутся им чужими³. Обычно саги кратко отмечают, что один из героев от-

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М., 1986. Т.2. С.266.

² Янин В. Л. О начале Новгорода // У истоков русской государственности: историко-археологический сборник. СПб., 2007. С. 209.

³ Фомин В. В. Варяги и варяжская Русь. С.376 –377.; Клейн Л. С. Спор о варягах... С.218.

правился на Русь (в Гарды, Гардарики) и там служил конунгу — Владимиру или его сыну Ярославу¹. Имена других киевских князей скальды не помнят.

Все суждения о принадлежности русов к «норманнским» народам покоятся исключительно на косвенных данных, которые допускают различные толкования. Это касается и сообщения «Бертинских анналов» о том, что к Людовику Благочестивому в 839 году явились какие-то люди (оказавшиеся шведами) — то ли послы, то ли шпионы — якобы от имени кагана росов. При этом изъяснялись почему-то по-гречески, а не по-шведски (росы — греческое наименование русов). Иначе говоря, перед нами случайное и не совсем ясное сообщение западного хрониста, возможно восходящее к словам греческих послов. Это и сообщение Лиудпранда Кремонского о том, что русь они называют иначе норманнами. Ну, а кем русов только не называли средневековые хронисты — и ругами, и рутенами, и скифами, и тавроскифами, и «от рода франков», и дромитами, и «библейскими» росами. Почему предпочтение нужно отдавать «норманнской» версии? И почему именно в смысле викинги, а не «северные люди» или «северные скифы»? «Норманнство» русов в сообщении Лиудпранда (и ему подобных) отражает не факт, а учёную традицию и представления автора. Это касается и сведений ал-Йа'куби о нападении на Севилью в 844 году неких маджусов (то есть язычников, огнепоклонников), «которых называют русами»². Другие авторы, которые добавляют и новые детали, называют нападавших «ал-урдуманийун» (Ибн Хаййан, Ибн Са'ид ал-Магриби) или только маджусами (Ибн ал-Кутиййа, Ал-'Узри, Ал-Бакри, Ибн ал-Асир, Абу-л-Фида'). Почему ал-Йакуби приписал это нападение русам — не ясно. Также это касается и данных Ибн Фадлана, который видел купцов русов в Булгаре во времена князя Игоря и описал их очень похожими на норманнов — они носят короткие куртки и широкие шаровары, моются все из одной лохани и сжигают в ладье своих умерших. А вот Ибрагим Ибн Якуб, который побывал в Праге и Магдебурге (в 965 г.) и тоже, видимо, встречал русов, утверждает, что они наряду с другими народами севера, говорят по-славянски. А самые ранние восточные авторы, как Ибн Хордадбех, вообще называет

¹ Там же. С.486.

² Ал-Йа'куби. Книга стран // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. С. 38.

русов видом славян. В полной мере это относится и к сведениям Константина Багрянородного о двойных названиях днепровских порогов, где «росские» названия не совпадают со «славянскими», точнее не всегда совпадают. Эти «росские» пороги выводят из самых разных языков. И скандинавские аналогии — не самые убедительные. Остаётся не ясным, откуда почерпнул автор эти сведения, и кто был информатором. М. Н. Тихомиров полагал, например, что ими были норманны¹. Тем более это относится к версии финского происхождения названия «русь». Она далеко не единственная, и не самая безупречная².

Таким образом, по данным материальной культуры Восточная Европа — некогда глухая окраина славянского мира — в IX–X веках переживает значительные перемены. На севере, в районе Ладоги и Приильменя, а затем Верхнего Поволжья и Поднепровья, на путях следования арабского серебра образуются крупные торговые фактории (Ладога, Гнёздово, Тимерёво и др.). Они привлекают к себе отряды норманнов — воинов и купцов — оставивших после себя, главным образом, вещевой материал скандинавского облика, драгоценности, оружие и захоронения в ладье с обрядом сожжения на месте погребения. Расцвет скандинавских древностей в Восточной Европе (а значит и период господства норманнов) падает на X столетие. Наряду с ними эти места активно осваивали выходцы из славянской Прибалтики. В это же время в районе Киева, Среднего Поднепровья в целом и междуречья Днепра и Десны распространяется иная дружинная культура, преимущественно с погребениями в могильных ямах, гробах и камерах с западной ориентировкой костяка. Захоронения сопровождаются богатым вещевым материалом: оружием, украшениями, монетами, элементами конской упряжи и т.п. Прослеживается их связь с культурой разгромленной венграми Великой Моравии. По всей видимости, в Среднее Поднепровье из Моравии прибыли представители самых разных славянских общностей, но основу и господствующую верхушку составили русы, по крайней мере, в то время — носители славянской культуры, частично принявшие христианство. Время начала Руси, исходя из этих данных, следует датировать первой половиной X века.

¹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 14.

² Поляков А. Н. Киевская Русь как цивилизация. 2-е изд. С. 100–101.

К середине столетия она в основном сложилась. В качестве наёмников в процессе формирования Русской земли приняли участие и норманны. Те отряды скандинавов, которые хозяйничали на торговых путях и международных факториях во второй половине X и XI веках были вытеснены из Восточной Европы Русью.

2.2 Формирование элитарной культуры в Древней Руси

Цивилизация как историческое явление представляет собой социальную систему, основанную на выделении слоя людей освобожденных от производительного труда¹. Если говорить в привычных для советской науки терминах, это конкретное классовое общество, ну, или как писал В. П. Илюшечкин, послепервобытное². Понятие «социально-исторический организм» (социор), о котором пишет Ю. И. Семёнов³, рассматриваемый им как объект исторической науки, тоже, по сути, подразумевает цивилизацию, т.е. конкретное классовое общество с государством (или государствами), городами и оригинальной элитарной культурой. Другими типами обществ историки, как правило, не занимаются. Слой свободных от труда людей — элиту общества — можно считать социальным ядром цивилизации. Присущая им культура резко отличается от массовой народной культуры (хотя и имеет с ней много общего), прежде всего, тяготением к роскоши. Но именно элитарная культура характеризует особенности социально-исторических процессов, происходящих в обществах, перешедших на стадию цивилизации. Формирование такой культуры свидетельствует о зарождении и развитии социального неравенства и государства. Цивилизация, как особый тип общества, нуждающийся в новой системе власти и управления (то есть в государстве), развивается синхронно с ней. Материальные признаки выделения элиты — социального ядра цивилизации — надёжные маркеры и появления государства, и зарождения цивилизации. К таким признакам можно отнести создание комплекса вооружения, производство и распространение предметов роскоши, появление монументальной архитектуры и городов. Как прави-

¹ Поляков А. Н. Киевская Русь как цивилизация. 2-е изд. С. 55.

² Илюшечкин В. П. Сословно-классовое общество в истории Китая. М., 1986. С. 110.

³ Семёнов Ю. И. Философия истории. М., 2003. С. 21, 24.

ло, элитарная культура вызывает к жизни также письменность, литературу и высокое искусство. Процесс формирования древнерусской элитарной культуры, её источники и образцы, определяют и время, и создателей, и особенности цивилизации, называемой нами Киевская Русь. Проявление этих признаков, как мне уже приходилось неоднократно писать, происходит постепенно, на протяжении всего X столетия. Стало быть, становление древнерусского государства и общества в целом следует рассматривать как длительный и сложный исторический процесс, связанный с множеством факторов. Понять его можно, проследив истоки и тенденции развитие элитарной культуры¹.

Вооружение. Появление разнообразных форм и видов оружия в X столетии в зоне расселения восточных славян носит характер технической революции. Древнерусский комплект вооружения в X веке включал: меч, топор, кистень, копье, дротик (сулица), нож и лук со стрелами. Воина защищали: шлем, кольчуга и щит. Мечи имели европейское происхождение. Производились в основном в Рейнской области и попадали на Русь различными путями. Собственное производство мечей началось в конце X– начале XI веков. Первые находки на территории будущей Руси относятся к концу IX века. В Среднем Поднепровье — ядре Русской земли — мечи появляются во второй половине X столетия. «Находки мечей, — отмечает А. Н. Кирпичников, — сконцентрированы в нескольких больших областях древней Руси — Юго-Восточном Приладожье, в районах Смоленска, Ярославля, Новгорода, Киева, Чернигова, Плеснеска. Мечи найдены главным образом в крупнейших курганных некрополях...»². Вплоть до середины XI века в ходу был только один тип мечей — франкский (каролингский) — с длинным (около 1 м) и широким (6–6,5 см) лезвием, с долем, занимающим среднюю треть полосы. Мечи такого типа тяжёлые — около 1,5 кг. Обычно имеют прямое неширокое перекрестье и разнообразные по форме навершия (треугольные, полукруглые, трёх- или пятичастные и др.)³.

Топоры — широко распространённое оружие пехоты. На территории Восточной Европы известно несколько типов. *Первый* (I, II) — чекан — боевой топор

¹ См.: Поляков А. Н. Киевская Русь как цивилизация. 2-е изд. С. 26–76.

² Кирпичников А. Н. Мечи Киевской Руси (IX–XI вв.) // СА. 1961. № 4. С. 180.

³ Древняя Русь. Город, замок, село. С. 300–301.

с продолговато-треугольным узким лезвием и молоточком в тыльной стороне обуха. Имеет восточное происхождение. Получил распространение в X веке (часто находят в дружинных погребениях) и сохранил своё значение позже, оставаясь в арсенале русского воина на протяжении всего древнерусского периода. К нему примыкает тип топора с вырезным обухом и боковыми мысовидными отростками-щекавицами (III). Считается древнерусским изобретением. *Второй* (IV) — универсальный, наиболее массовый топор с оттянутым вниз лезвием, двумя парами боковых щекавиц и удлинённым обухом. Конструкция его признаётся самой совершенной. Удачная форма топора и надёжный, крепкий обух делали его очень эффективным. В походах его использовали, как в качестве хозяйственного, так и боевого орудия. Датируется X–XII веками. *Третий* (V) — с «выемкой и опущенным лезвием» известен главным образом на севере Руси (курганы юго-восточного Приладожья). Предположительно финно-русского происхождения. Известен в Северной Европе. *Четвёртый* (VI, VII) — секира — с широким расходящимся лезвием. Был распространён на всём севере Европы. Его использовали норманны и англо-саксы. На Руси находят в основном в северных районах. *Пятый* (VIII) — с относительно узким лезвием. Такие топоры редки и встречаются только в юго-восточном Приладожье и Муромской земле. В XII — XV веках бытует модифицированная версия этого типа — у него отсутствует щекавица, а затыльник вытянут вдоль топорща¹.

Кистень — ударное оружие пехоты и конницы, предназначенное для нанесения внезапного удара в любом направлении. На Руси появляется во второй половине X века и находится на вооружении русского воина вплоть до XVI столетия. Распространён в основном в Киевском Поднепровье. Считается заимствованием из кочевого Востока. Известно несколько типов кистеней. *Первый* — в виде костяной гирьки удлинённо-яйцевидной формы — бытовал до XIV века. *Второй* — железные и бронзовые гири — гладкие, гранёные или с мелкими выпуклостями. Использовались в то же время, что и первый тип. Остальные виды кистеней (3–6 типов) появляются позже X столетия².

¹ Там же. С. 310–311.

² Древняя Русь. Город, замок, село. С. 311–312.

Копья — главное оружие ближнего боя. Широко распространены наряду с топорами. Использовались, практически не меняясь с IX по XV век. Длина древка обычно соответствовала росту человека. Наконечники по форме были весьма разнообразны. *Первый* тип — ланцетовидной формы — в длину достигал 40 см. Широко бытовал в Европе в эпоху викингов. На Руси чаще всего встречается на севере с X до середины XI века. *Второй* тип — ромбической формы — длиной до 30 см, уже в X веке переживает время упадка и встречается редко. Наконечники этого типа обнаружены главным образом среди мурома-мордовских древностей IX—XI вв. *Третий* — удлинённо-треугольной формы с относительно широким пером — длиной 20–40 см. Восходит к общеславянским образцам. Такие наконечники распространены широко. Бытуют вплоть до XIV века. *Четвёртый* — с пером продолговато-яйцевидной формы — известен только с XI века на севере Руси. Связывается с влиянием прибалтийских (эстонских, латвийских) типов. Распространение не получил. С XII века претерпел изменения, получив лавролистную форму (в таком виде бытовал до XIII века). *Пятый* — в виде четырёхгранного стержня и воронковидной втулкой. Длина такого наконечника варьируется от 15 до 30 см. Ширина — 1,5 см. Происхождение данного типа степное. Это обычное оружие кочевника. Уже с X столетия распространяется по всей территории Восточной Европы. *Шестой* — вытянуто-треугольной формы с черешком вместо втулки. В составе русского вооружения такие копья случайны. Распространены незначительно и только в районах финно-угорского населения. Время бытования с IX по XI век. *Седьмой* — с лезвием в виде двух расходящихся в сторону шипов. Принятое название — *гарпуны*. Имеет охотничье предназначение. Бытует с IX века на протяжении всего древнерусского времени. Среди всех перечисленных типов наибольшее распространение (80 % находок) получили копья с ланцетовидными (1 тип), удлинённо-треугольными (3 тип) и пиковидными наконечниками (5 тип). Дротики (сулицы) — метательные копья (древко около 150 см). Чаще всего имеют наконечники удлинённо-треугольной формы (3 тип)¹.

¹ Там же. С. 308–310.

Ножи — имели вспомогательное значение, но были стандартным атрибутом воина. Обычно они не отличались от бытовых и затачивались также с одной стороны. К боевым разновидностям относится большой нож с удлинённым клинком и костяной рукояткой. Конец лезвия у него в пределах 20–40 мм затачивался с двух сторон¹. В X столетии в воинских погребениях встречаются скрамосаксы — большие массивные ножи, длина которых могла достигать 76 см, а ширина у рукояти — 3–7 см. Большого распространения они не получили и вскоре совсем исчезли (видимо вместе с их носителями — викингами).

Лук и стрелы — важнейшее оружие дальнего боя. На Руси получил распространение сложно-составной лук, восточного происхождения. С натянутой тетивой он напоминает букву «М». «...Появление сложно-составного лука (а также другого снаряжения конного лучника) на территории Древней Руси можно отнести ко времени не ранее второй четверти — середины X в.»². На Руси делали, если можно так сказать, всепогодные луки — они использовались и в жару, и в мороз, и в сухую, и в дождливую погоду. Сила древнерусских луков варьировалась от 20 до 80 кг. Изготавливали лук из хорошо оструганных длинных планок различных пород дерева (можжевельника и берёзы), которые для предохранения от сырости винтообразно оклеивали тонкими полосками бересты. Планка из можжевельника находилась с внутренней стороны, берёзовая — с внешней. Тетива изготавливалась из волокнистых растений, шёлковых нитей и сыромятной кожи. Для удобства ношения лук помещали в специальный футляр — налучье. Стрелы, как правило, делались из сосны, ели или берёзы. Наконечники стрел имели различную форму, в зависимости от предназначения. По незащищённому врагу или по коням использовали трёхлопастные и плоские наконечники стрел, наносившие широкие раны. Двухшипные наконечники не давали возможности освободиться от стрелы, не расширив рану. Для пробивания кольчуг использовали наконечники с узкой, шиловидной, массивной головкой; против пластинчатых доспехов, шлемов и щитов — узкие массивные доло-

¹ Древняя Русь. Быт и культура. С. 18.

² Каинов С. Ю., Михайлов К. А. Находки деталей сложносоставного лука на территории Древней Руси // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: сб. 80-летию со дня рожд. А. Н. Кирпичникова / отв. ред. Е. Н. Носов, С. В. Белецкий. М., СПб., 2009. С. 352.

товидные наконечники, а также с гранёной головкой. Стрелы укладывали в колчан, который на Руси назывался «тул». Известно два основных типа колчана — цилиндрический с расширением у дна и полуцилиндрический. Стрелы окрашивали в различные цвета, в зависимости от предназначения и помещали в тул оперением вверх¹.

Шлемы в Древней Руси имели в X веке коническую и сфероконическую форму. Оба типа имеют восточные корни. Наибольшее распространение получил сфероконический шлем, который считается изобретением ассирийцев. Его древнерусское название — шелом (шолом). Щиты в X веке — круглые, снабжённые в центре полушаровидным или сфероконическим умбоном. Миндалевидная форма щитов появляется только в XI столетии. Кольчуга на Руси вплоть до XV века называлась «броня». Предполагается её германское происхождение. Однако местное её производство было налажено уже в X столетии².

Перечисленные основные виды оружия и защитного снаряжения, характерные для эпохи становления Древней Руси, позволяют отметить следующие моменты. Комплекс вооружения древнерусского воина складывается в середине – второй половине X века и носит характер эклектики. Многие средства боевого и защитного применения были заимствованы. Меч, кольчуга, некоторые виды наконечников копий и стрел — на Западе. Кистень, лук, пика, шлем — на Востоке. Однако западные заимствования не получили перспективы. Следует отметить, что оружие «викингов» чаще всего имеет в Восточной Европе локальное распространение (север, северо-восток), очевидно, в местах, где появлялись его носители (в качестве купцов, разбойников или наёмников). Типы и формы вооружения, принесённые ими на Русь, не закрепились здесь и не стали основой для русского оружия. Все они исчезают в XI веке (ланцетовидные и некоторые другие наконечники копий, скрамосаксы). Мечи и кольчуги прижились, но они были заимствованы ещё в великоморавский период и пришли в Среднее Поднепровье вместе с русью. С конца X века начинается их местное производство, а в середине XI века мечи-каролинги сменяются романскими.

¹ Древняя Русь. Город, замок, село. С. 312–315.

² Там же. С. 315–317.

Древняя Русь национализировала либо восточные образцы вооружения (копья-пики, сложно-составной лук, чеканы, кистень, шлем, с XI века саблю и булаву), либо общеславянские (IV тип топора и III тип наконечника копья), имевшие двойное предназначение. Именно восточные и общеславянские образцы оружия получили повсеместное и массовое применение и развитие как национального комплекса вооружения.

Производство и распространение предметов роскоши. Складывание к середине X века первого древнерусского комплекса ювелирных украшений и появление новых технологий ювелирного дела (тиснение, зернь, скань) — ещё одна техническая революция в мире восточных славян. Ювелирный убор на Руси эпохи её становления (X век) включает: серьги «волынского» типа, подвески-лунницы, круглые полусферические подвески, шаровидные пуговицы, лопастные бусы.

Серьги «волынского» типа имеют два основных варианта: а) с полый штампованной подвеской; б) с подвеской, составленной из множества полых крупных и мелких шариков. Классическим является тип серьги с пятичастной зернёной подвеской, украшенной в середине ромбами и треугольниками, сделанными из мелкой зерни. На Руси он встречается на Волыни и в Среднем Поднепровье. Второй тип отличается от первого только техникой изготовления (внешне серьги похожи). Кроме Руси, встречается в Болгарии, Венгрии, Румынии, Югославии и Польше. Серьги «волынского» типа возникли, по мнению С. С. Рябцевой, на основе болгарских и аварских образцов в Великой Моравии и попали на Русь вместе с западнославянскими мастерами, переселившимися в эти места после гибели моравского государства¹.

Подвески-лунницы — украшения в виде полумесяца — имеют множество разновидностей. Традиция изготовления подобных украшений восходит к бронзовому веку. Подвески в виде полумесяца носили скифы, древние греки, римляне, народы Средней и Передней Азии. В славянском уборе первые экземпляры лунниц появляются в VII веке, как отголосок общеевразийской моды. Для Руси были харак-

¹ Рябцева С. С. Древнерусский ювелирный убор: основные тенденции формирования. С. 82, 96, 103–104.

терны ширококорогие зернёные подвески-лунницы, имеющие западнославянское происхождение¹.

Круглые полусферические подвески, украшенные зернью, сканью и напаянными тиснёными колпачками, входили в состав ожерелий, где сочетались с металлическими или стеклянными бусинами и подвесками-лунницами. Делятся на три основных типа: а) с одним тиснёным колпачком, напаянным в центре подвески; б) с тремя колпачками, напаянными выше центра; в) с четырьмя лучами таких колпачков, отходящими от центрального колпачка. На территории Древней Руси первые находки таких подвесок относятся к середине — второй половине X века в Киеве и Гнёздово².

Шаровидные пуговицы — серебряные украшения с трубчатыми ушками. Интерпретируются как подвески или как пуговицы. Украшались орнаментом в виде треугольников и ромбов, выполненными зернью и сканью. Прототипы для них происходят из западнославянских памятников Подунавья IX века, то есть всё из той же Великой Моравии³.

Лопастные бусы состояли из тиснёного стержня с шариком-утолщением посередине, вокруг которого располагались три выпуклые тиснёные лопасти, украшенные зернью и сканью. Подобные бусы и подражания им, кроме Руси, найдены в Австрии и Польше⁴.

Спустя около столетия после принятия христианства, древнерусский ювелирный убор существенно (хотя и не полностью) изменился под влиянием Византии. «В середине (конце) XI–XII вв. на Руси, — отмечает С. С. Рябцева, — появляется масса новых типов ювелирных украшений (трёхбусинные серьги, колты с рясами, широкие створчатые браслеты-наручи, венцы-диадемы), являвшиеся, в основном, произведениями городских ювелиров и предметом городской моды, подчас доступными только привилегированным слоям. ... Появление предшествующего убора, на наш взгляд, объясняется приходом западнославянского населения, принёсшего с собой

¹ Там же. С. 112, 118, 121–122.

² Рябцева С. С. Древнерусский ювелирный убор... С. 122–123.

³ Там же. С. 126, 129.

⁴ Там же. С. 130–131.

традиции Подунайского ремесла, впитавшего византийские традиции. Здесь же мы имеем дело, вероятно, с непосредственным вывозом из Византии на Русь моды на эти типы украшений, отдельных изделий и мастеров, которые начинали совместно с русскими ювелирами производство некоторых из этих украшений»¹.

Вместе с византийской модой на Русь пришли и герои сюжетов византийских украшений: грифоны, львы, барсы, девы-сирины, птицы, крины, побеги растений, плетёнка, геометрические узоры, танцующие и пирующие люди, девичьи лики и образы святых². Все они стали излюбленными персонажами древнерусских ювелиров. Нередко это воспринимается как отражение языческих пережитков. Между тем, «сюжет с птицами у мирового древа, — пишет С. С. Рябцева, — принадлежит к категории общечеловеческих и присутствовал в искусстве народов Древнего Востока и Греции. Изображения птиц на ранних киевских изделиях почти точно повторяют византийские оригиналы...»³. Девы-сирины древнерусских колтов восходят к армяно-персидским образцам (через херсонесское посредство). Грифон, первоначально связанный с солнечным культом, атрибут бога Апполона, в Византии был эмблемой кесарского чина⁴. «Изображения плясунов, пирующих, музыкантов с древнерусских браслетов-наручей находят аналогии в произведениях византийской торевтики...»⁵.

Монументальное зодчество, литература и живопись. Строительство крупных архитектурных сооружений в Древней Руси обнаруживается позже всех остальных признаков цивилизации (если не считать литературу и живопись). Первым древнерусским монументальным зданием является Десятинная церковь в Киеве. Нигде ранее на всей территории Восточной Европы не было построено ничего подобного. Восточные славяне не возводили храмы языческим богам (как это впоследствии делали славяне южной Прибалтики). И даже если признать те постройки, о которых пишут И. П. Русанова и Б. А. Тимащук, языческими храмами, считать их монументальными сооружениями, вряд ли можно⁶. Археологические данные на тер-

¹ Там же. С. 278.

² Там же. С. 184, 262.

³ Там же. С. 184, 185.

⁴ Там же. С. 185.

⁵ Там же. С. 261.

⁶ Русанова И. П., Тимащук Б. А. Языческие святилища древних славян. Ладога; М., 2007. С. 52–54.

ритории Восточной Европы позволяют надёжно говорить только об открытых святилищах. Связано это, конечно, не с «особой статью» восточных славян, а с тем, что в языческую эпоху они ещё не успели перейти на стадию цивилизации.

Как было сказано ранее, Десятинная церковь, по сведениям «Повести временных лет», была построена греческими мастерами по заказу крестителя Руси князя Владимира в 996 году. Иаков Мних даёт относительную датировку — на 4-е лето после крещения, то есть указывает на тот же 996 год. Согласно археологическим данным, стены храма были сложены из плоского византийского кирпича-плинфы на известковом растворе «с заполнителем из толчёной керамики (цемянки)» в технике скрытого ряда. «Эта техника, как и сохранившиеся фрагменты богатого убранства здания, — пишет П. А. Раппопорт, — свидетельствуют, что строителями были столичные византийские мастера»¹. Вместе с церковью греки «построили кирпичные ворота — парадный въезд на укрепленную территорию киевского «города Владимира», а также несколько дворцовых зданий»². Судить об их облике сложно из-за плохой сохранности остатков. «Ясно лишь, что это были не жилые, а парадные помещения, — отмечает П. А. Раппопорт, — тогда как жилые были деревянными и находились либо на втором этаже, либо рядом с кирпичными дворцами»³. Впрочем, дворцовый характер этих зданий предположителен и признаётся не всеми⁴. Возможно, они предназначались для приёмов послов, княжеского суда и т.п.

Закончив строительство первого на Руси ансамбля монументальных построек, греческие мастера вернулись в Византию, поскольку каменное строительство после этого прервалось и не возобновлялось вплоть до 30-х годов XI столетия⁵.

Систематическое монументальное строительство силами своих собственных зодчих началось на Руси только в XI веке. Все древнерусские храмы, как и Десятинная церковь, планировались и возводились по византийской крестово-купольной системе, как правило, из кирпичей-плинф на известковом растворе. Первым монументальным

¹ Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. СПб., 1993. С. 30.

² Там же. С. 30.

³ Там же.

⁴ Елшин Д. Д. Комплекс монументальных сооружений конца X века на Старокиевской горе: археологический, историко-архитектурный и градостроительный аспекты: автореферат дис. к.и.н. СПб., 2008. С. 17.

⁵ Раппопорт П. А. Древнерусская архитектура. С. 30.

тальным сооружением, в котором, греческое влияние хотя бы частично было переработано в русском национальном стиле, считается Спасская церковь Евфросиньева монастыря в Полоцке, построенная в середине XII века. Это всё тот же крестово-купольный храм (шестистолпный с одной апсидой), но внешнее его оформление уже далеко ушло от греческих традиций. Барабан главы храма высоко поднят, закомары оформлены в виде кокошников, такой же формы бровки над окнами. Вся конструкция сооружения как бы подчёркивает стремление вверх¹.

Первые литературные произведения на Руси относятся к XI веку. «Появление русской литературы в конце X – начале XI века — «дивлению подобно». — пишет Д. С. Лихачёв — Перед нами как бы сразу произведения литературы зрелой и совершенной, сложной и глубокой по содержанию, свидетельствующей о развитом национальном и историческом самосознании»². Связано это с богатым наследием, которое восприняла Русь вместе с христианством. Это традиции античной и византийской литературы, попавшие на Русь частично непосредственно из самой Восточной империи (после крещения), частично через посредство Великой Моравии, о чём выше уже говорилось, частично из Болгарии, успевшей пережить свой «золотой век» литературы в эпоху царя Симеона. «Богатая болгарская переводная и оригинальная литература, — отмечает Д. С. Лихачёв, — перешла на Русь и здесь стала органической частью литературы русской»³. Одним из первых оригинальных произведений древнерусской литературы является «Слово о Законе и Благодати» Илариона, написанное в эпоху Ярослава Владимировича, примерно, в 1037–1050 годах. Благодаря своей ритмичности и лаконичности «Слово» стало одним из лучших образцов мирового ораторского искусства. «И произведение это, подчёркивает Д. С. Лихачёв, — не перепев византийских образцов, ибо это не просто богословская проповедь того типа, который был распространён в Византии, а богословско-политическое выступление, которых не знало византийское ораторство, и при этом на национально-русскую тему»⁴.

¹ Раппопорт П. А. Зодчество Древней Руси. Л., 1986. С. 84–85.

² Лихачёв Д. С. Величие древней литературы // Библиотека литературы Древней Руси. СПб, 1997. Т. 1. С. 17.

³ Там же. С. 18.

⁴ Там же. С. 20.

Первые книги, распространявшиеся на Руси, были, по всей видимости, написаны глаголицей, но потом переписаны кириллицей. Глаголица более ранний алфавит, чем кириллица. Древнейшая надпись, сделанная глаголицей — граффити на стене церкви болгарского царя Симеона в Преславе — датируется 893 г. В то время как древнейший кириллический текст — надгробная надпись болгарского царя Самуила — 993 годом. Первый рукописный памятник, написанный глаголицей — «Киевские листки», относится к концу IX — началу X века. Как и у других глаголических текстов, его язык более архаичен и обладает особенностями западнославянских говоров, что указывает на их связь с первыми славянскими переводами и снова отсылает нас к Великой Моравии. «Среди известных нам палимпсестов, — отмечает Г. А. Хабургаев, — есть кириллические рукописи, написанные по смытой глаголице; но нет ни одного глаголического памятника, который был бы написан по смытой кириллице»¹. В 1047 г. «попъ Упирь Лихьи» переписал «Рукопись толковых пророков», о чём сам же сообщил в послесловии. Так вот, писал он кириллицей с глаголического оригинала, о чём говорят случайно скопированные им отдельные глаголические буквы и некоторые слова. При этом переписчик кириллицей называет глаголицу: «Слава тебе г(оспод) и, ц(а)рю н(е)б(е)сныи, яко сподоби мя написати книги си ис **коуриловице** (выделено мною. — А. П.), князю Володимиру, Новегороде княжашю, с(ы)н(о)ви Ярославлю большему, почях же е писати в лет(о) 6555, м(е)с(я)ца мая 14, а кончах того же лет(а), м(е)с(я)ца декабря, въ 19, азъ, попъ Оупирь Лихьи. Темъ ж(е) молю всех прочитати прор(о)ч(е)ство се. Велика бо чудеса написаша нам сии пр(о)роци в сих книгах. Здоров же, кн(я)же, буди, в векъ живи, но обач(е) писавшаго не забываи»². Видимо, первоначально именно глаголицу называли кириллицей (то есть азбукой, придуманной Кириллом), и только после того, как она вышла из употребления, её название перешло на азбуку, основанную на византийском уставном письме³.

¹ Хабургаев Г. А. Старославянский язык. М., 1986. С. 23.

² Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI-XIV вв. М., 2000. С. 11.

³ Хабургаев Г. А. Старославянский язык. С. 23.

Живопись в Древней Руси представлена мозаиками, фресками, иконами и книжными миниатюрами. Как и монументальная архитектура, она была заимствована из Византии. Оттуда пришла технология всех видов живописи, а с ней и композиционные приёмы, правила, пропорции человеческих фигур, образы, символизм, система передачи пространства и времени. Многих историков искусства удивляет, насколько быстро русские живописцы усвоили все эти каноны и достигли высот византийской культуры¹. Внезапное появление развитой русской живописи в XI веке, как и литературы, «дивлению подобно». Первые образцы живописи Русь должна была увидеть в Десятиной церкви. Но уже во времена Ярослава, сына крестителя земли Русской, местные художники участвовали в росписи главного храма страны — Софийского собора в Киеве, не уступая греческим учителям. Во всяком случае, так предполагается. Почему так произошло — убедительного ответа на этот вопрос, так и не появилось. Думаю, всё дело в том, что русская национальная живопись к X-му и тем более XI веку, как и литература, уже имела длительный путь развития, но не на Руси, а в Великой Моравии и Болгарии. За плечами русских воинов стояли великомаравские ювелиры, болгарские книжники и художники, которых русь воспринимала как своих собственных.

Города. Новой формой поселений, отражающей процесс становления цивилизации в мире восточных славян, стали города. Им предшествовали торгово-ремесленные поселения вдоль Волжского пути (где останавливались и обслуживались заморские гости) и масса восточнославянских селищ (в основном) и городищ с бедной материальной культурой и хаотичной застройкой небольшими подквадратными жилищами — на юге полуземляночными, на севере наземными.

Древнерусский город — политический, военный, экономический и культурный центр своей округи. Это было главное место для монументального строительства. Здесь сосредотачивалась воинская землевладельческая знать, находились все властные структуры и очаги культуры. Все города в Древней Руси имели одинаковую структуру, застройку и материальную культуру. Для городов Киевской Руси характерны укрепления по всему периметру поселения (в отличие от славянских кре-

¹ Живопись домонгольской Руси. М., 1974. С. 5.

постей, которые укреплялись только с напольной стороны). Они состояли из рва, вала, в основе которого были срубы забитые землёй и камнями, и деревянных стен с башнями на поворотах. Как правило, город имел две (и более) системы обороны: детинец (акрополь) — главную, наиболее мощную крепость и окольный град с более лёгкими укреплениями¹. В основе застройки древнерусских городов были дворы, окружённые частоколом. Улицы городов мостились с помощью расколотых брёвен, уложенных плоской стороной вверх, вдоль которых прокладывались водоотводные сооружения в виде связанных между собой деревянных труб, срубов-водосборников и бочек-отстойников. Наличие дворово-уличной застройки и более развитые укрепления — важнейшие качественные различия между древнерусским городом и слабо укреплённым (или вовсе не укреплённым) восточнославянским посёлком с хаотичным расположением жилищ.

Процесс становления городов в Древней Руси (то есть приобретение ими вышеназванных признаков) растянулся на всё X столетие. Первым городом был Киев, который назван автором «Повести временных лет» «матерью городов русских». Именно здесь впервые на восточнославянской территории появляется дворово-уличная застройка — в конце IX – начале X века (о чём выше уже говорилось). Что касается первых укреплений на Старокиевской горе — ядре древнерусского Киева, единой точки зрения по этому вопросу нет. М. К. Каргер считает, что они были построены в VIII–IX веках. П. П. Толочко относит их появление к более раннему времени — VI–VII векам². А. В. Комар и некоторые другие современные авторы называют более позднюю датировку. «Первые слабые укрепления Старокиевского городища, — пишет А. В. Комар, — возникли не ранее рубежа IX–X вв. ... К середине X в. оказалось, что своё существование в качестве крепости городище не оправдывает, укрепления забросили и вал начал разрушаться ...»³. К такому же выводу приходит и К. А. Михайлов. Он пишет: «Киевские укрепления были возведены в самом конце

¹ Раппопорт П. А. Древние русские крепости. М., 1965. С. 14.

² Толочко П. П. Историческая топография раннего Киева: реальная и вымышленная. С. 152.

³ Комар А. В. Киев и Правобережное Поднепровье. С. 319.

IX – начале X в. и вскоре оказались заброшены»¹. Как бы то ни было, мощные крепостные сооружения, характерные для древнерусских городов, и первые монументальные постройки в Киеве возводятся только при князе Владимире². Вместе с тем, первенство Киева по данному показателю сохраняется — в других городах они появляются ещё позже.

Кроме Киева, признаками города в X веке обладают ещё четыре поселения: Ладога, Новгород, Полоцк и Чернигов³. В Ладоге дворово-уличная застройка оформляется вместе с появлением здесь древнерусской культуры во второй четверти X века (920–950 гг.)⁴. Вопрос о времени строительства укреплений в Ладоге окончательно не решён. Датировка каменной ладожской крепости концом IX – начало X века, предложенная А. Н. Кирпичниковым, подвергается сомнению⁵. В Новгороде дворы и улицы появляются в 30-е — 50-е годы X столетия. Самые ранние укрепления детинца связываются с одновременным строительством здесь Софийского собора (первого монументального сооружения города), предпринятым Владимиром Ярославичем в 1045 году⁶. Об этом есть летописная запись (под 1044 г.), которая подтверждается археологически⁷. «Вал 1044 г. состоял из дубовых городен, — описывает Е. Н. Носов результаты раскопок М. Х. Алешковского, — поставленных в его основании и засыпанных землей, и слоя чистой светло-коричневой глины. Городни делились на клетки дополнительными срубными стенками»⁸. Существование более ранних укреплений в Новгороде пока не доказано. В любом случае, слоёв первой половины X века в новгородском детинце нет⁹. В Полоцке детинец сооружается во второй половине X века, рядом с разрушенным славянским городищем, но дворово-уличная застройка распространяется только в начале XI столетия.

¹ Михайлов К. А. Сравнительная топография первых древнерусских городов IX–X вв. (к юбилею одной статьи) // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: сб. матер. Международ. науч. конференц.; отв. ред. С. Д. Захаров. Вологда, 2012. С. 13.

² Елшин Д. Д. Комплекс монументальных сооружений конца X века на Старокиевской горе: археологический, историко-архитектурный и градостроительный аспекты. С. 19.

³ Поляков А. Н. Киевская Русь как цивилизация. 2-е изд. С. 84–88.

⁴ Кузьмин С. Л. Ладога в эпоху раннего средневековья (середина VIII – начало XII в.) // Исследование археологических памятников эпохи средневековья: сб. науч. ст.; отв. ред. А. В. Виноградов. СПб., 2008. С. 85.

⁵ Там же. С. 90.

⁶ Носов Е. Н. Новгородский детинец и городище (к вопросу о ранних укреплениях и становлении города) // Новгородский исторический сборник. Вып. 5 (15). СПб., 1995. С. 6.

⁷ Там же. С. 7.

⁸ Там же. С. 7.

⁹ Там же. С. 12.

Тогда же появляются мостовые и монументальные постройки¹. В Чернигове древнейшие оборонительные сооружения практически не сохранились. Предполагается, что черниговский детинец был одной из тех крепостей, которые построил (или перестроил) князь Владимир Святославич в конце X века². К этому времени относятся и первые следы дворовой застройки. Однако дворово-уличная система, как и первые монументальные сооружения, появляются здесь только в XI веке³.

Происхождение оборонительных сооружений древнерусского типа окончательно не установлено. Первые мощные крепостные валы с основой из деревянных клетей в Киеве и его округе возводятся в эпоху Владимира. К этому времени относятся и узкий период бытования особой технологии облицовки вала кладкой из сырцовых кирпичей. Такие укрепления обнаружены в Киеве в городе Владимира, Белгороде, Переяславле, Заречье на реке Стугне, Василеве⁴. П. А. Раппопорт предполагал, что технология попала на Русь из Тамани. Известны хазарские аналогии. Ю. Ю. Моргунов считает, что истоки древнерусских преград «с лицевыми сырцовыми обкладками ... следует искать в фортификации болгаро-византийского культурного округа»⁵. Это вполне вписывается в общую картину бурной строительной деятельности крестителя Руси — возведение с помощью византийских зодчих Десятинной церкви, кирпичных ворот города Владимира, «дворцовых» сооружений. Связи с Болгарией также вполне обоснованы. Вместе с тем, надо заметить, что круг византийского влияния не ограничивается Болгарией и имеет более ранние прецеденты. Крепостные сооружения, составленные из валов, в основе которых находились деревянные клетки, забитые землёй, как уже отмечалось, характерны для великоморавских градов. Им же свойственно облицовывать валы камнем⁶.

Таким образом, наблюдение за истоками и процессом формирования признаков цивилизации в местах расселения восточных славян позволяет сделать следующие

¹ Древняя Русь. Город, замок, село. С. 79.

² Коваленко В. П. К исторической топографии черниговского детинца // Проблемы археологии Южной Руси: Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.» Чернигов, 26–28 сентября 1988 г. Киев, 1990. С. 17, 18.

³ Древняя Русь. Город, замок, село. С. 72.

⁴ Моргунов Ю. Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М., 2009. С. 72–73.

⁵ Там же. С. 77.

⁶ Белякова Д. Развитие форм поселений в Великой Моравии // Великая Моравия, её историческое и культурное значение. М., 1985. С. 113–114.

щие выводы. В середине — второй половине X века происходят всеобъемлющие и довольно быстрые перемены в жизни восточных славян. В Среднем Поднепровье обосновываются носители нового образа жизни, стремительно распространяющие своё влияние по всей Восточной Европе. Они основывают поселения нового типа — города — с мощными оборонительными сооружениями, дворово-уличной застройкой и сложной внутренней структурой. В то же время возникает элитарная культура. Формируется комплекс вооружения, сочетающий в себе общеславянские, восточные и частично западные черты; складывается парадный ювелирный убор, на основе образцов и технологий, заимствованных главным образом из Великой Моравии. С конца X-го — 30-х — 50-х годов XI-го столетия начинает развиваться монументальное зодчество, появляется литература и живопись. Основное влияние на это оказывает Византия, благодаря которому со второй половины XI века обновляется и комплекс ювелирных украшений. В результате формируется особая древнерусская культура (элитарная и народная), основанная на славянских традициях (элитарная — западно- и южнославянских), но впитавшая и переработавшая культурные влияния своих соседей — Византии и кочевого Востока. В определённой мере можно говорить и о западном влиянии, однако степень его заметно ниже.

Резкие перемены, которые наблюдаются в IX–X веках на огромных просторах Восточной Европы, запускают механизм развития новой системы социальных отношений, кажется, совсем без опоры на образ жизни местного населения, глубоко чтившего родовой быт и близких им языческих богов. Их будто насильно вовлекают в международную торговлю, заставляют участвовать в военных походах на сопредельные богатые страны. Основным двигателем этих процессов была пришлая воинская элита. На севере восточнославянского мира — норманны и балтийские славяне, на юге — русы, которых, мне кажется, не стоит отождествлять ни с теми, ни с другими. Достаточных оснований для этого нет. Опираясь для доказательства причастности русов к норманнам на источники, которые не дают однозначного ответа, а, наоборот, позволяют их трактовать по-разному, нельзя. Трудно сказать, откуда

взял «росские» названия Днепровских порогов Константин Багрянородный, но вот в том же X веке русы строят города, называя их по-русски — Киев, Чернигов, Новгород, Вышгород — и эти «русские» названия явно «славянские». Сказать, что они были названы так позже, нельзя. Сведения о «росских» крепостях есть у того же Константина Багрянородного: «... приходящие из внешней Росии в Константинополь моноксилы являются одни из Немогарда [Великого Новгорода (?) или какого-то города на Днепре¹], в котором сидел Сфендослав, сын Ингора, архонта Росии, а другие из крепости Милински [Смоленска?], из Теулицы [Любеча?], Чернигоги [Чернигова] и из Вусеграда [Вышгорода]. Итак, все они спускаются рекою Днепр и сходятся в крепости Киоава [Киева], называемой Самватас [нет общепризнанной этимологии]»². Везде, куда приходили русы, они приносили славянскую топонимику. Если русь считать «скандинавской», поведение её выглядит странно — она почему-то предпочитает изъясняться по-славянски (Ибн Хордадбех. Ал-Факих, Ибн Якуб, выводы А. В. Назаренко на основе немецких наименований руси и Раффельштеттенского устава); называет города по-славянски, предпочитает вооружаться не западными образцами, а восточными или славянскими; в конце концов, вытесняет «своих братьев» с севера и северо-востока Восточной Европы, сгоняя их с торговых путей и отстраивая там свои центры силы — крепости, перерастающие затем в города.

Зарождение Киевской Руси в X веке сопровождается совокупностью связанных между собой явлений, которые надёжно фиксируются археологическими раскопками. В первой половине X века ещё едва заметные, к середине X-го и, особенно, во второй половине столетия они приобретают ярко выраженный характер: основываются первые русские города (Киев, Ладога, Новгород) с характерной городской структурой, застройкой и укреплениями; появляются богатые захоронения; складывается высокохудожественный ювелирный убор (с новыми технологиями производства дорогих украшений); возникает древнерусский комплекс вооружения. Зародившись в двух точках (анклавах) — Киевское Поднепровье и Ладожско-

¹ Носов Е. Н. Новгородский детинец и городище. С. 11–13.

² Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 45.

Новгородское Приильменьё — всё это уже в готовом виде распространяется везде, куда приходит Русь.

Революционность, с которой складывается элитарная культура Киевской Руси, заставляет предполагать, что новый цивилизационный образ жизни на Руси развивается на основе довольно солидного фундамента более ранней славянской цивилизации — первоначально, видимо, Великой Моравии, а потом и дунайской Болгарии. Конечно, представлять при этом основное восточнославянское население живущим *«звериньскимъ образомъ»*, как об этом писал автор «Повести временных лет», не стоит. Несмотря на то, что оно заметно отставало от своих западных и южных собратьев, успевших пережить процессы формирования цивилизации раньше, восточнославянские племена с IX века начинают осваивать новые способы земледелия (трёхполье) и новый тип упряжки, что позволяет использовать лошадь в земледельческих работах. В совокупности это создаёт одну из важнейших предпосылок возникновения цивилизации и государства — достижение необходимого уровня производящего хозяйства.

Данные материальной культуры, таким образом, рисуют нам несколько иную картину развития Восточной Европы и заставляют пересмотреть давно уже устоявшиеся взгляды на процесс формирования древнерусского государства и цивилизации.

Заключение

Киевская Русь — колыбель нашей цивилизации, начало русской истории. Знание подлинных причин и механизмов её зарождения крайне важно для понимания всей дальнейшей истории нашей страны. Как показало исследование, процесс образования Руси вступил в активную фазу в IX веке. Славяне в это время осваивали просторы Восточной Европы. Трудно сказать, существовали уже или нет в это время объединения славян, и если да, то какой характер они носили. Ведь кривичи, северяне, древляне, дреговичи, вятичи и другие восточнославянские союзы известны лишь по данным X-го и XII веков. Археология позволяет говорить о ряде близких археологических культур (лука-райковецкая, роменская, боршевская и др.), территория которых с данными о расселении славянских группировок не всегда совпадает. Материальная культура восточных славян IX столетия, судя по археологическим раскопкам, свидетельствует о традиционном для них образе жизни. По всей видимости, они находились ещё на стадии родового строя. Об этом говорит отсутствие следов социального и материального расслоения: бедный и однообразный вещевой набор, одинаковые по типу небольшие жилища. Ещё больше на это указывает общее для целого поселения хозяйство: мелкие посёлки (большой частью неукреплённые) имели хаотичную застройку, без дворов, с хозяйственными помещениями, расположенными по периметру поселения. Каждый посёлок представлял собой отдельную кровно-родственную общину, ведущую совместное хозяйство, а гнездо поселений образовывало племя (разросшийся первоначальный род). Главным занятием славян Восточной Европы было земледелие, культуру которого они приносили везде, где появлялись. Археологи в славянских посёлках находят железные наральники и серпы, ручные жернова, косы-горбуши, мотыги-тёсла. К IX веку относятся первые изменения в типе севооборота — наряду с подсекой и перелогом появляется трёхполье (об этом говорят посевы озимой ржи) и в качестве тягловой силы начинает использоваться лошадь (с появлением дуговой и шлейной упряжки). В перспективе это привело к созданию основной предпосылки для образования цивилизации и госу-

дарства — наличие достаточно развитого производящего хозяйства, необходимого для содержания социальных слоёв, освобождённых от производительного труда.

Первое, что существенно изменило ситуацию в Восточной Европе — активная торговля серебром по Волжскому пути. Это привлекло сюда искателей приключений с Балтийского побережья, главным образом норманнов и западных славян. На пути следования серебра стали образовываться международные торговые фактории — места остановок заморских купцов, в которых возникали рынки обмена товарами. Основным населением этих поселений были представители местных племён. Здесь же находили пристанище вооружённые отряды норманнов и других участников торговли. Это были, по всей видимости, небольшие дружины по 100–200 человек со своими предводителями. В обмен на серебряную арабскую монету они предлагали предметы промыслов (мёд, воск, мех), которые собирали с окрестного населения и рабов (поступавших, видимо, из разных мест). Вооружённые люди, терроризировавшие округу, работоторговля и «серебряная лихорадка» расшатывали традиционные устои жизни, меняли связи между людьми, заставляли искать новые формы организации общества. Иначе говоря, вызывали потребность в изменении социальных отношений.

Вторым фактором, на мой взгляд, решающим, стало падение Великой Моравии в начале X века. В результате часть населения — среди них ремесленники (в том числе ювелиры — носители новых для Восточной Европы технологий и традиций) и воинская землевладельческая элита — переселилась в Среднее Поднепровье (район Киева и Чернигова). Эта часть населения, привыкшая к другим социально-экономическим порядкам, принесла в Восточную Европу цивилизованный образ жизни: новый тип отношений, характерный для цивилизации, социальное и имущественное расслоение, образец политической организации общества. Среди переселенцев (скорее всего, подавляющая их часть) были русы (русь), происхождение которых спорно. Русы стали основой господствующего социального слоя в Киевской Руси. Наряду с ними в нарождающуюся древнерусскую элиту вошли представители местных славянских знатных родов (лучшие люди). В качестве наёмников в строи-

тельстве русской государственности участвовали норманны. Отряды скандинавов, промышлявшие в районе торговых путей, постепенно были вытеснены русами.

Первым русским князем, известным по письменным источникам (и русским, и зарубежным) является **Игорь**. Более ранние князья — Аскольд и Дир, Рюрик и Олег — фигуры легендарные. О них летописец знал по топонимическим легендам (могила Олега, Аскольда и Дира в Киеве и могила Олега в Ладоге) и, возможно, семейным рассказам или каким-то другим источникам. Трудно сказать, откуда он почерпнул сведения о Рюрике и его братьях Труворе и Синеусе (вероятно, тех самых предводителях варяжских дружин), ясно лишь то, что, кроме имён, ему ничего не было известно. Игорь был женат на Ольге (происхождение её тоже покрыто тайной) и имел сына Святослава. Кроме того, судя по договору с греками, у него имелся племянник по линии сестры, носивший то же имя, что и он — Игорь (значит, была ещё и сестра, возможно, Предслава, названная в договоре чуть позже).

На времена Игоря приходится сообщение Константина Багрянородного об образе жизни русов; о Киеве как центре Руси (Росии) и других русских крепостях (Новгороде, Чернигове, Вышгороде, Витичеве). Знает он по именам и самого Игоря, и его сына Святослава. Согласно трактату византийского императора «об управлении империей», в ноябре месяце русы отправлялись из Киева в полюдь к вервианам (предположительно древлянам), другувитам (дреговичам), кривитеинам (кривичам), севериям (северянам) и другим славянским объединениям (славиниям, по Константину Багрянородному). У славян русы закупали лодки-однодеревки, снаряжали их и заполняли товарами. В апреле они возвращались в Киев. А в июне начинали свой путь вниз по реке к порогам, преодолевали их и плыли дальше вдоль побережья Чёрного моря до Месемврии, где, по его словам, путь их завершался.

В 911 году был заключён всеобъемлющий договор с Византийской империей. Полагаю, что это сделал именно Игорь (а не легендарный Олег). Ни с каким походом договор не был связан. Часть соглашения была приписана летописцем Олегу (911 г.) — статьи от имени русов, а другая Игорю — те же самые статьи от имени греков (945 г.). Договор регулировал целый комплекс отношений между Русью и Империей ромеев. Можно предположить, что 911 год и был временем, когда русы

закрепились в Киеве и его округе. В 912 году русы совершили поход на Каспий (Ал-Масуди). Судя по археологическим данным, на времена Игоря приходится начало усадебной застройки Подола. Переселенцы здесь стали оседать ещё до падения Моравии — в конце IX века (хотя, выявленная дата — 887 г. здесь единственная, остальные жилища датируются 918 годом и ещё более поздним временем; в других районах Подола — 913–983 на Красной площади; 901–924 — на улице Нижний вал; 900–904 годы — Верхний вал; на улице Жданова срубы датируются уже серединой XI века и позже).

В 939 или 940 году русы, под предводительством Олега, скорее всего, воеводы Игоря (Кембриджский документ называется его царём), совершили неудачный набег на Тмутаракань. В 941 году Игорь и Олег вместе отправились в поход на Царьград. 11 июня ладьи русов (по данным современника событий Лиудпранда, около 1000 кораблей) появились у входа в Босфор. Недалеко от Иерона их встретили греческие суда, которые сожгли русские ладьи греческим огнём. Часть русов выбралась на европейский берег (среди них был, видимо, и Игорь), основные же силы во главе с Олегом отошли к побережью Малой Азии. К фракийскому берегу русы вернулись только в сентябре, но были вновь разбиты патрикием Феофаном. После этого Олег с частью войска ушёл на Каспий, где был убит (Ибн Мискавайх).

Вскоре после этого похода погиб и Игорь. Когда это произошло точно не известно. Русская летопись датирует смерть князя 945 годом. Неясно и то, кто именно убил его — древляне, у которых он якобы собирал дань («Повесть временных лет», «Начальный свод») или какие-то германцы (Лев Диакон). Возможно, произошло это на самом деле раньше 945 года, может быть даже сразу после 941 года, а убийцами были недовольные участники похода на греков (германцы-наёмники). Согласно сообщению Льва Диакона, Игоря привязали к двум деревьям и разорвали. Косвенно это подтверждает и «Повесть временных лет».

После смерти Игоря власть оказалась в руках его жены Ольги. В 946 (или в 957) году Ольга — «игемон и архонтисса Росии» — отправилась с большим посольством в Царьград к императору Константину Багрянородному. Наиболее вероятно, с целью заключения русско-византийского династического союза (путём брака князя

Святослава и греческой принцессы). 9 сентября в среду состоялся торжественный приём и званый обед (клиторий). 18 октября — ещё один обед. Вероятно, ещё до приёма 9 сентября (предположение А. В. Назаренко) Ольга крестилась (под именем Елена), что было частью дипломатической игры. Однако это не помогло, Константин был категорически против браков с варварами. Русское посольство уехало ни с чем. В 959 году русские послы отправились к германскому королю Оттону I с просьбой прислать на Русь епископа. В ответ на это в Киев была отправлена миссия епископа Адальберта из монастыря св. Максимиана в Трире (в 961–962 гг.). Однако ко времени прибытия епископа в Киев политическая ситуация в стране изменилась (видимо, к власти пришёл Святослав), и они были выдворены обратно.

Самостоятельная деятельность Святослава как раз приходится на 60-е —70-е годы X века. При Игоре, как об этом рассказывает весьма информированный император ромеев, он сидел в Новгороде. Святослав совершил два великих деяния: захватил дунайскую Болгарию и полностью разгромил Хазарский каганат. На Болгарию князь пошёл по просьбе византийского императора Никифора Фоки. В конце 967-го или начале 968-го года в Киев явился посланник императора патрикий Калокир с богатыми дарами и обещанием огромных богатств из императорской казны. Святослав вторгся в Болгарию (по данным Льва Диакона с 60-тысячами отборных воинов) в августе 968 года и полностью её завоевал, дойдя до Филиппополя. Весной 969 года он внезапно ударил по Хазарии, разгромил столицу каганата Итиль и другие крупные города. В августе того же года Святослав вернулся в Болгарию, разорвал отношения с Византией и стал угрожать ей взятием столицы империи. Новый византийский император Иоанн Цимисхий (правил с декабря 969 года) одновременно вёл переговоры со строптивым русским князем и готовился к решающей схватке. В январе или феврале 970-го года Цимисхий потребовал, чтобы русы покинули Болгарию, но Святослав отказался. Весь оставшийся 970-й год князь провёл в подготовке к войне с Византией и в противостоянии с магистром Вардой Склиром, отправленным для сдерживания русов. Решающее значение имела кампания 971 года. Иоанн Цимисхий, готовясь к войне со Святославом, направил триеры с греческим огнём в устье Дуная, чтобы русы не смогли уплыть. Сам Иоанн Цимисхий, пройдя

через неохранные горные проходы в Болгарию, внезапным ударом захватил город Преслав (12 – 13 апреля), а 23 апреля осадил Святослава в Доростоле на Дунае. Осада города продолжалась 65 дней (началась она не сразу, а после прибытия кораблей в устье Дуная, то есть, примерно, 17 мая). Решающее сражение у стен Доростола состоялось 21 июля. Потеряв за время обороны много людей (в том числе Икмора — второго человека в войске русов и Сфенкла — видимо, летописного Свенельда) Святослав запросил мира. Заключив договор с Иоанном Цимисхием на берегу Дуная, он отправился в Киев, но был убит на днепровских порогах печенегам. Произошло это, скорее всего, в том же 971 году.

После смерти Святослава началась усобица между его сыновьями: Ярополком, Олегом и Владимиром. О первых двух сыновьях князя-воителя мало что известно. Скупые сведения «Повести временных лет» неясного происхождения не позволяют об этом судить однозначно и детально. По всей видимости, в 978 году в Киеве укрепился Владимир. Братья его к этому времени погибли. Возможно, оба были убиты Владимиром. Ярополк, согласно летописи, был зарезан варягами, когда пришёл к нему на переговоры. О Владимире со слов современников (Титмар Мерзебургский) известно, что он был «великим и жестоким распутником» и даже носил какой-то «венерин набедренник», усугублявший его склонность к блуду. По всей видимости, он содержал большой «гарем» наложниц, но и этого ему было мало — он совращал маленьких девочек и замужних женщин. Женат Владимир был дважды: первый раз языческим браком на Рогнеде и второй христианским браком на византийской царице Анне. От законных жён и наложниц у него было 16 или 17 детей: Изяслав, который не дожил до смерти отца, Святополк, Ярослав, Мстислав, Борис, Глеб и Судислав (который пережил Ярослава на 10 лет) и, возможно, Святослав; дочери Предслава, Премислава, Добронега и ещё шесть неизвестных по именам.

В апреле 987 года, накануне мятежа Варды Фоки (он начался 15 августа 987 года), Владимир предпринял поход на Крым и захватил Херсонес (Корсунь русских летописей) — в июне или июле того же года. К весне 988 года положение византийских императоров Василия и Константина стало критическим. 4 апреля 988 года Василий издал эдикт об отмене постановлений Никифора Фоки против развития мо-

нашествия, считая его причиной всех несчастий. К этому времени болгары взяли Веррию, Варда Фока захватил всю Малую Азию, а Владимир — Херсонес. Именно тогда императоры и обратились за помощью к своему врагу. Владимир, по всей видимости, в это время находился ещё в Крыму. В апреле — мае 988 года велись переговоры, которые завершились обещанием Василия и Константина выдать замуж за Владимира свою сестру Анну (и, вероятно, вручить царские регалии самому князю), а он в ответ должен был оказать военную помощь. Крещение Владимира и его страны было условием брака князя и греческой царевны. Вероятно, в июне 988 года русский князь крестился в Херсонесе вместе со своим 6-ти тысячным войском и отправился в Константинополь на помощь своим новым единоверцам. Там, в столице империи, Владимир, должно быть, и женился на царевне и получил заветные инсигнии — предел мечты варварских правителей. С помощью русов 13 апреля 989 года мятежник Варда Фока был окончательно разгромлен под Авидосом. В мае – июне 989 года Владимир отправился на Русь (снова через Корсунь), оставив в Византии шеститысячный русский корпус. Крещение Киева и его окрестностей в этом случае должно было состояться в августе – сентябре 989 года.

Сразу после крещения киевлян Владимир пригласил греческих мастеров для обустройства нового центра Киева — «города Владимира». В 90-е годы X века греки возвели здесь Десятинную церковь, построили ряд помещений административного характера (дворцов) и парадные кирпичные ворота. После этого они вернулись на родину. Владимир, чтобы обозначить свой новый статус, выпускает золотые и серебряные монеты со своим изображением в царских регалиях. Строит ряд крепостей для обороны от печенегов, в том числе Белгород и Переяславль, и заселяет их представителями различных славянских племён, создавая таким способом новые городские общины, не связанные с местным населением. 15 июля 1015 года Владимир умер. По словам летописца, это произошло в загородном дворе князя в Берестове. Его перенесли на санях в Киев и погребли в Десятинной церкви. Первые русские книжники (Иларион, Нестор, Сильвестр) возвеличивали Владимира, представляя его русским Соломоном и Константином.

Таким образом, становление Руси, согласно исследованию, проходило несколько иначе, нежели это описывается в летописях. Вопреки данным «Повести временных лет» Русь не была связана с варягами происхождением. Появились русы в Среднем Поднепровье позже, в начале X-го века (а не в конце IX-го), после падения Великой Моравии, и с её территории, неся с собой образцы цивилизованного образа жизни. Первым русским князем был Игорь, а не Олег. Окончательное оформление древнерусской цивилизации происходит в конце X века при князе Владимире. На это время приходится пик распространения дружинных курганов, складывается и развивается первый ювелирный убор, формируется комплект вооружения, возводятся крепости по новой технологии и появляются первые города. Русь принимает христианство. Тогда же, надо полагать, складываются и основные черты государственности.

Список использованных источников

Источники:

Абу Шуджа Ар-Рудравири. Продолжение книги испытаний народов и осуществления заданий // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. Восточные источники / сост. Ч. 1. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова; Ч. 2. В. Я. Петрухин. М.: Русский Фонд Содействию Образованию и Науке, 2009. С. 107–108.

Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века / отв. ред. Д. С. Лихачёв. М.; Л.: Наука, 1965. 269 с.

Ал-Истахри. Книга путей и стран // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. Восточные источники / сост. Ч. 1. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова; Ч. 2. В. Я. Петрухин. М.: Русский Фонд Содействию Образованию и Науке, 2009. С. 82–86.

Ал-Марвази. Природа животных // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. Восточные источники / сост. Ч. 1. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова; Ч. 2. В. Я. Петрухин. М.: Русский Фонд Содействию Образованию и Науке, 2009. С. 59–61.

Ал-Масуди. Золотые копи и россыпи самоцветов // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. Восточные источники / сост. Ч. 1. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова; Ч. 2. В. Я. Петрухин. М.: Русский Фонд Содействию Образованию и Науке, 2009. С. 110–117.

Ал-Мукаддаси Шамс Ад-Дин. Лучшее разделение для познания климатов // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. Восточные источники / сост. Ч. 1. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова; Ч. 2. В. Я. Петрухин. М.: Русский Фонд Содействию Образованию и Науке, 2009. С. 95–96.

Ал-Йа'куби. Книга стран // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. Восточные источники / сост. Ч. 1. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова; Ч. 2. В. Я. Петрухин. М.: Русский Фонд Содействию Образованию и Науке, 2009. С. 37–39.

Ауфи. Сборные рассказы и блестящие предания // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. Восточные источники / сост. Ч. 1. Т. М. Калинина, И. Г.

Коновалова; Ч. 2. В. Я. Петрухин. М.: Русский Фонд Содействию Образованию и Науке, 2009. С. 61–63.

«Баварский географ» // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 4. Западноевропейские источники / сост. перевод и комм. А. В. Назаренко. М.: Русский Фонд Содействию Образованию и Науке, 2010. С. 27–30.

Беда Достопочтенный. Церковная история народа англо-саксов / Пер. с лат., вступ. ст., коммент. В. В. Эрлихмана; отв. ред. С. Е. Федоров. СПб.: Алетейя, 2003. 361 с.

Бибииков, М. В. BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси / М. В. Бибииков. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. Т. 2. 528 с.

Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового завета. М.: Российское библейское общество, 1993. 1376 с.

Библия сиречь книги ветхаго и новаго завета. М.: Московская старообрядческая книгопечатня, 1914. 726 л. (Острожская библия 1581 г.)

«Великая хроника» о Польше, Руси и их соседях XI–XIII вв. / под. ред. В. Л. Янина. М.: МГУ, 1987. 267 с.

Видукинд Корвейский. Деяния Саксов / вст. ст., перевод, комм. Г. Э. Санчука. М.: Наука, 1975. 272 с.

Гай Саллюстий Крисп. Сочинения / пер., ст., комм. В. О. Горенштейна. М.: Наука, 1981. 221 с.

Галл Аноним. Хроника и деяния польских князей // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 4. Западноевропейские источники / сост. перевод и комм. А. В. Назаренко. М.: Русский Фонд Содействию Образованию и Науке, 2010. С. 167–179.

Гальковский, Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т.2. Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе / Н. М. Гальковский. М.: Печатня А. Снегирёвой, 1913. 308 с.

Гомер. Илиада / перевод Н. И. Гнедича. СПб.: Наука, 2008. 572 с.

Древняя Русь. Город, замок, село / отв. ред. Б. А. Колчин. М.: Наука, 1985. 431 с.

Древняя Русь: Быт и культура / отв. ред. Б. А. Колчин. М.: Наука, 1997. 368 с.

Евсевий Кесарийский. Церковная история // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т.2: Византийские источники / сост. М. В. Бибииков. М.: Русский Фонд Содействию Образованию и Науке, 2010. С. 16–19.

Житие пророка Моисея // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 2004. Т. 3. С. 120–149.

Ибн Мискавайх. Книга испытаний народов и осуществления заданий // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. Восточные источники / сост. Ч. 1. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова; Ч. 2. В. Я. Петрухин. М.: Русский Фонд Содействию Образованию и Науке, 2009. С. 101–105.

Ибн Русте. Книга дорогих ценностей // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. Восточные источники / сост. Ч. 1. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова; Ч. 2. В. Я. Петрухин. М.: Русский Фонд Содействию Образованию и Науке, 2009. С. 43–50.

Ибн Хаукал. Книга путей и стран // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. Восточные источники / сост. Ч. 1. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова; Ч. 2. В. Я. Петрухин. М.: Русский Фонд Содействию Образованию и Науке, 2009. С. 87–94.

Из «Всеобщей истории» Степаноса Таронского Асохика // «Крещение Руси» в трудах русских и советских историков / ред.: А. Ф. Окулов и др.; вст. ст. А. Г. Кузьмин. М.: Мысль, 1988. С. 301–302.

[Иоанн Скилица]. О войне с Русью императоров Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия // Лев Диакон. История / Пер. М. М. Копыленко; комм. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова; отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Наука, 1988. С. 121–133.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов / вст. ст., пер., коммент. Е. Ч. Скржинской. СПб.: Алетейя, 2000. 512 с.

Истрин, В. М. Александрия русских хронографов: исследование и текст / В. М. Истрин. М.: Университетская типография, 1893. 358 с.

Истрин, В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славянском переводе. Т. 1. Текст, исследование и словарь / В. М. Истрин. Пг.: Российская государственная академическая типография, 1920. 612 с.

Йахья Антиохийский. История // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. Восточные источники / сост. Ч. 1. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова; Ч. 2. В. Я. Петрухин. М.: Русский Фонд Содействию Образованию и Науке, 2009. С. 105–106.

Кембриджский документ // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 3. Восточные источники / сост. Ч. 1. Т. М. Калинина, И. Г. Коновалова; Ч. 2. В. Я. Петрухин. М.: Русский Фонд Содействию Образованию и Науке, 2009. С. 178–184.

Константин Багрянородный. О церемониях византийского двора // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т.2: Византийские источники / сост. М. В. Бибиков. М.: Русский Фонд Содействию Образованию и Науке, 2010. С. 143–146.

Константин Багрянородный. Об управлении империей / под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М.: Наука, 1991. 496 с.

Лев Диакон. История / пер. М. М. Копыленко; комм. М. Я. Сюзюмова. С. А. Иванова; отв. ред. Г. Г. Литаврин. М.: Наука, 1988. 239 с.

Лиудпранд Кремонский. «Книга возмездия» // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 4. Западноевропейские источники / сост. перевод и комм. А. В. Назаренко. М.: Русский Фонд Содействию Образованию и Науке, 2010. С. 37–40.

Матвеевко, В. А. Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола): рус. текст, комментарий, указатели / В. А. Матвеевко, Л. И. Щеголева. М.: «Богородский печатник», 2000. 544 с.

Михаил Пселл. Хронография / перевод, статья и прим. Я. Н. Любарского. М.: Наука, 1978. 320 с.

Никита Давид Пафлагон. Слово четвёртое [похвала] святому и всеславному апостолу Андрею // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т.2: Византийские источники / сост. М. В. Бибиков. М.: Русский Фонд Содействию Образованию и Науке, 2010. С. 135–137.

Новосельцев, А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. / А. П. Новосельцев // Древнерусское государство и его международное значение. М.: Наука, 1965. С. 355–419.

«Память и похвала Владимиру» Иакова мниха // «Крещение Руси» в трудах русских и советских историков / Ред.: А. Ф. Окулов и др.; вст. ст. А. Г. Кузьмин. М.: Мысль, 1988. С. 286–291.

Повесть временных лет / подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачёва / под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: Наука, 1996. 668 с.

Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей / перевод, ст., комментарий. Я. Н. Любарского; отв. ред. Д. С. Лихачёв. СПб.: Наука, 1992. 348.

Псевдо-Симеон. Малые хроники // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т.2: Византийские источники / сост. М. В. Бибииков. М.: Русский Фонд Содействию Образованию и Науке, 2010. С. 184–185.

Псевдо-Симеон. Хроника // Древняя Русь в свете зарубежных источников: Хрестоматия. Т.2: Византийские источники / сост. М. В. Бибииков. М.: Русский Фонд Содействию Образованию и Науке, 2010. С. 182.

ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.

ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 648 с.

ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.

ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Новгородская IV летопись. Вып. 3. Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1929. 687 с.

ПСРЛ. Т.31. Летописцы последней четверти XVII в. М.: Наука, 1968. 263 с.

ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1982. 228 с.

Регинон Прюмский. «Хроника» с продолжением // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 4. Западноевропейские источники / сост. перевод и комм. А. В. Назаренко. М.: Русский Фонд Содействию Образованию и Науке, 2010. С. 45–49.

Русская Правда // Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / под общей ред. О. И. Чистякова; отв. ред. тома В. Л. Янин. М.: Юридическая литература, 1984. С. 27–132.

Сага об Одде Стреле // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. 5. Древнескандинавские источники / сост. Ч. I, II, XII Е. А. Мельникова; Ч. III, IV, V, VII, VIII, XI Т. Н. Джаксон; Ч. VI, IX, X Г. В. Глазырина. М.: Русский Фонд Содействию Образованию и Науке, 2009. С. 259–266.

Саксон Грамматик. Деяния данов / подгот. изд. А. С. Досаев, И. А. Настенко. М.: «Русская панорама», 2017. Т. 1. 608 с.

Сказания Приска Панийского / подгот. изд. Г. С. Дистуниса // Учёные записки второго отделения Академии наук. СПб.: Типография императорской Академии Наук, 1861. Вып. 1. Кн. 7. Ч. 2. 112 с.

Слово о Законе и Благодати митрополита Илариона // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. С. 26–61.

«Слово некоего христороубца, ревнителя по правой вере» // Красноречие Древней Руси (XI – XVII вв.) / сост., вступ. ст., комм. Т. В. Черторицкой. М.: Советская Россия, 1987. С.123 – 127.

Титмар Мерзебургский. Хроника // Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. М.: Наука, 1993. С. 131–143.

Хождение Богородицы по мукам // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М.: Художественная литература, 1980. С. 166–183.

Яхъя Антиохийский. Император Василий Болгаробойца: извлечения из летописи / Перевод и издание барона В. Р. Розена. СПб: Типография Императорской АН, 1883. 447 с.

Литература:

Аничков, Е. В. Язычество и Древняя Русь / Е. В. Аничков; послесловие В. Я. Петрухина. М.: «Индрик», 2003. 440 с.

Андрощук, Ф. А. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева / Ф. А. Андрощук // *Ruthenica: Збірник наукових праць*. Т. 3. Київ, 2004. С. 7–47.

Античные государства Северного Причерноморья / отв. ред. Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликова, В. С. Долгоруков. М.: Наука, 1984. 392 с.

Афанасьев, А. Н. Древо жизни / А. Н. Афанасьев. М.: Современник, 1983. 464 с.

Барац, Г. М. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией / Г. М. Барац. Киев: Типография 1-й киевской артели печатного дела, 1910. 266 с.

Бартольд, В. В. Арабские известия о русах / В. В. Бартольд // *Сочинения*. Т. 2. Ч. 1. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. М.: Изд-во Восточной литературы, 1963. 1020 с.

Беззаконов, С. Н. Ещё раз о легендарной эпохе первых договоров Руси / С. Н. Беззаконов // *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях*. СПб: Издательство Санкт-Петербургской Духовной Академии, 2017. Вып. 8. С. 204–238.

Белякова, Д. Развитие форм поселений в Великой Моравии / Д. Белякова // *Великая Моравия, её историческое и культурное значение* / отв. ред. Г. Э. Санчук, Й. Поулик. М.: Наука, 1985. С. 108–125.

Бертье-Делагард, А. Л. Как Владимир осаждал Корсунь / А. Л. Бертье-Делагард. СПб., 1909. 67 с. Отд. оттиск из "Известий" Отд-ния рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, Т. 14 (1909 г.), кн. 1.

Бибиков, М. В. *BYZANTINOROSSICA: Свод византийских свидетельств о Руси* / М. В. Бибиков. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2004. Т. 1. 734 с.

Богданова, Н. М. О времени взятия Херсона князем Владимиром / Н. М. Богданова // *Византийский временник*. М.: Наука, 1986. Т. 47. С. 39–46.

Будовниц, И. У. Общественно-политическая мысль Древней Руси (XI–XIV вв.) / И. У. Будовниц. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 488 с.

Бурева, В. В. Летописное сказание о святом апостоле Андрее в историографии [Электронный ресурс] / В. В. Бурева // *Мгарский колокол*. 2010. № 95 // По ком зво-

нит колокол: сетевой миссионерско-просветительский журнал. Режим доступа: <http://www.mgarsky-monastery.org/kolokol/1896>. 13.07.2019.

Васильев, М. И. Сани в русском погребальном обряде: история изучения и проблема интерпретации / М. И. Васильев // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 151–164.

Васильевский, В. Г. Русско-византийские отрывки / В. Г. Васильевский // Труды В. Г. Васильевского. СПб.: Типограф. Имп. АН, 1909. Т. 2. Вып. 1. 295 с.

Введенский, А. М. Время внесения в летопись легенды об Андрее Первозванном и её состав / А. М. Введенский // *Rossica Antiqua*. 2012. №2 (6). С. 3–22.

Ведюшкина, И. В. Термин «таль» в контексте дискуссии об «узком» и «широком» понимании Русской земли / И. В. Ведюшкина // Восточная Европа в древности и средневековье. Материалы конференции. М., 2006. С. 18–21.

Вилкул, Т. Л. О происхождении «Речи Философа» / Т. Л. Вилкул // *Palaeoslavica*. 2012. № XX/1. С. 1–15.

Вилкул, Т. Л. Древнеславянский перевод Хроники Георгия Амартола в Повести временных лет и Новгородской Первой летописи младшего извода / Т. Л. Вилкул // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 2 (56). С. 11–20.

Виноградов А. Ю. Предания об апостольской проповеди на восточном берегу Чёрного моря // Богословские труды. 2007. №1. С. 260–271.

Воронятов, С. В. Волынцевская «культура» и «Русский каганат» / С. В. Воронятов // Альманах молодых археологов 2005. По материалам II международной студенческой научной конференции «Проблемы культурогенеза и древней истории Восточной Европы и Сибири». СПб.: Нестор-История, 2005. С. 199–210.

Гагин, И. А. Попытка исламизации Киевской Руси: к вопросу социально-политических и культурных контактов Волго-Камской Булгарии и Руси в X веке [Электронный ресурс] // Официальный сайт историка Игоря Анатольевича Гагина. 2006. Режим доступа: http://www.i-gagin.ru/content_art-10.html. 13.07.2019.

Гиппиус, А. А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции / А. А. Гиппиус // Русь в IX–XI веках:

археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 36–62.

Гиппиус, А. А. Как обедал Святослав? (Текстологические заметки) / А. А. Гиппиус // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. №. 2 (32). С. 47–54.

Голубинский, Е. Е. История русской церкви. Т. 1. Ч. 1. Период первый, киевский или домонгольский / Е. Е. Голубинский. М.: Университетская типография, 1901. 968 с.

Горский, А. А. Святослав Игоревич и Оттон I: речи перед битвой / А. А. Горский // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2015. №. 4(62). С. 35–40.

Горский, А. А. Первое столетие Руси / А. А. Горский // Средневековая Русь. Вып. 10. М.: Изд-во «Индрик», 2012. С. 7–112.

Горский, А. А. Русь от славянского Расселения до Московского царства / А. А. Горский. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

Греков, Б. Д. Полица: опыт изучения общественных отношений в Полице в XV–XVII вв. / Б. Д. Греков. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 320 с.

Данилевский, И. Н. Библия и Повесть временных лет (К проблеме интерпретации летописных текстов) / И. Н. Данилевский // Отечественная история. 1993. № 1. С. 78–94.

Данилевский, И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов / И. Н. Данилевский. М.: Аспект-Пресс, 2004. 370 с.

Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.

Джаксон, Т. Н. Рюриковичи и Скандинавия / Т. Н. Джаксон // Древнейшие государства Восточной Европы. 2005. М.: Индрик, 2008. С. 203–227.

Добровольский, Д. А. Эсхатологические мотивы в самоидентификации древнерусских летописцев XI–XII вв. / Д. А. Добровольский // Вестник РГГУ. 2008. № 4. С. 148–156.

Достал Бордживой. Некоторые общие проблемы археологии Древней Руси и Великой Моравии / Бордживой Достал // Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978. С. 83–88.

Ёлшин, Д. Д. Комплекс монументальных сооружений конца X века на Старокиевской горе: археологический, историко-архитектурный и градостроительный аспекты: автореф. дис. к.и.н.: 07.00.06. / Ёлшин Денис Дмитриевич. СПб., 2008. 22 с.

Ёлшин Д. Д. Софийский собор и Десятинная церковь: к вопросу об архитектурных параллелях / Д. Д. Ёлшин // Архитектурное наследие. Вып. 54. М.: «Коло», 2011. С. 26–30.

Жданов, Р. В. Крещение Руси и Начальная летопись / Р. В. Жданов // Исторические записки / отв. ред. Б. Д. Греков. М.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 5. С. 3–30.

Живопись домонгольской Руси / Автор-составитель О. А. Корина. М.: Советский художник, 1974. 128 с.

Заболотский, П. К вопросу об иноземных письменных источниках «Начальной летописи» / П. Заболотский // Русский филологический сборник. Т. 45. № 1-2. С. 1–31.

Засурцев, П. И. Постройки древнего Новгорода / П. И. Засурцев // Труды Новгородской археологической экспедиции / под ред. А. В. Арциховского, Б. А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. II. С. 262–298.

Засурцев, П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода / П. И. Засурцев // Труды Новгородской археологической экспедиции / под ред. А. В. Арциховского, Б. А. Колчина. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. IV. С. 5–165.

Заходер, Б. Н. Ещё одно раннее мусульманское известие о славянах и русах IX–X вв. / Б. Н. Заходер // Известия всесоюзного географического общества. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1943. Т. 75. Вып. 6. С. 25–41.

Ивакин, В. Г. Киевские погребения X века / В. Г. Ивакин // Stratum plus. Археология и культурная антропология. 2011. № 5. С. 243–286. (отд. оттиск. 44 с.)

Иванов, В. В. Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза и древнейшей истории славян / В. В. Иванов, В. Н. Топоров

// Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев: методология и историография. М.: Наука, 1976. С. 109–128.

Илюшечкин, В. П. Сословно-классовое общество в истории Китая / В. П. Илюшечкин. М.: Наука, 1986. 398 с.

Истрин, В. М. Договоры русских с греками X века / В. М. Истрин // Изв. АН ОРЯС. Л., 1925. Т. 29. С. 383–393.

Истрин, В. М. Летописные повествования о походах русских князей на Царьград / В. М. Истрин. Пг.: Типография Императорской АН, 1917. 22 с. Отд. отт. из известий Отд-ния рус. яз. и словесности имп. Акад. Наук; Т. 21 (1916 г.). Кн. 2-я.

Истрин, В. М. Александрия русских хронографов / В. М. Истрин. М., 1893.

Каинов, С. Ю. Находки деталей сложносоставного лука на территории Древней Руси / С. Ю. Каинов, К. А. Михайлов // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран: сб. 80-летию со дня рожд. А. Н. Кирпичникова / отв. ред. Е. Н. Носов, С. В. Белецкий. М., СПб.: «Ломоносовъ», 2009. С. 339–359.

Калинина, Т. М. Сведения Ибн Хаукаля о походах Руси времён Святослава / Т. М. Калинина // Древнейшие государства на территории СССР. 1975. М.: Наука, 1976. С. 90–101.

Карпов, А. Ю. Владимир Святой / А. Ю. Карпов; 3-е изд., испр. М.: Молодая гвардия, 2015. 454 с.

Карышковский, П. О. О хронологии русско-византийской войны при Святославе / П. О. Карышковский // Византийский временник. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1952. Т. 5. С. 127–138.

Каштанов, С. М. Из истории русского средневекового источника (Акты X–XVI вв.) / С. М. Каштанов. М.: Наука, 1996. 265 с.

Кирпичников, А. Н. Мечи Киевской Руси (IX–XI вв.) / А. Н. Кирпичников // Советская археология. 1961. № 4. С. 179–197.

Клейн, Л. С. Воскрешение Перуна. К реконструкции восточнославянского язычества / Л. С. Клейн. СПб.: Евразия, 2004. 480 с.

Клейн, Л. С. Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон / Л. С. Клейн. СПб.: Евразия, 2009. 400 с.

Коваленко, В. П. К исторической топографии черниговского детинца \ В. П. Коваленко // Проблемы археологии Южной Руси: Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.» Чернигов, 26–28 сентября 1988 г. Киев: Наукова думка, 1990. С. 15–23.

Комар, А. В. Древнерусская денежно-весовая система X в. на перекрёстке путей: хазарский тупик / А. В. Комар // Хазарский альманах. Киев; Харьков, 2010–2011. Т. 9. С. 131–184.

Комар, А. В. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева / А. В. Комар // Ruthenica: Альманах історії та археології Східної Європи. 2005. №4. С.115–137.

Комар, А. В. Киев и Правобережное Поднепровье / А. В. Комар // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 300–333.

Королёв, А. С. Святослав / А. С. Королёв. М.: Молодая гвардия, 2011. 351 с.

Королюк, В. Д. Западные славяне и Киевская Русь / В. Д. Королюк. М.: Наука, 1964. 383 с.

Костомаров, Н. И. Предания первоначальной русской летописи в соображениях с русскими народными преданиями в песнях, сказках и обычаях / Н. И. Костомаров // Костомаров, Н. И. Раскол. М.: «Чарли», 1994. С. 5–130.

Котляр, Н. Ф. Древнерусская государственность / Н. Ф. Котляр. СПб.: Алетейя, 1998. 446 с.

Котышев, Д. М. От Русской земли к земле Киевской. Становление государственности в Среднем Поднепровье. IX–XII вв. / Д. М. Котышев. М.: Центрполиграф, 2019. 254 с.

Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV–XIII века / отв. ред. Т. И. Макарова, С. А. Плетнёва. М.: Наука, 2003. 533 с.

Кузьмин, А. Г. Западные традиции в русском христианстве / А. Г. Кузьмин // Введение христианства на Руси / отв. ред. А. Д. Сухов. М.: Мысль, 1987. С. 21–54.

Кузьмин, А. Г. Начало Руси: Тайны рождения русского народа / А. Г. Кузьмин. М.: Вече, 2003. 425 с.

Кузьмин, С. Л. Ладога в эпоху раннего средневековья (середина VIII – начало XII в.) / С. Л. Кузьмин // Исследование археологических памятников эпохи средневековья: сб. науч. ст.; отв. ред. А. В. Виноградов. СПб., 2008. С. 69–94.

Культура Византии. Вторая половина VII–XII в. / Отв. ред. З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин. М.: Наука, 1989. 680 с.

Кучин, Ю. С. Словене ильменские (новгородские) в освещении отечественной историографии сер. XX в. – нач. XXI в. / Ю. С. Кучин // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2015. №2. С. 103–111.

Ламбин, Н. П. Поход Олега под Царьград — сказка ли? / Н. П. Ламбин // Журнал Министерства народного просвещения. 1873. № 7. С. 115–127.

Лебедев, Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе / Г. С. Лебедев. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1985. 286 с.

Левченко, М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений / М. В. Левченко. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1956. 554 с.

Литаврин, Г. Г. Византия, Болгария, Древняя Русь (IX– начало XII в.) / Г. Г. Литаврин. СПб.: Алетейя, 2000. 398 с.

Литаврин, Г. Г. К вопросу об обстоятельствах, месте и времени крещения княгини Ольги / Г. Г. Литаврин // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М.: Наука, 1986. С. 49–57.

Литаврин, Г. Г. Путешествие русской княгини Ольги в Константинополь. Проблема источников / Г. Г. Литаврин // Византийский временник. М.: Наука, 1981. Т. 42. С. 35–48.

Лихачёв, Д. С. Величие древней литературы / Д. С. Лихачёв // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. С. 7–24.

Ловмянский, Г. Религия славян и её упадок (VI–XII вв.) / Генрик Ловмянский; перевод с польского М. В. Ковальковой. СПб.: Академический проект, 2003. 512 с.

Лосева, О. В. География Византийской империи глазами переводчика древнерусского пролога / О. В. Лосева // Восточная Европа в древности и средневековье. Материалы конференции. М., 2006. С. 114–117.

Лукошков, А. В. Флот Древней Руси в плаваниях на Константинополь: находки и реконструкции / А. В. Лукошков // Труды Первой международной конференции «Начала Русского Мира». СПб: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2011. С. 204–217.

Ляпушкин, И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII – первая половина IX в.): историко-археологические очерки / И. И. Ляпушкин // Материалы и исследования по археологии СССР. № 152. Л.: Наука, 1968. 187 с.

Лященко, А. И. Летописные сказания о смерти Олега Вещего / А. И. Лященко // Известия Отд. рус. яз. и словесности. 1924. Т. 29. С. 254–288.

Майоров, А. А. Историческая память о Великой Моравии и Верховская историко-географическая провинция / А. А. Майоров // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 4. С. 71–77.

Малингуди, Я. Русско-византийские связи в X веке с точки зрения дипломатики / Я. Малингуди // Византийский временник. М.: «Индрик», 1996. Т. 56. С. 68–91.

Малингуди, Я. Русско-византийские договоры в X в. в свете дипломатики / Я. Малингуди // Византийский временник. М.: «Индрик», 1997. Т. 57. С. 58–87.

Мансикка, В. Й. Религия восточных славян / В. Й. Мансикка; подготовка текста, вст. ст., комм. А. И. Алиев, В. Я. Петрухин, С. М. Толстая. М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2005. 368 с.

Мельникова, Е. А. Древняя Русь и Скандинавия: Избр. Труды / Под ред. Г. В. Глазыриной, Т. Н. Джаксон. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. 476 с.

Мельникова, Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в северной и северо-восточной Европе (Постановка проблемы) / Е. А. Мельникова // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992 – 1993 гг. М.: Наука, 1995. С.16 – 33.

Мельникова, Е. А. Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии / Е. А. Мельникова, В. Я. Петрухин // Вопросы истории. 1995. № 2. С. 44–57.

Милютенко, Н. И. К вопросу о некоторых источниках Речи Философа / Н. И. Милютенко // Труды отдела древнерусской литературы. 2004. Т. 55. С. 9–17.

Михайлов, К. А. Сравнительная топография первых древнерусских городов IX–X вв. (к юбилею одной статьи) / К. А. Михайлов // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: сб. матер. Международ. науч. конференц.; отв. ред. С. Д. Захаров. Вологда: Древности Севера, 2012. С. 5–20.

Моргунов, Ю. Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков / Ю. Ю. Моргунов. М.: Наука, 2009. 303 с.

Назаренко, А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. / А. В. Назаренко. М.: Языки русской культуры, 2001. 784 с.

Назаренко, А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков / А. В. Назаренко. М.: Наука, 1993. 240 с.

Назаренко, А. В. Русь и Германия в IX–X вв. / А. В. Назаренко // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 г. М.: Наука, 1994. С. 5–138.

Назаренко, А. В. Русь IX века: обзор письменных источников / А. В. Назаренко // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 12–35.

Никитин, А. Л. Основания русской истории: Мифологемы и факты / А. Л. Никитин. М.: «Аграф», 2001. 768 с.

Николаев, Д. С. Легенда о призвании варягов и проблема легитимности власти в раннесредневековой историографии / Д. С. Николаев // Именослов. История языка. История культуры / отв. ред. Ф. Б. Успенский. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. С. 184–199.

Никольский, Н. К. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры: к вопросу о древнейшем русском

летописании / Н. К. Никольский // Сборник по русскому языку и словесности. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. Т. 2. Вып. 1. 107 с.

Новое в археологии Киева / отв. ред. П. П. Толочко. Киев: Наукова думка, 1981. 456 с.

Новосельцев, А. П. Восток в борьбе за религиозное влияние на Руси / А. П. Новосельцев // Введение христианства на Руси / отв. ред. А. Д. Сухов. М.: Мысль, 1987. С. 55–77.

Новосельцев, А. П. Образование древнерусского государства и первый его правитель / А. П. Новосельцев // Вопросы истории. 1991. №2-3. С. 3–20.

Новосельцев, А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа / А. П. Новосельцев. М.: Наука, 1990. 264 с.

Носов, Е. Н. Некоторые вопросы домостроительства Старой Ладogi / Е. Н. Носов // Краткие сообщения института археологии. М.: Наука, 1977. № 150. С. 10–17.

Носов, Е. Н. Новгородский детинец и городище (к вопросу о ранних укреплениях и становлении города) / Е. Н. Носов // Новгородский исторический сборник. Вып. 5 (15). СПб.: «Дмитрий Буланин», 1995. С. 5–17.

Носов, Е. Н. Новгородская земля: Северное Приильменье и Поволховье / Е. Н. Носов // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 92–122.

Обнорский, С. П. Избранные работы по русскому языку / С. П. Обнорский. М.: Гос. Учебно-пед. изд-во Мин-ва. Просвещения РСФСР, 1960. 355 с.

Пашуто, В. Т. Внешняя политика Древней Руси / В. Т. Пашуто. М.: Наука, 1968. 472 с.

Петрухин, В. Я. Вещий Олег и «могила в Ладoge» / В. Я. Петрухин // Земля наша велика и обильна: сборник статей, посвященный 90-летию А. Н. Кирпичникова. СПб.: Невская Типография, 2019. С. 322–331.

Петрухин, В. Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры / В. Я. Петрухин. М.: Форум; Неолит, 2014. 464 с.

Половой, Н. Я. К вопросу о первом походе Игоря против Византии / Н. Я. Половой // Византийский временник. М.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 18. С. 85–104

Поляков, А. Н. История цивилизации в Древней Руси / А. Н. Поляков. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2012. 544 с.

Поляков, А. Н. Киевская Русь как цивилизация / А. Н. Поляков. Оренбург: ОГУ, 2010. 484 с.

Поляков, А. Н. Киевская Русь как цивилизация / А. Н. Поляков; 2-е изд. испр. и доп. Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2016. 518 с.

Поляков А. Н. Начало Руси в "Повести временных лет" и норманнский вопрос / А. Н. Поляков // Социально-гуманитарные инновации: стратегии фундаментальных и прикладных научных исследований [Электронный ресурс]: материалы Всероссийской научно-практической конференции; Оренбург. гос. ун-т. Электрон. дан. Оренбург: ОГУ, 2019. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). С. 45–52.

Поляков, А. Н. Особенности древнерусской цивилизации / А. Н. Поляков // Вестник Оренбургского государственного университета. 2016. № 12. С. 92–98.

Поппэ, А. Политический фон крещения Руси (русско-византийские отношения в 986–989 годах) / Андрей Поппэ // Как была крещена Русь. 2-е изд. М.: Политиздат, 1990. С. 202–240.

Потапов, П. И. К вопросу о литературном составе летописи / Н. П. Потапов // Русский филологический сборник. 1910. Т. 63. № 1. С. 1–18.

Похилько, Н. П. «Речь философа» в Повести временных лет: вопрос функции и адресата / Н. П. Похилько // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма (МАИАСК). Севастополь; Тюмень; Нижневартовск, 2016. Вып. 8. С. 408–454.

Присёлков, М. Д. История русского летописания XI–XV вв. / М. Д. Присёлков. СПб.: «Дмитрий Буланин», 1996. 325 с.

Прохоров, Г. М. Повесть о Батыевом нашествии в Лаврентьевской летописи / Г. М. Прохоров // ТОДРЛ. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1974. Т. 28. С. 77–98.

Пузанов, В. В. Древнерусская государственность: генезис, этнокультурная среда, идеологические конструкты / В. В. Пузанов. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2007. 624 с.

Пузанов, В. В. Образование древнерусского государства в восточнославянской историографии / В. В. Пузанов. Ижевск: Издательский дом «Удмуртский университет», 2012. 152 с.

Пузанов, В. В. От праславян к Руси: становление Древнерусского государства (факторы и образы политогенеза) / В. В. Пузанов. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017. 752 с.

Пушкина, Т. А. Гнёздовский археологический комплекс / Т. А. Пушкина, В. В. Мурашёва, Н. В. Ениосова // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 242–274.

Пчелов, Е. В. Рюрик / Е. В. Пчелов. М.: Молодая гвардия, 2010. 316[4] с.

Ракитов, А. И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход / А. И. Ракитов. М.: Политиздат, 1982. 303 с.

Рапов, О. М. Русская церковь в IX – пер. трети XII в. Принятие христианства / О. М. Рапов. М.: «Высшая школа», 1988. 416 с.

Рапов, О. М. Русская церковь в IX – пер. трети XII в. Принятие христианства / О. М. Рапов. М.: «Русская панорама», 1998. 416 с.

Раппопорт, П. А. Древние русские крепости / П. А. Раппопорт. М.: Наука, 1965. 88 с.

Раппопорт, П. А. Древнерусская архитектура / П. А. Раппопорт. СПб.: Стройиздат. С-Петербургское отд-ние, 1993. 288 с.

Раппопорт, П. А. Зодчество Древней Руси / П. А. Раппопорт. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1986. 160 с.

Романчук, А. И. Исследования Херсонеса-Херсона. Раскопки. Гипотезы. Проблемы. Т. 1. Античный полис / А. И. Романчук. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. Ун-та; ООО «Компания Мир», 2008. 720 с.

Роменский, А. А. Ещё раз о причинах Корсунского похода Владимира Свято-славича / А. А. Роменский // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. Збірник наукових праць. Харків: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2011. Вип. 14. С. 46–52.

Роменский, А. А. Империя ромеев и «тавроскифы». Очерки русско-византийских отношений последней четверти X в. / А. А. Роменский. Харьков: Майдан, 2017. 340 с.

Роменский, А. А. Корсунский поход князя Владимира: обстоятельства осады и захвата города / А. А. Роменский // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2016. №. 1 (63). С. 5–15.

Русанова, И. П. Языческие святилища древних славян / И. П. Русанова, Б. А. Тимашук. Ладога; М.: Изд-во «Ладога-100», 2007. 304 с.

Рыбаков, Б. А. Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1988. 784 с.

Рыбина, Е. А. Новгород и Ганза / Е. А. Рыбина. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 320 с.

Рыдзевская, Е. А. Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. / Е. А. Рыдзевская // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования 1978 г. М.: Наука, 1978. 240 с.

Рябцева, С. С. Древнерусский ювелирный убор: основные тенденции формирования / С. С. Рябцева. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ин-та истории РАН «Нестор-История», 2005. 384 с.

Сахаров, А. Н. Дипломатия Древней Руси: IX– первая половина X в. / А. Н. Сахаров. М.: Мысль, 1980. 358 с.

Седов, В. В. Восточные славяне в VI – XIII вв. / В. В. Седов. М.: Наука, 1982. 328 с.

Семёнов, Ю. И. Философия истории: Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней / Ю. И. Семёнов. М.: Современные тетради, 2003. 776 с.

Серебрянский, Н. И. Древнерусские княжеские жития / Н. И. Серебрянский. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1915. 165 с.

Соболевский, А. В. В каком году крестился св. Владимир? / А. В. Соболевский // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1888. № 257 (6). С. 396–403. Рец. на кн.: Завитневич В. О месте и времени крещения св. Владимира и о годе крещения киевлян. Киев, 1888

Сотникова, М. П. Тысячелетие древнейших монет России: сводный каталог русских монет X–XI веков / М. П. Сотникова, И. Г. Спасский. Л.: «Искусство», Ленинградское отделение, 1983. 239 с.

Сухомлинов, М. И. О древней русской летописи как памятнике литературном / М. И. Сухомлинов. СПб., 1856. 230 с.

Стефанович, П. С. «Сказание о призвании варягов» или *origo gentis russorum*? / П. С. Стефанович // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. С. 514–583.

Столярова, Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. / Л. В. Столярова. М.: Наука, 2000. 543 с.

Татищев, В. Н. История Российская: в 3 т. / В. Н. Татищев. М.: АСТ: Ермак, 2005. Т.1. 568 с.

Татищев, В. Н. История Российская / В. Н. Татищев. М.: АСТ: Ермак, 2005. Т. 2. 735 с.

Тихомиров, М. Н. Древнерусские города / М. Н. Тихомиров. М.: Политиздат, 1956. 477 с.

Толочко, А. П. Очерки начальной руси / А. П. Толочко. Киев; СПб.: Лаурус, 2015. 336 с.

Толочко, П. П. Историческая топография раннего Киева: реальная и вымышленная / П. П. Толочко // *Ruthenica: Альманах історії та археології Східної Європи*. 2009. №8. С. 151–183.

Толочко, П. П. Массовая застройка Киева X–XIII вв. / П. П. Толочко // Древнерусские города / отв. ред. В. В. Седов. М: Наука, 1981. С. 63–94.

Толстов, С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации / С. П. Толстов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 326 с.

Трубачёв, О. Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси / О. Н. Трубачёв. М.: Наука, 2005. 286 с.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / Макс Фасмер; перевод с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. 672 с.

Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / Макс Фасмер; перевод с нем. и доп. О. Н. Трубачёва. М.: Прогресс, 1987. Т. 3. 832 с.

Фетисов, А. А. «Дружинная культура» Древней Руси / А. А. Фетисов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. С. 406–436.

Фомин, В. В. Варяги и варяжская Русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу / В. В. Фомин. М.: Русская панорама, 2005. 488 с.

Фроянов, И. Я. Былинная история / И. Я. Фроянов, Ю. И. Юдин. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1997. 592 с.

Фроянов, И. Я. Киевская Русь: очерки социально-политической истории / И. Я. Фроянов // Начала русской истории. М.: Изд-й Дом «Парад», 2001. С. 483–714.

Фроянов, И. Я. Начало христианства на Руси / И. Я. Фроянов // Христианство: Античность. Византия. Древняя Русь / Г. Л. Курбатов, Э. Д. Фролов, И. Я. Фроянов. Л.: Лениздат, 1988. С. 189–329.

Хабургаев, Г. А. Старославянский язык / Г. А. Хабургаев; 2-е изд. перераб. и доп. М.: Просвещение, 1986. 288 с.

Шахматов, А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира / А. А. Шахматов. СПб.: Типография Императорской АН, 1906. 126 с. (отдельный оттиск из сб. ст. в честь В. И. Ламанского)

Шахматов, А. А. Один из источников летописного сказания о крещении Владимира: отд. оттиск из сб. ст. по славяноведению, посвящ. проф. М. С. Дринову / А. А. Шахматов. Харьков: Электр. Типо-Литография С. А. Шмерковича, 1904. С. 63–74.

Шахматов, А. А. «Повесть временных лет» и её источники / А. А. Шахматов // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1940. Т. 4. С. 9–150.

Шахматов, А. А. Повесть временных лет. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания / А. А. Шахматов. Пг.: Типограф. И. В. Орлана, 1916. VIII, LXXX, 403 с.

Шахматов, А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.: Типография М. А. Александрова, 1908. 686 с.

Шинаков, Е. А. Образование древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект / Е. А. Шинаков. М.: Восточная литература, 2009. 477 с.

Ширинский, С. С. Археологические параллели к истории христианства на Руси и в Великой Моравии / С. С. Ширинский // Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978. С. 203–206.

Щавелев, А. С. К исторической географии Восточной Европы IX – начала X века / А. С. Щавелев, А. А. Фетисов // Историческая география / отв. ред. И. Г. Конавалова. М.: Аквилон, 2014. Т. 2. С. 7–53.

Щавелев, А. С. К исторической географии Восточной Европы IX в. 2. Карта скандинавских комплексов и артефактов / А. С. Щавелев, А. А. Фетисов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 год: Экономические системы Евразии в раннее Средневековье / Отв. ред. тома А. С. Щавелев. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2017. С. 278–238.

Эверс И.- Ф.- Г. Древнейшее русское право в историческом его раскрытии / И.-Ф.-Г. Эверс. СПб.: Типограф. Штаба Отдельного корпуса Внутренней стражи, 1835. 422 с.

Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. СПб.: Типо-Литография И. А. Ефрона, 1896. Т.17а. II, 483-960, II, [5] с.

Юшков, С. В. Курс истории государства и права СССР. Т. 1. Общественно-политический строй и право Киевского государства / С. В. Юшков. М.: Госиздат. Юридическая литература, 1949. 543 с.

Якобсон, А. Л. Крым в средние века / А. Л. Якобсон. М.: Наука, 1973. 173 с.

Янин, В. Л. О начале Новгорода / В. Л. Янин // У истоков русской государственности: историко-археологический сборник / отв. ред. Е. Н. Носов и др. СПб.: «Дмитрий Буланин», 2007. С. 205–21

Приложение А

(Обязательное)

Иллюстрации

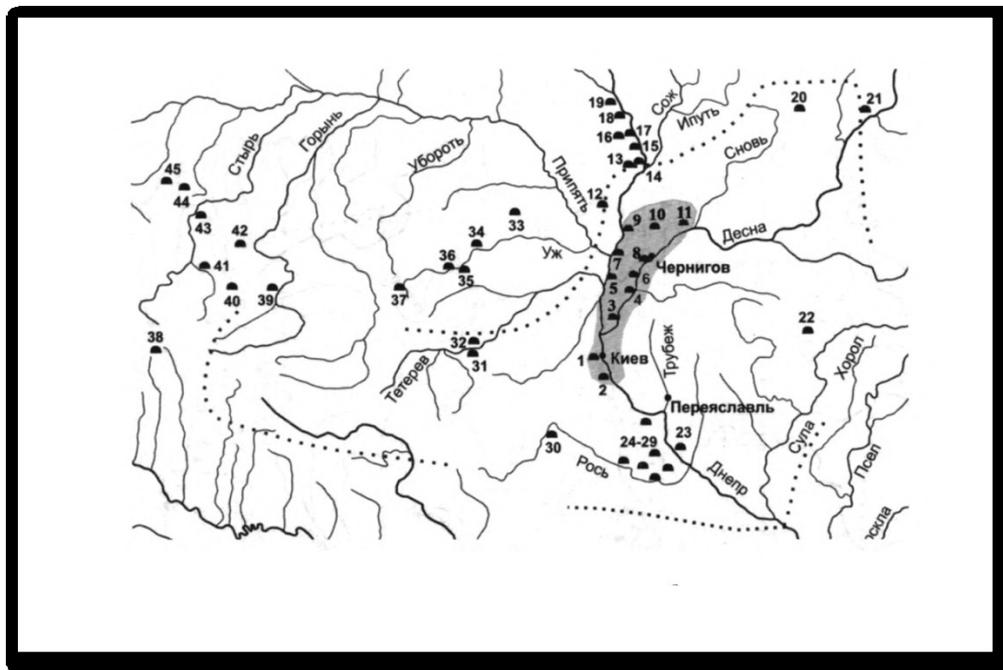

Рисунок А.1 – «Русская земля» в конце IX – начале X века (А. С. Щавелев, А.А. Фетисов)

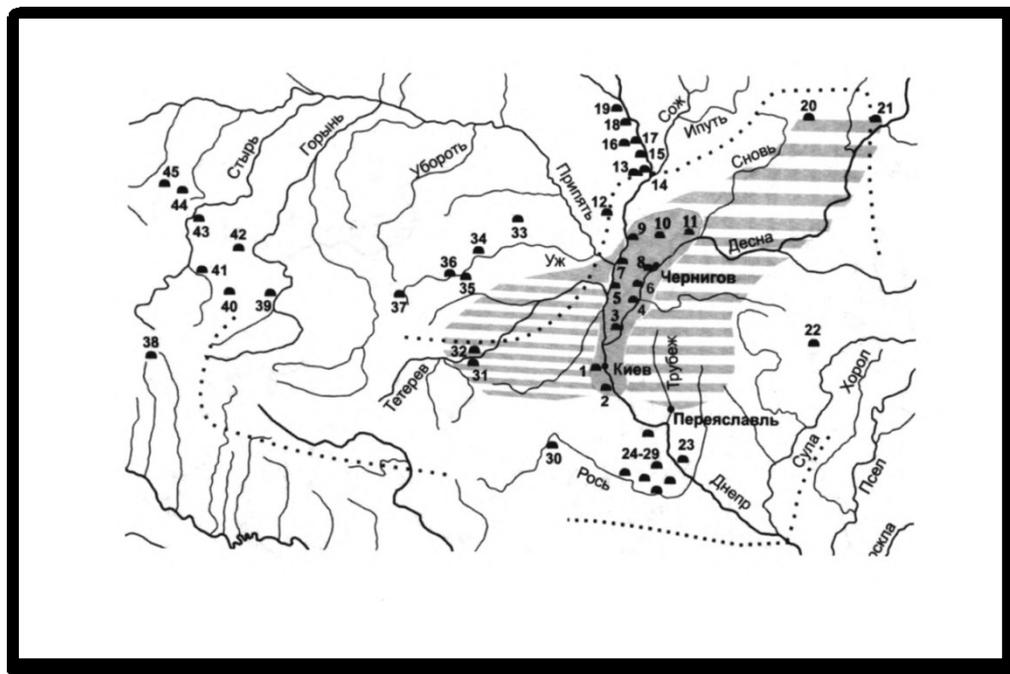

Рисунок А.2 – «Русская земля» во второй половине X века (А. С. Щавелев, А.А. Фетисов¹)

¹ Щавелев А. С., Фетисов А. А. К исторической географии Восточной Европы IX – начала X века // Историческая география. 2014. Т. 2. С. 35 (рисунок А.1). С. 36 (рисунок А.2).

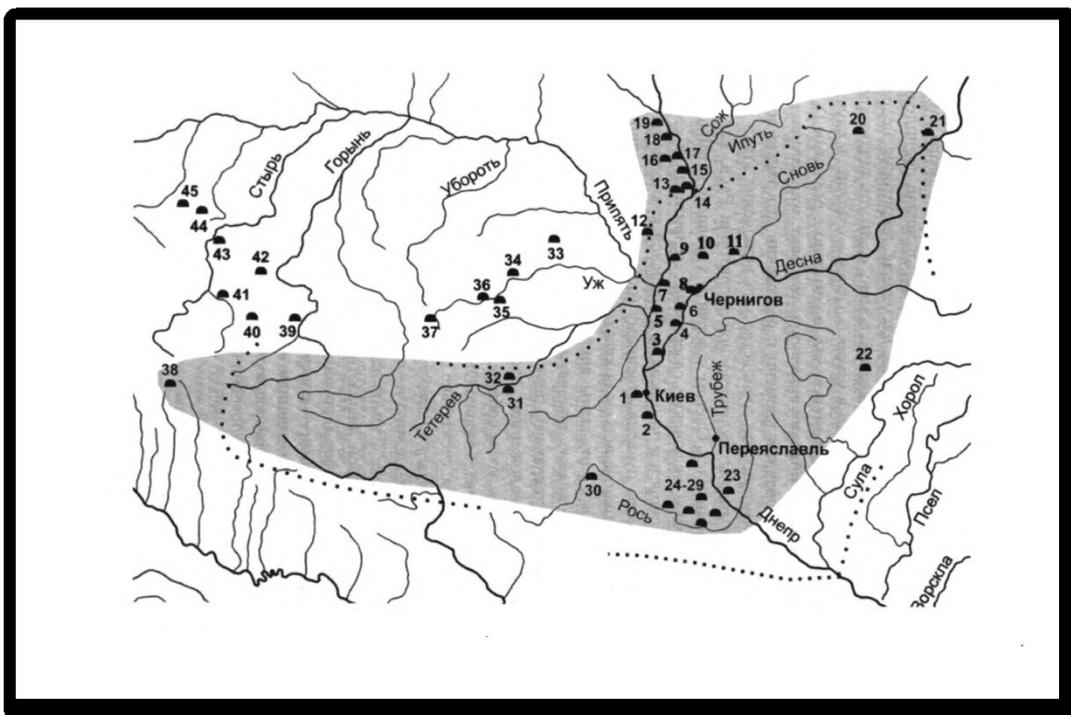

Рисунок А.3 – «Русская земля» в начале XI века (А. С. Щавелев, А. А. Фетисов¹)

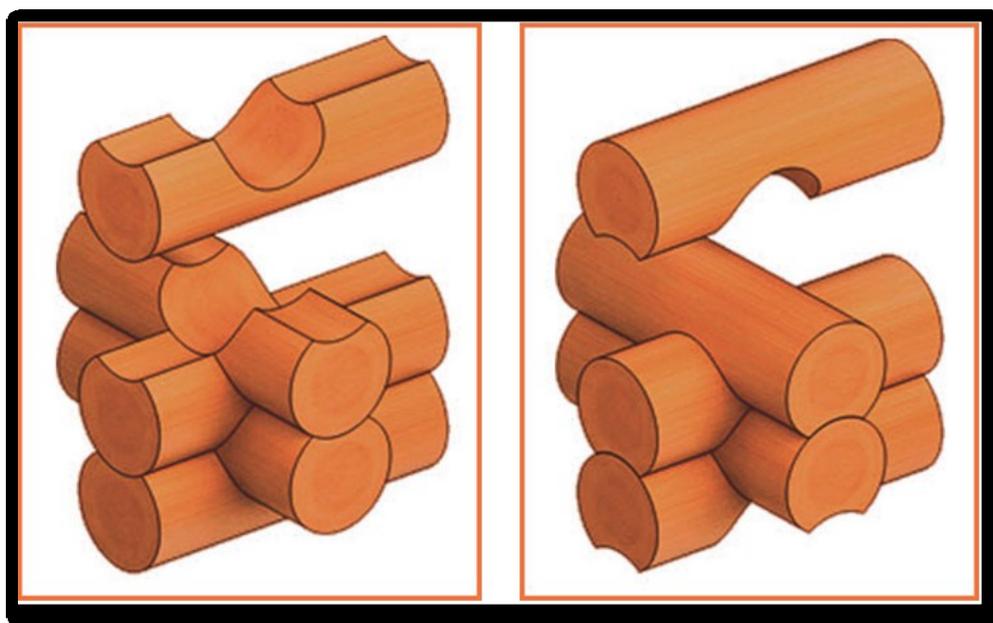

Рисунок А.4 – Рубка в обло (слева) и в охлуп (справа)

¹ Щавелев А. С., Фетисов А. А. К исторической географии Восточной Европы IX – начала X века // Историческая география. 2014. Т. 2. С. 37.

Рисунок А.5 – Юго-западный угол сруба 2. Киев, Подол, Красная пл.¹.

¹ Новое в археологии Киева / отв. ред. П. П. Толочко. Киев, 1981. С. 95.

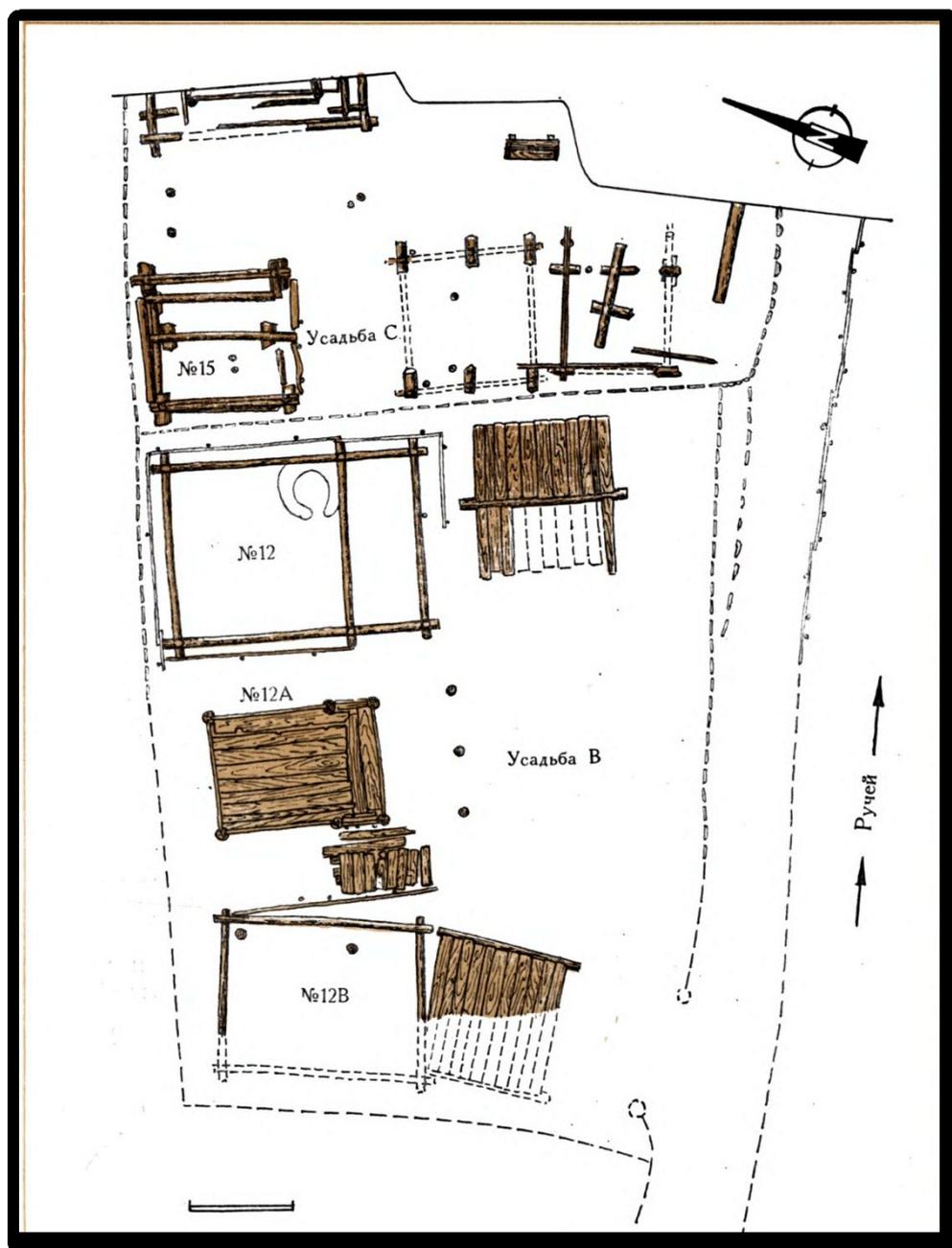

Рисунок А.6 – Усадьба X века. План. Киев, Подол, Житный рынок¹

¹ Новое в археологии Киева / отв. ред. П. П. Толочко. Киев, 1981. С. 117.

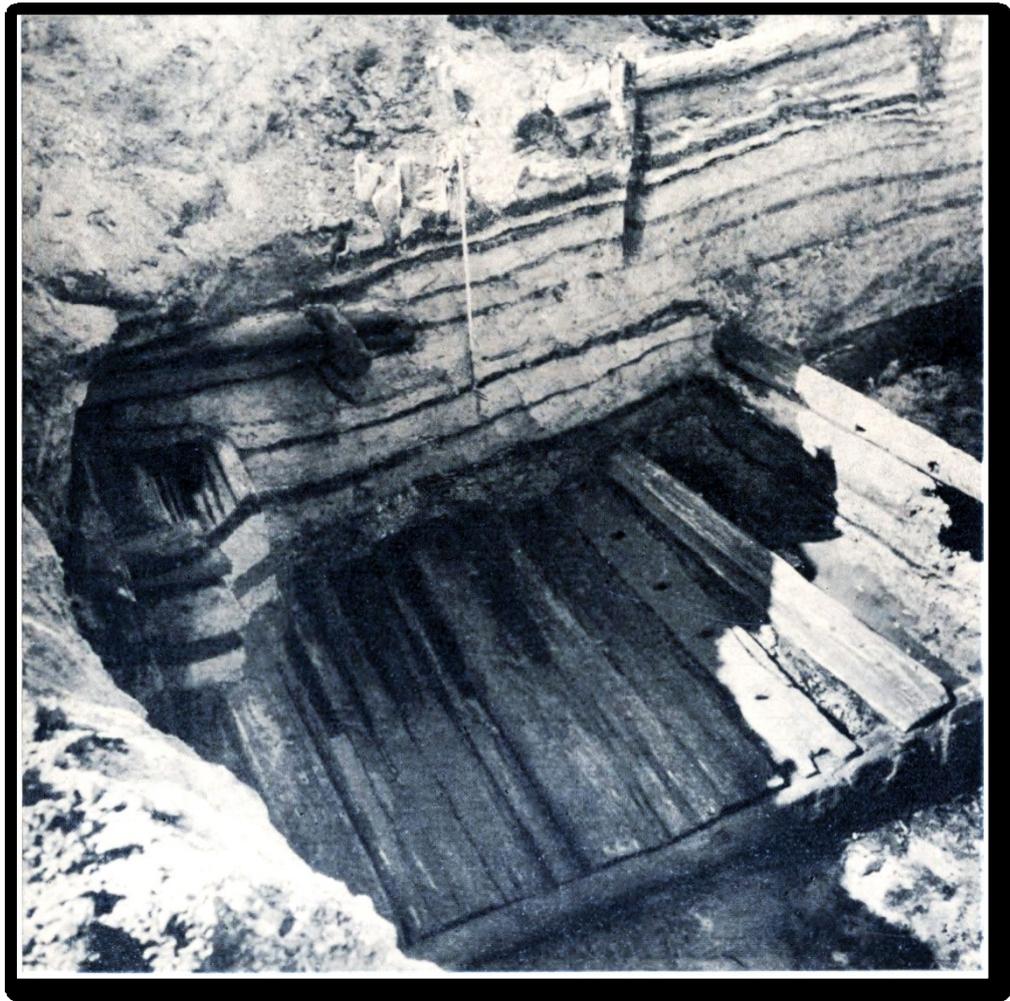

Рисунок А.7 – Вымостка у сруба 12 Б. X век. Киев, Подол, Житный рынок¹

¹ Новое в археологии Киева / отв. ред. П. П. Толочко. Киев, 1981. С. 120

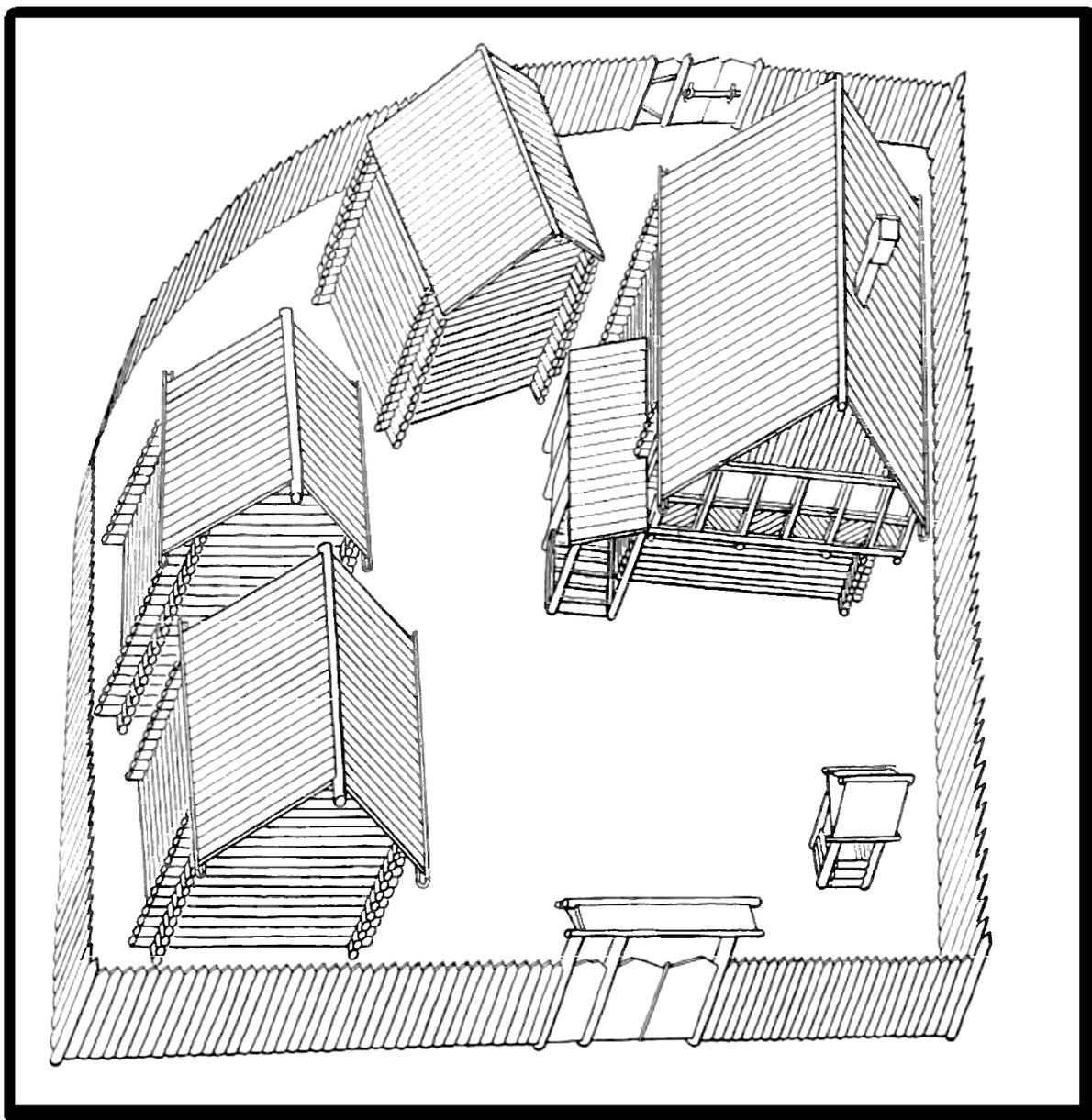

Рисунок А.7 – Древнерусская усадьба. Реконструкция. Киев, Подол, X век¹

¹ Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 186.

Рисунок А.8 – Улица древнего Новгорода. Реконструкция

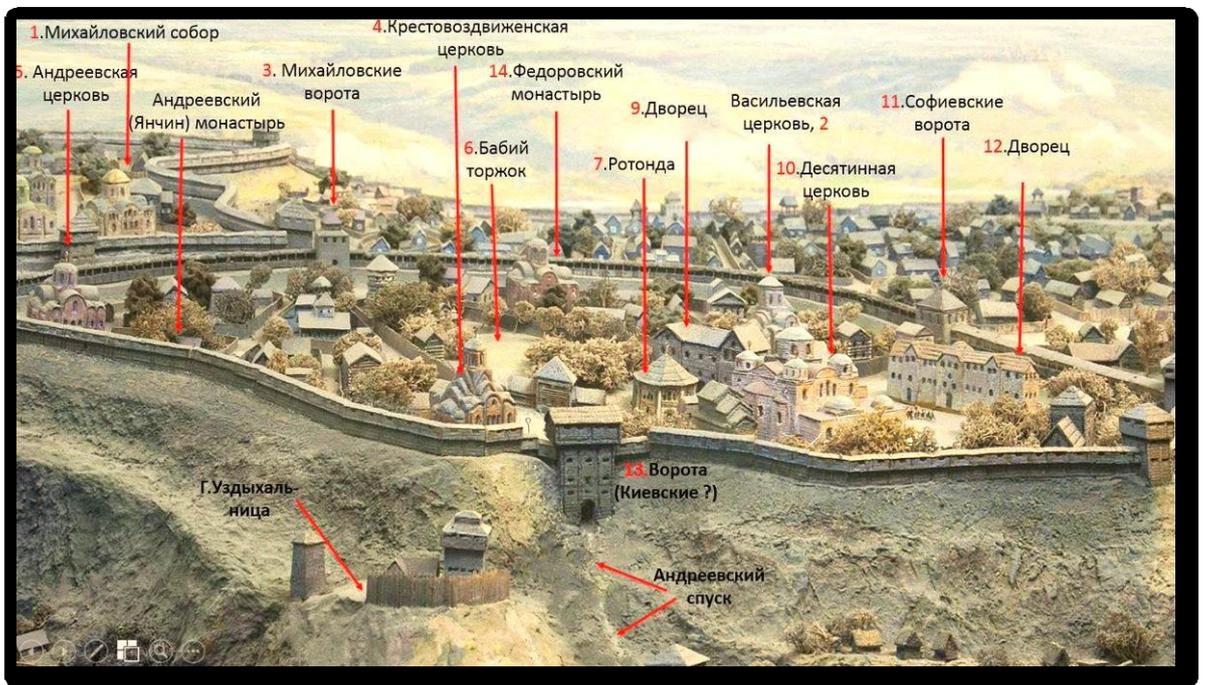

Рисунок А.9 – Киев, город Владимира. Макет

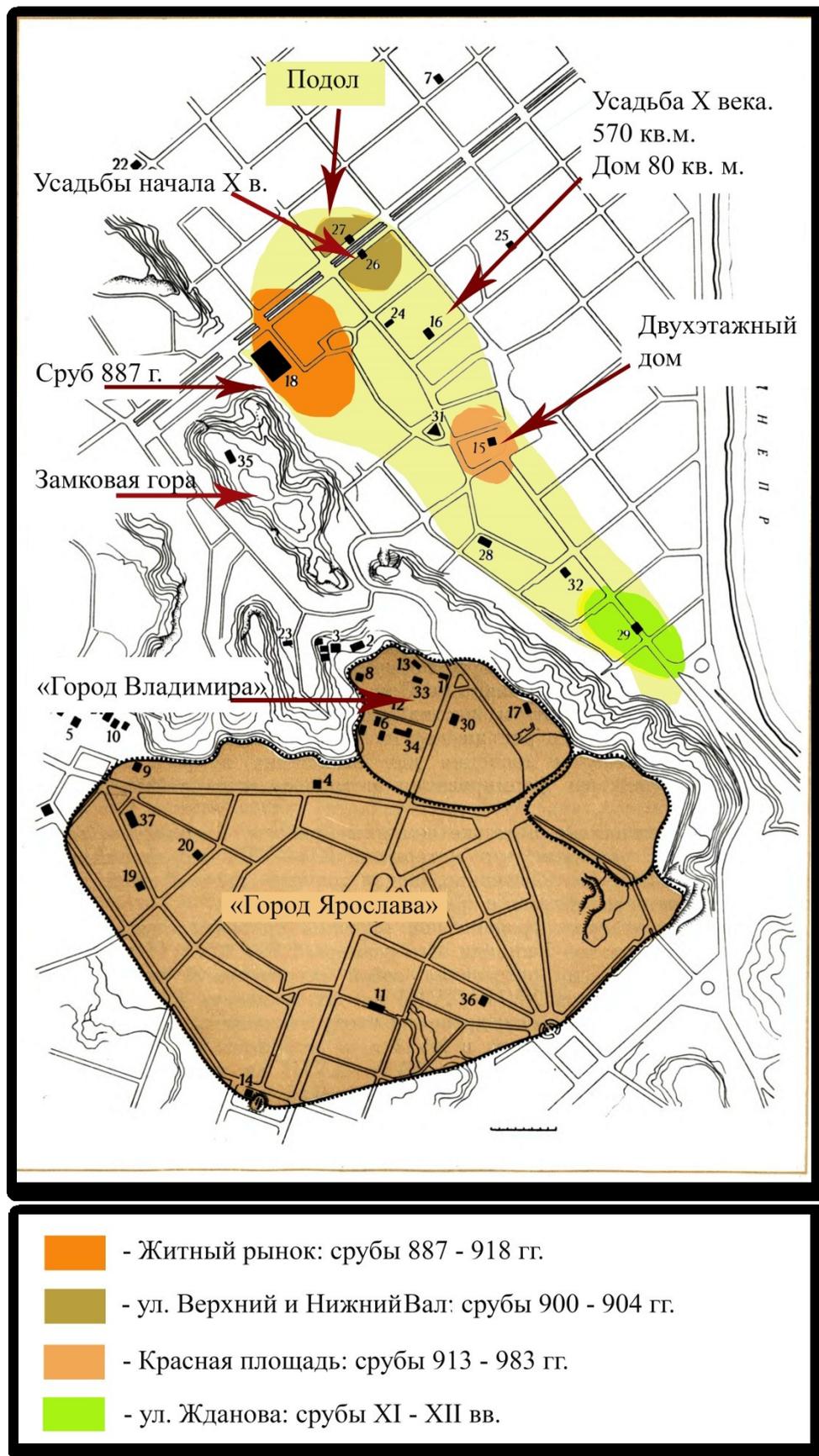

Рисунок А.10 – План Киева. Заселение Подола (на основе дендродат¹)

¹ Карта составлена А. Н. Поляковым на основе плана раскопок Киевской археологической экспедиции (Новое в археологии Киева / отв. ред. П. П. Толочко. Киев, 1981. С. 9)

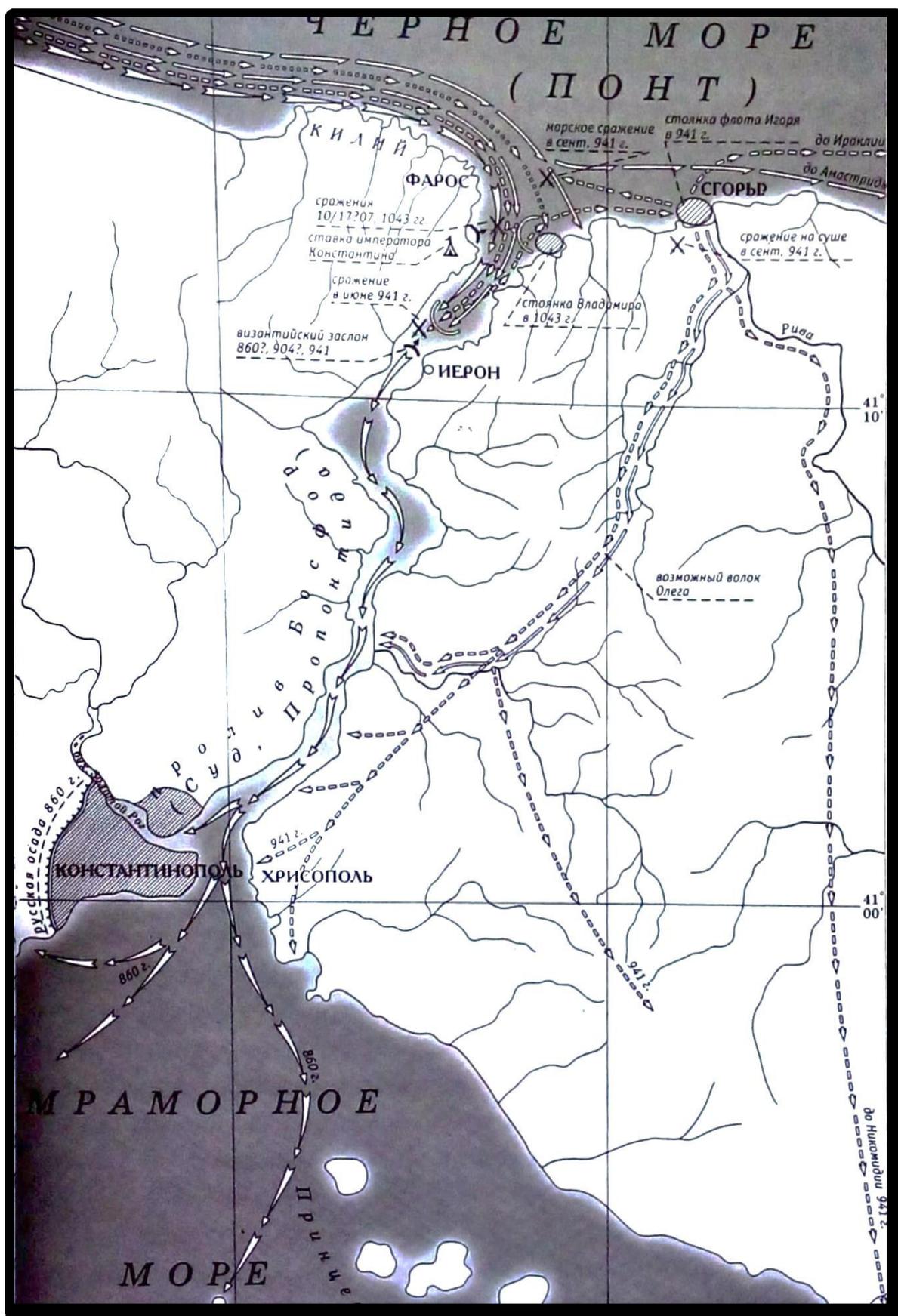

Рисунок А.11 – Походы русов на Константинополь

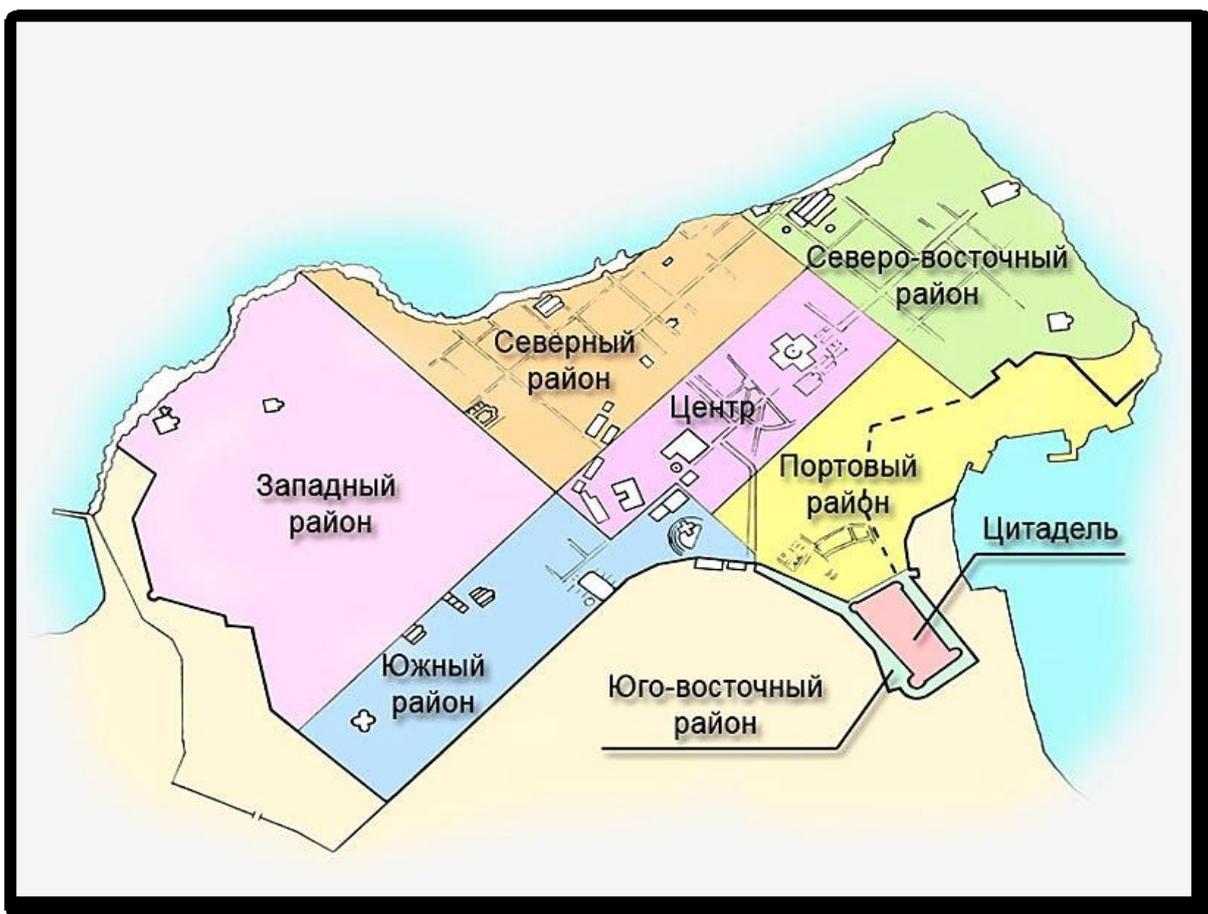

Рисунок А.12 – Город Херсонес. План

Рисунок А.13 – Серьги «волынського» типу

Рисунок А.14 – Ширококорогая зернёная подвеска-лунница

Рисунок А.15 – Златник и сребреники Владимира (вверху I типа, внизу II типа)

Рисунок А.16 – Сребреник Владимира III типа

Рисунок А.17 – Печать Ярослава Владимировича. Фото

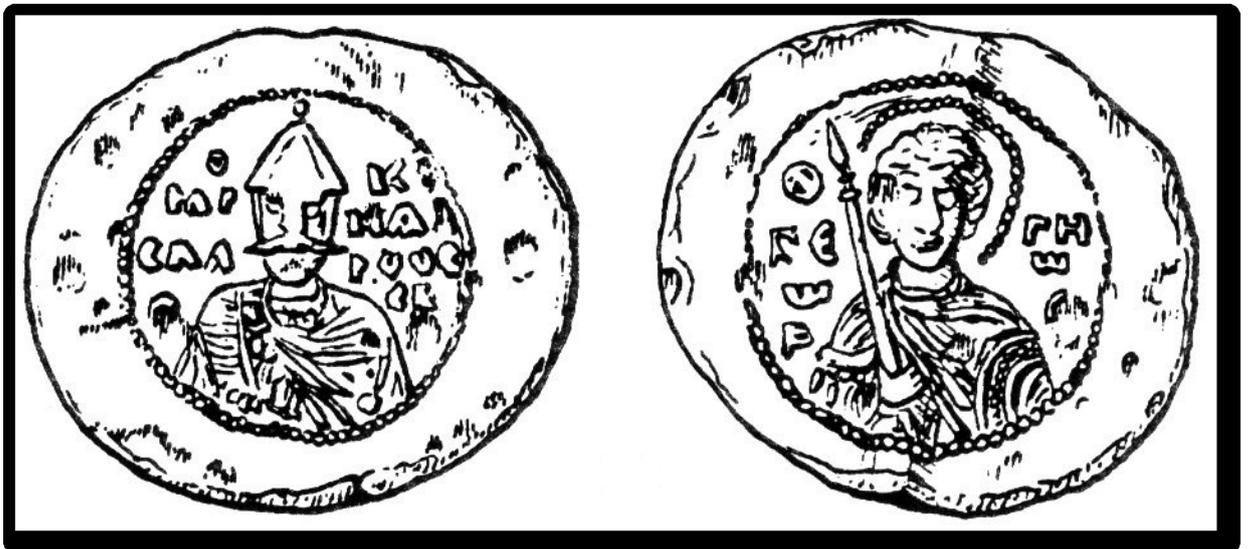

Рисунок А.18 – Печать Ярослава Владимировича. Прорисъ

Рисунок А.19 – Князь Владимир Святославич. Реконструкция автора

Рисунок А.20 – Древнерусский меч каролингского типа с надписью «Людота коваль». Рубеж X–XI вв.

Рисунок А.21 – Древнерусский сфероконический шлем. Реконструкция

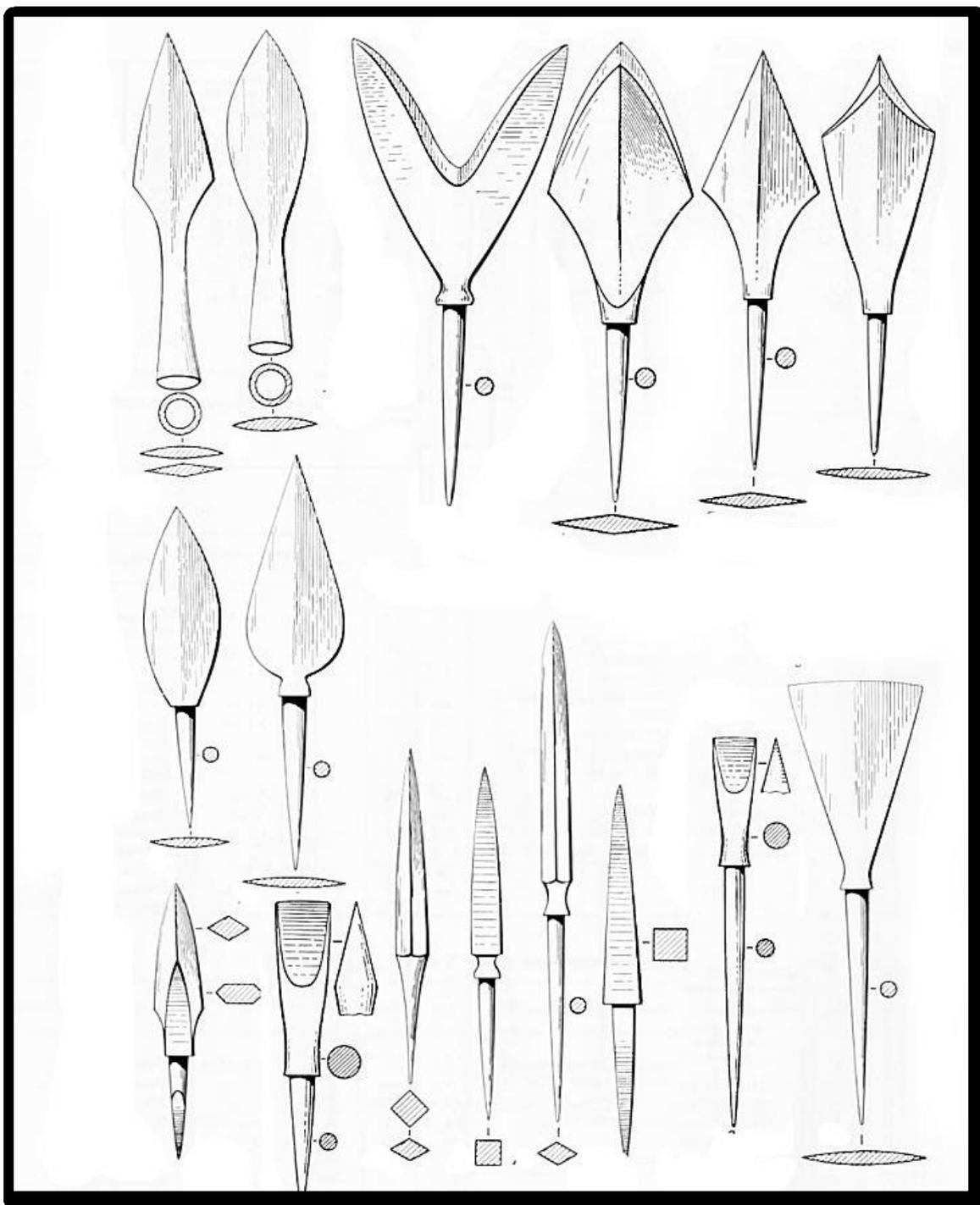

Рисунок А.22 – Древнерусские наконечники стрел

дата типы	X - нач XI вв	XI - XII вв	XII - XIII вв
I чекан			
		<i>Только XI в</i> 	
II			
III			
IV Универсальный			
V ←			
			<i>Только XIII в</i>
VI секира			
VII			
VIII			

Рисунок А.23 – Типы топоров в Древней Руси

Дата тысяч	IX-нач.XI в.в.	XI-XII в.в.	XII-XIII в.в.
I		 <i>Только XI в.</i>	
II			
III			
IV			
V			
VI		 <i>Только XI в.</i>	
VII			

Рисунок А.24 – Типы наконечников копий

Александр Ашихмин

Рисунок А.25 – Древнерусские воины с круглыми щитами. Реконструкция. Фото Александра Ашихмина с фестиваля исторических клубов «Наследие предков». Оренбург, 2019 г.